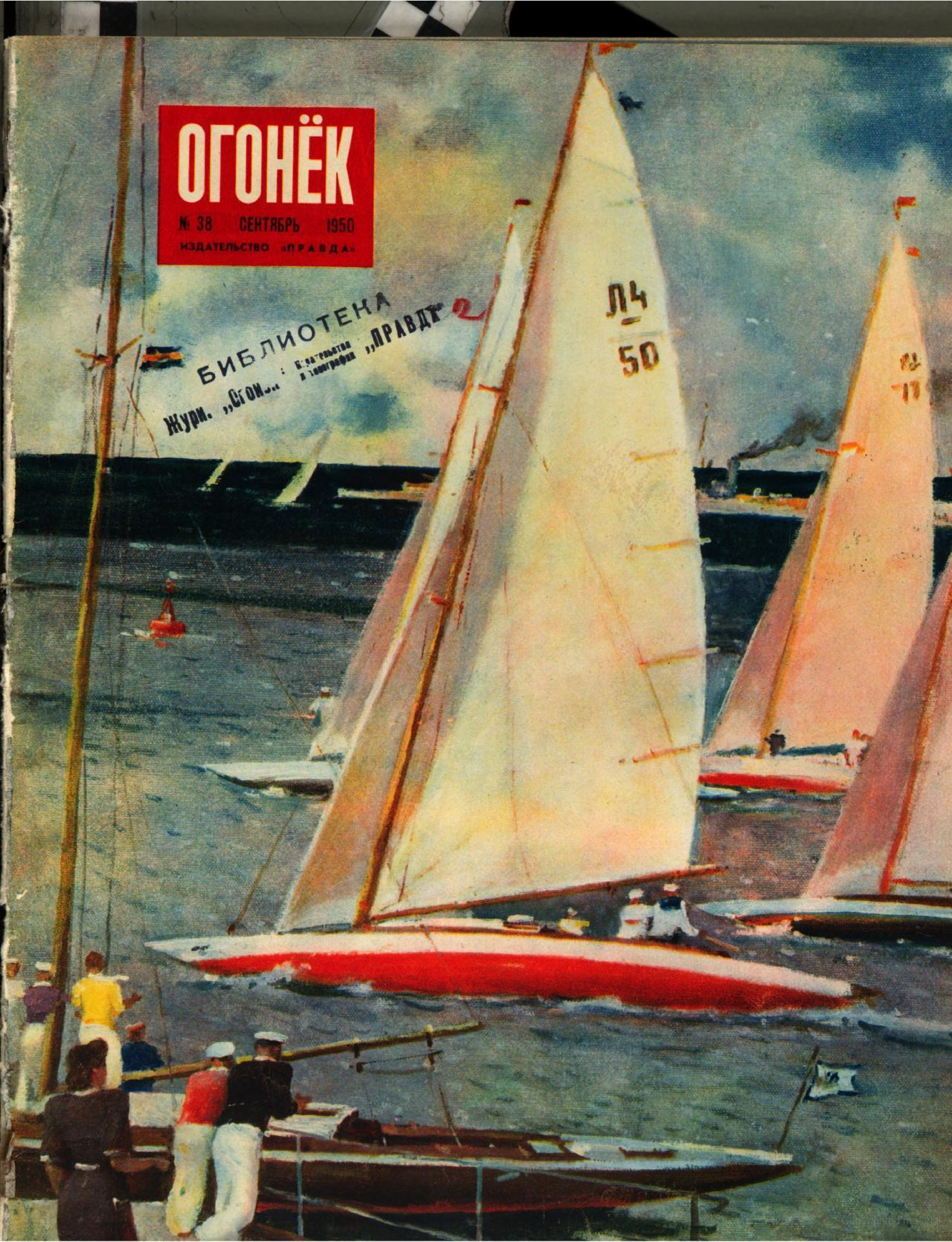

ОГОНЁК
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Л4
50

Удмуртская АССР. В колхоз «1 Мая» прибыла передвижная книжная лавка.

Фото М. Савина.

На первой странице обложки: «Яхты». Художник Г. Нисский.

На последней странице обложки: «Медовый водопад» в окрестностях Кисловодска.

Фото Н. Петрова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 38 (1215)

17 СЕНТЯБРЯ 1950

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

28-й год издания

Начаты подготовительные работы к сооружению гидроэлектростанции на Волге, в районе Сталинграда. (См. на стр. 11 «На стройке Сталинградского гиганта»).

На снимках (сверху вниз): здесь будет воздвигнута Сталинградская ГЭС; высаживаются первые буровые партии; коллектор Н. К. Данилова отбирает образцы пород.

Внизу: начальник геологической экспедиции Л. А. Припотень (справа) и буровой мастер В. К. Нечаев.

Фото С. Курунина

М. Вистин

1

Залитые кровью, застывшие в муке глаза этого корейского юноши обращены в безучастному небу. В его предсмертном взоре — ненависть и проклятье палачам в американских мундирах.

Некий американский офицер, воюющий в Корее, недавно сказал корреспонденту «Нью-Йорк геральд трибюн» в порыве внезапной откровенности: «Назовите нас ротой убийц». Он был чрезмерно скромен, этот трумэновский вояка: речь идет не о роте, а о дивизиях убийц, спущенных с цепи магнатами Уолл-стрита.

Американские интервенты дикой ордой ворвались в Корею. Нет счета их чудовищным злодеяниям, нет предела их изощренному лицемерию. Сея на каждом шагу разрушение и смерть, бесчеловечно истребляя беззащитных людей, они пытаются изобразить себя «стражами порядка», мягкосердечными друзьями «малых и сирых».

Но кровавые преступления американских империалистов выдают их с головой. Весь мир знает: только ненасытная жажда прибылей, только неуемное властолюбие движут поджигателями войны в Корее. Во имя своекорыстных интересов кучки миллиардеров с Уолл-стрита американские убийцы хотят кровью и страданиями сломить волю корейского народа, поработить свободную Корею.

На это может быть только один ответ: не вышло и никогда не выйдет!

2

Еще недавно здесь пролегала линия обороны американских интервентов, одна из многих «макартуровских линий», разорванных в клочья героическими солдатами корейской Народной армии. А теперь через этот водный рубеж уверенно переправляются народные войска.

Решительно ломая сопротивление врага, они движутся вперед, неся своим согражданам избавление от ужасов американской оккупации.

3

По улицам одного из городов Южной Кореи, освобожденных от ига интервентов, идет колонна добровольцев Народной армии. Лица их дышат мужеством. Песни борьбы и гнева звучат в их устах.

Около 800 тысяч сынов и дочерей свободолюбивой Кореи подали заявления о желании вступить в ряды действующей армии. «Зверства врагов вспенили мою кровь, — пишет в своем заявлении Ким Ок Сун, девушка из провинции Канвон. — Я не могу больше терпеть. Я хочу бороться против врагов до последней капли крови». В этих словах — мысли и чувства всего корейского народа, стеной поднявшегося на защиту свободы и независимости родины.

4

Зенитные орудия корейских моряков готовы к бою, сердца их полны отваги.

Доблестные защитники Кореи твердо верят в свои силы, в свою победу.

5

Заслуженное возмездие постигло еще одного воздушного пирата. Обломки американского истребителя, сбитого в бою корейскими летчиками, распростерлись на обочине мирного поля, возделанного трудолюбивыми корейскими крестьянами.

Символическая картина: жизнь и труд всегда сильнее насилия и смерти!

6

Где владельцы этого орудия, чванливые завоеватели из Соединенных Штатов? Увы, след их давно простыл! Под ударами корейских воинов американские интервенты сплошь да рядом бросают не только свои орудия, но и мундиры...

7

Попадая в плен, американские солдаты и офицеры мгновенно теряют опереточное павлинье оперение. Хотя пленным, заснятым на этом фото, ничто больше не угрожает, кроме американских же бомб, лица их мрачны, угрюмы. Не раскаяние ли в бесчисленных преступлениях на корейской земле гнетет их?..

Матерый поджигатель войны генерал Брэдли, вторя захватчикам всех времен, изрек: «Солдат должен меньше всего думать. Размышляющий солдат может сорвать цели, для которых предназначены вооруженные силы». Но жизнь — хороший учитель, и, вняв горьким урокам бесславных поражений, группа американских военнопленных в Корее недавно писала в своем обращении к Совету Безопасности: «Мы обращаемся к вам с призывом принять все возможные меры для немедленного прекращения этого бессмысленного кровопролития».

8

Американские интервенты, бессильные сломить сопротивление корейского народа в открытом бою, возлагают свои надежды на бесчеловечные бомбардировки — позорное оружие террора против мирного населения.

На этих улицах Пхеньяна не было ни одного военного объекта, ни одного промышленного предприятия. И тем не менее они сметены с лица земли варварской бомбежкой американских летчиков...

9

Под руинами зданий погребены сотни мирных жителей Вонсана — женщин, стариков, детей. Это с ними воюет американская армия. Это против них бросил свою военную машину американский империализм...

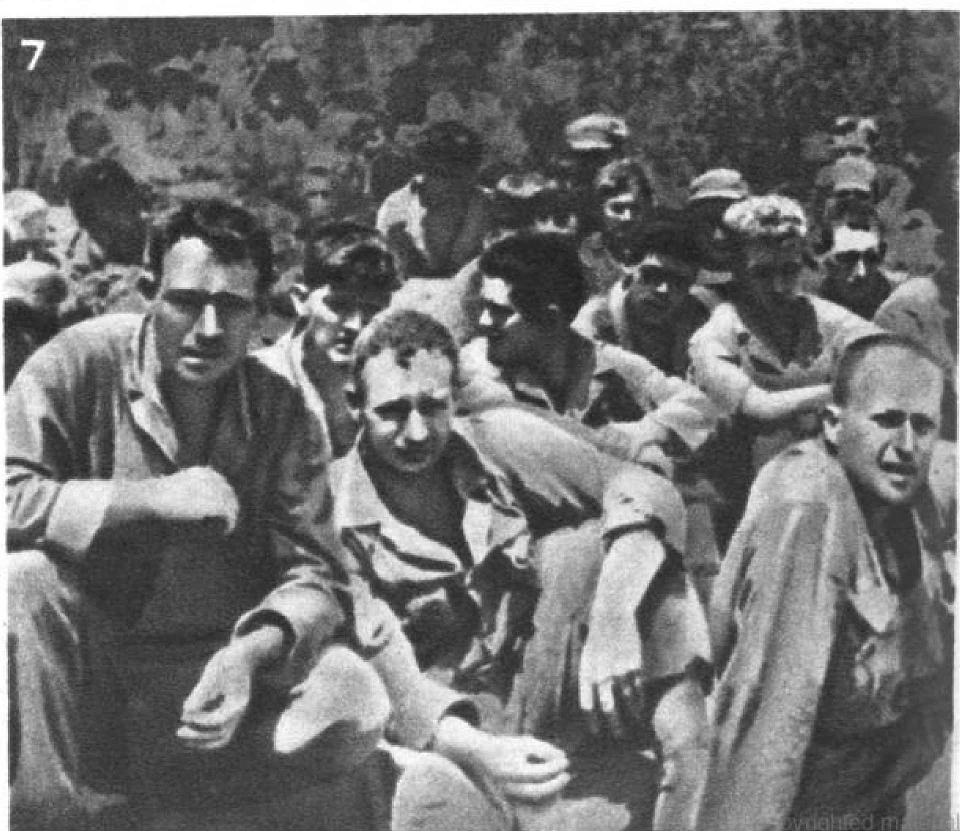
Незадачливые стратеги из Белого Дома пытаются подсластить горечь своих военных неудач в Корее потоками крови мирных, беззащитных, ни в чем не повинных людей. Уолтер Липман, заядлый борзописец американских монополий, деликатно именует это «корейскими методами проведения доктрины Трумэна». Но на языке всех честных людей мира это называется куда проще: варварское, преступное человекоубийство в низменных, корыстных целях.

Весь мир клеймит позором американских убийц. Из края в край земного шара гремит гневный клич сотен миллионов людей: «Остановить руку американских палачей!», «Вон из Кореи американских интервентов!».

1

КОРЕЯ В

4

7

БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ

Вахта мира

Советский человек — человек действия. Подписывая Стокгольмское Воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, голосуя за объявление военным преступником того правительства, которое первым применит атомное оружие, рабочие Москвы и Урала, колхозники Украины и Средней Азии дали клятву не только поддерживать, но и укреплять лагерь мира.

Страна Советов — это сердце движения всего человечества против войны, это воплощение воли к укреплению лагеря мира. Укреплять лагерь мира — значит отдать все силы, энергию, разум свой усилению могущества страны социализма. Так рассуждают советские люди. Так они действуют. Борьба за мир — святая святых, правило жизни трудящихся.

Ужасы войны не истерлись из сознания советского человека. Он помнит сожженные города, чтит память замученных в лагерях смерти своих соотечественников. Кровавые видения недалекого прошлого усиливают стремление предотвратить новую мировую войну, избавить человечество от бессмысленных жертв, прекратить американскую агрессию на востоке азиатского материка.

У советских людей крепкие нервы, и бред поджигателей войны не вызывает у них страха. Чем громче воют империалисты, тем непреклоннее наша воля к миру. Советские люди знают: сильнее лагерь мира — крепче связаны руки поджигателей новой мировой войны.

Только изолгавшиеся лицемеры не хотят видеть искреннего стремления советского государства, народов СССР к миру. Только таким людям, как господин Эттли, оправдывающий американскую агрессию в Корее, непонятно, чего хочет советское правительство. Люди доброй воли знают, что СССР преисполнен самых мирных намерений.

В те дни, когда президент Трумэн потребовал от американского конгресса ассигновать еще 15,6 миллиарда долларов на военные авантюры, советское правительство утвердило новый грандиозный план повышения урожайности, а следовательно, и благосостояния советского народа, план перехода на новую систему орошения.

В те дни, когда британский премьер Эттли сообщил своим американским покровителям о готовности истратить в ближайшие три года три с половиной миллиарда фунтов стерлингов на подготовку войны, советское правительство действовало на благо народа. Оно приняло решение о постройке в ближайшее пятилетие крупнейших в мире электростанций на Волге, у Куйбышева и Сталинграда. Это электростанции мира, стройки грядущего коммунизма.

С восторгом встретили советские люди программу великих работ, заботу своего правительства о счастливом завтрашнем дне трудового народа.

— Мир не приходит сам,— сказала стахановка Уфимского кабельного завода Лилия Шванникова.— За него надо бороться, бороться всеми силами.

Так думают все трудящиеся Советской державы. Создать преграду на пути поджигателей войны — значит прежде всего укрепить лагерь мира. Именно потому стали на мирную трудовую вахту миллионы патриотов. Могущество СССР — это усиление лагеря людей доброй воли.

По шоссе и грунтовым дорогам страны в эти дни вереницами движутся обозы, груженные золотистым зерном нового урожая. Обилие продовольствия и сельскохозяйственного сырья — это могущество Родины. Вот почему колхозники Теректинского, Приуральского и Бурлинского районов, Западно-Казахстанской области, именуют груженные пшеницей вереницы подвод и автомобилей хлебными обозами мира. Именно потому спешат отправить на заготовительные пункты караваны с хлопком отборных сортов колхозники Алатского района Узбекистана. Больше продуктов сельского хозяйства — богаче и сильнее наше миролюбивое Отечество.

«Пусть наш труд, наша непоколебимая воля к миру будут грозным предостережением всем тем, кто хочет снова развязать войну»,— пишет рабочий Ереванского шинного завода С. Мелконян. Советские люди последовательны и настойчивы в своей борьбе за предотвращение угрозы новой войны.

Сталью мира называют выплавленный сверх плана металл магнитогорские сталевары. Шахтами мира именуют угольщики Донбасса предприятия, выдающие на-гора угля больше, чем предусмотрено планом.

Сталь эта предназначена для мирного развития. Из нее сделают тракторы и плуги, изготовят затворы для плотин новых оросительных систем. Уголь этот — для созидательного труда, для процветания наших городов, для питания индустрии, укрепляющей могущество Родины.

— Оголтелым атомщикам противостоят миллионы и миллионы прогрессивных людей всех стран, грудью ставших на защиту мира,— сказал киргизский ученый Асылбек Алтмышбаев.

Вахта мира — это демонстрация силы борцов против опасности новой войны. Успех ее несомненен. В дни вахты все рабочие Казахского металлургического завода стали стахановцами. Это ли не победа?! Половина мартеновцев и прокатчиков завода перевыполняет сменные задания в полтора и в два раза. Победные вымпелы мира украшают рабочие места многих передовиков соревнования на Московском заводе вторичного алюминия.

— Всеми силами мы будем бороться за мир, против войны, за международную безопасность! — заявил, становясь на вахту, машинист Ленинаканского депо Г. Абаджян. Его паровоз уже пробежал без ремонта на 35 тысяч километров больше установленного нормой расстояния.

Вахта мира — это сверхплановая продукция, новые станки и машины, облегчающие труд человека. Изготовленный сверх плана погрузчик «Т-107» украшает специальная надпись: «Родине от комсомольцев и молодежи киевского завода «Красный экскаватор», ставших на стахановскую вахту мира».

Жаждой мира проникнуты жизнь и деятельность граждан страны победившего социализма. Спокойный и радостный труд — это осуществление сталинской программы построения коммунизма. Великий Сталин учит нас, что коммунизм осуществим и в капиталистическом окружении. Для приближения нашей победы требуется вдохновенный и самоотверженный труд.

Советское государство родилось под знаком мира. В день победы Великой Октябрьской социалистической революции на заседании Петроградского Совета великий Ленин провозгласил беспромедлительный выход России из первой мировой войны. «Справедливый, немедленный мир, предложенный нами международной демократии,— говорил он,— повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах».

Декрет о мире был одним из первых законов молодого советского государства. Вся последующая политика Страны Советов была политикой дружбы народов. В истории человечества не было более миролюбивого государства, чем наша страна. Ни одна партия не боролась за мир так горячо, как борется за него партия Ленина — Сталина.

Человек создан для творчества. Его призвание — обновлять и украшать нашу планету. История развивается в интересах трудящихся. Дружба и сотрудничество, взаимопомощь народов — это нормальное существование человеческого общества. В обстановке мира народы улучшают свое благосостояние. Великий Советский Союз, страны народной демократии Европы и Азии в мирные дни строят общество, основанное на процветании и благоденствии людей труда.

Войны хотят те, кому не по душе человеческая радость. Во имя сохранения рабского строя капитализма мобилизуют злых духов войны господа трумэны и черчилли. На пушки и атомные бомбы возлагают они свои надежды, стремясь остановить бег истории.

Войны хотят заправилы Уолл-стрита, преисполненные человеконенавистничества. Это они переняли гитлеровскую манию мирового господства и намереваются поработить народы. Империалистам Америки и их лакеям претит мир, им нужна кровь трудящихся, пролитая на полях сражений. Это американские империалисты, начавшие подготовку к новой войне еще тогда, когда народы праздновали победу над германскими и японскими агрессорами, принесли смерть на мирные корейские поля. Самолеты, снаряженные дельцами Уолл-стрита, по-пиратски прикрывающиеся флагом Объединенных Наций, сбрасывают бомбы на головы женщин и детей миролюбивой страны, дотла сжигают корейские города и села.

Война — неизбежный спутник капитализма. Международный разбой — оружие эксплуататоров. Но военная истерия — не выражение силы и не признак мудрости. Ленин и Сталин доказали, что мирное сосуществование социализма и капитализма возможно. Это — соревнование, из которого социализм, бесспорно, выйдет победителем, а капитализм будет повержен и похоронен. Война, которую хотят развязать империалисты, только приблизит срок их гибели.

Народам война не нужна. Трудящиеся не хотят захвата чужих земель: они сторонники равенства и равноправия народов. Они против рабского труда и обогащения эксплуататоров. Народные массы объединяет жгучая ненависть к агрессорам.

Триста тридцать шесть миллионов человек подписали Стокгольмское Воззвание против атомной войны, за мир и дружбу народов. И в первых рядах людей доброй воли все взрослое население СССР. Упорным трудом подтверждаем мы свое решение отстаивать право народов на безопасность.

Народы стремятся к миру. Они не просят его, а требуют и добиваются. Американские империалисты не отказались от мысли сбросить атомную бомбу на корейские города. Но они не решились сбросить ее до сих пор потому, что боятся гнева народов. «Это произвело бы неблагоприятное впечатление в ряде стран»,— разболтали секрет друзья атомщиков, обосновавшиеся во французской газете «Монд».

Поджигатели войны вначале пытались игнорировать движение сторонников мира. Теперь им не до улыбок: голос 336 миллионов не перекричишь! Есть энергия сильнее атомной. Это энергия трудового люда.

Древняя народная пословица гласит: «Если весь народ вздохнет,— будет буря». Воля народов к миру напоминает бурю. Особенно, когда эта воля подкрепляется действиями. Вахта мира — хорошее действие. Такую вахту, по примеру советских людей, проводят и трудящиеся стран народной демократии.

Невозможно атомными бомбами остановить движение вселенной. Нельзя с помощью пушек укротить стремление народов лучше устроить свою жизнь. Как сказал товарищ Сталин: «...Только люди, впавшие в детство, могут думать, что законы артиллерии сильнее законов истории, что можно повернуть вспять колесо истории выстрелами...» Все пути в наши дни ведут к коммунизму. Коммунизм — это человеческое счастье, изобилие всего необходимого для светлой и радостной жизни людей, для полного и всестороннего развития человеческой личности, для процветания наук и искусств. Спокойствием и несокрушимой волей к труду, к преобразованиям проникнута жизнь советских людей. Нам война ни к чему! У нас одна забота — строительство коммунизма.

В середине ноября состоится второй Всемирный конгресс сторонников мира. То будет новый этап могучего движения борцов за мир, за всеобщее сокращение вооружений. Конгресс выразит волю всего прогрессивного человечества. Советские люди будут в первых рядах тех, кто поддержит любые действия, направленные к обузданию поджигателей новой мировой войны.

«Мир — народам!» — к этому призывали знамена победившей советской революции в октябре 1917 года. Под этими знаменами проводит свою трудовую вахту самый мирный народ на земле — советский народ.

«Не бывать новой мировой войне! Мир — народам!» — таков лозунг советских людей, всех людей доброй воли земли.

К. СМИРНОВ

НА СТАРОМ ЗАВОДЕ

Борис ЗУБАВИН

Фото И. Шемякина

Слесарь Семен Гаврилович Каменских вернулся домой не в духе. Усы его метелками топорщились в разные стороны, но выражение лица было не злое, а очень печальное.

Не умываясь, Семен Гаврилович тяжелой поступью измученного человека прошел в горницу и долго сидел за столом, положив руки на чистую скатерть, и, растопырив пальцы, сосредоточенно рассматривал их, время от времени зябко покрякивая, как на морозе. Все это выдавало беспокойное состояние его души. Будто в суматохе, теснились, налезая друг на друга, и смятение, и растерянность, и гнев, и... чорт знает, что еще. Чувствовал он себя прескверно.

Вчера общественность цеха устраивала субботник, на который Семен Гаврилович не явился, полагая, что с него достаточно и того, что он еще продолжает до сих пор работать на заводе.

На следующий день начальник цеха встретил старика и спросил, знает ли он, что такое субботник.

— Ась? — спросил Семен Гаврилович, трубкой прикладывая ладонь к уху.

— Знаешь ли ты, что такое субботник? — повторил начальник, вспомнив, что с Каменских надо разговаривать громко. Семен Гаврилович полстолетия проработал среди несмолкаемого грохота: был и котельщиком, и кузнецом, и кровельщиком, и монтажником — и теперь плохо слышал.

— Как не знать! — сказал Семен Гаврилович и стал обстоятельно объяснять начальнику, что «субботник — это дело такое... общественное...»

— Почему же ты не участвовал в нем?

— А меня, видишь ли,— простодушно сказал Семен Гаврилович,— как пороблю я в цеху, полежать тянет, особливо в воскресенье. Чтобы руки, стало быть, отдохнули.

Начальник цеха принадлежал к той категории здоровых, жизнерадостных и счастливых людей, которым, оттого что они молоды и полны сил, кажется странным и непонятным предположение, что они когда-то могут состариться. И вследствие этого им удивительно, что люди, достигшие, предположим, такого возраста, в котором находился теперь Семен Гаврилович, не могут уже работать с той неутомимой молодцеватостью, на которую способны они сами.

Кроме того, начальнику было известно, что Семен Гаврилович обладает редким, ценнейшим для слесаря дарованием — держать инструмент с одинаковой ловкостью и в правой и в левой руке. Когда-то даже было подсчитано, что он подряд, без отдыха, мог нанести по зубилу чуть не триста ударов молотком, держа его в правой руке, потом перехватить в левую и нанести столько же, снова перехватить в правую и так далее. Это сделало Семену Гавриловичу славу сказочно выносливого человека.

Теперь, разумеется, он не мог похвастать своей неутомимостью: сила в руках была уже не та. Но он продолжал работать. И работал не хуже других. А если он не вышел на субботник, так что из этого?

«Придираются ни с того ни с сего,— обиженно подумал Семен Гаврилович.— А вот как возьму да и уйду совсем, и посмотрим... Да, поглядим, как вы без меня...»

Обида была настолько неожиданной и сильной, что он даже ничего не сказал начальнику, только пошевелил растопыренными пальцами. Потом он почувствовал, что в груди его возникла режущая боль, видимо, вызванная этой обидой, и что-то стало натягиваться, как струна, становясь все тоньше и тоньше, а во рту появился горький, солоноватый привкус, и когда он облизал пересохшие губы, то даже усы, попав на язык, показались горькими. Потом струна в груди вдруг оборвалась, и Семен Гаврилович сразу как-то ослаб, и ему все стало совершенно безразлично. Он повернулся и, спотыкаясь, не видя под собой дороги, тихо побрел прочь.

Через час он принес начальнику заявление, в котором просил освободить его от работы.

— А какая причина? — спросил начальник, повертев заявление в руках.

— Причина тебе известная,— сказал Семен Гаврилович, потупясь.— Ухожу я по старости, на пенсию.

Старейший рабочий Юго-Камского завода Семен Гаврилович Каменских.

...Теперь он сидел у себя в горнице и, глядя на свои руки с такой жалостью, словно их отрубили у него, думал, вздыхая, о случившемся.

— Шабаш,— наконец вымолвил он, стукнув ладонью по столу.— Ушел с завода.

В доме Каменских разговаривали всегда до того громко, что под окном было слышно каждое слово, но жена, напуганная его видом, поперхнулась и спросила шепотом:

— Совсем?

— Ну? — сердито поднял он голову.

— А что «ну»! — уже естественным голосом сказала жена.— Проживем.

«Проживем»,— подумал он,— не то слово».

— Пенсия тебе идет, дочери работают,— заговорила жена, тут же, однако, прикидывая, какие изменения могут теперь произойти в их бюджете, и радуясь тому, что изменения эти совсем незначительны.— Да и сам ты кастрюлишку кому починишь, самовар, мало ли...

«Самовар,— думал он,— кастрюлишку... Мне, слесарю-монтажнику, самовары теперь лудить!»

* * *

Первое время Семен Гаврилович старался утешить себя тем, что наконец-то он отдохнет, отлежится; а надоест — возьмет лукошко да за грибами или на пруд рыбу удить. Но все оказалось гораздо сложнее. Он не мог найти себе места от скуки и скоро убедился, что этот вынужденный отдых — самое тяжкое из всего, что он испытал за свою долгую жизнь.

Положение усугублялось еще тем, что вокруг завода не было ничего, кроме леса и гор, и поселок, раскинувшийся вдоль старого широкого сибирского тракта, жил главным образом заводскими интересами, так что, куда ни пойди, всюду наткнешься на заводское. Чувствовать же себя отрешенным от всей этой жизни было мучительно. И чем дольше Семен Гаврилович сидел дома без дела, тем тоскливее становилось его существование.

Он попробовал заняться починкой кухонного инвентаря, который натащили к нему соседки: попаял, полудил, поклепал, напустил полную кухню едкого запаха кислоты и керосиновой гари, так что даже от печки, в которой варился суп, стало пахнуть паяльной лампой, и наконец, плюнув, ушел из дому.

В механо-сборочном цехе висели плакаты-молнии, оповещавшие о вахте мира.

На берегу верхнего пруда, откуда был хорошо виден весь завод, стоящий в низине, под плотиной (сам не заметил, как ноги привели на это место), Семен Гаврилович встретил Зеленина, высокого, худого, как Дон-Кихот, старика, работающего в отделе технического контроля.

Зеленин удил рыбу. Свернув большую папироску, он стал беспокойно шарить по карманам, отыскивая спички. Семен Гаврилович спустился к рыбаку и протянул ему свой коробок.

— Видать, потерял спички-то? — спросил он, заглядывая в ржавое ведерко, в котором лежало штук двадцать уже уснувших рыбешек.

Зеленин тоже плохо слышал и, прикурив, ответил:

— На ушицу вот наловил.

Минуту спустя они уже сидели рядом, лицом к лицу, и кричали так, словно находились шагах в тридцати друг от друга.

— Я с ночной! — кричал Зеленин. — Никак утром спать не могу. Вот половлю, пообедаю, тогда и спать.

— Так-так,— кричал Семен Гаврилович.

— Нынче пятьдесят лет будет, как я на заводе-то роблю! — кричал Зеленин.— Заводу-то нашему двести лет, так и мой юбилей тоже скоро,— он хитровато подмигнул Семену Гавриловичу. — Ты, чай, не меньше отробил?

Семен Гаврилович вздрогнул. Зеленин словно ногтем колупнул его большую, незажившую рану. «Отробил,— вздохнув, подумал он. — Верно, что отробил»,— и, неестественно, через силу улыбнувшись, ничего не ответив приятелю, так с гримасой на лице и пошел домой.

«Двухсотлетие,— думал он. — Двести лет стоит наш завод. Батюшки! Выстроили крепостные графа Строганова, когда были найдены медистые пески. Завод выстроили вон где — у подножья плешивой горы, носящей этакое разбойничье название «Гульбище», на берегу речки Юг, в десяти верстах от Камы,— почему завод и называют Юго-Камский. Сперва был он медеплавильный. А потом пески оскудели и остались одни лишь названия речек: Медянка, Рудничная...»

Вспомнив все это, Семен Гаврилович вздохнул и подумал, что и отец его и дед работали на этом заводе и вся его жизнь тоже прошла тут.

Вспомнилось и о том, что еще совсем недавно поговаривали, будто у завода нет будущего и что, находясь в шестидесяти километрах от железной дороги, он обречен на медленное умирание.

Каменских не мог даже слышать подобных разговоров.

— Не может быть такого,— горячился он.— Наших юго-камских знают. Наши и с Колчаком дрались, и на Хасане, и на Халхин-Голе... А в Отечественную ползавода ушло. — Он был убежден, что этих заслуг никто никогда не вправе забыть.

Однако разговоры и предположения о кончине завода, так волновавшие Семена Гавриловича, не имели под собой никакой почвы. Завод получил заказы на изготовление оборудования для промыслов и заводов, и югокамцы с таким воодушевлением принялись за это новое для них дело, что вскоре были удостоены самых высоких похвал.

И вот в разгар всех этих веселых и добрых дел и самых благих намерений Семен Гаврилович Каменских очутился в жалком и смешном для него положении постороннего человека.

☆ ☆ ☆

Из головы Семена Гавриловича не выходил вопрос Зеленина: «Ты, чай, не меньше отробил?»

«Дурака я свалял, что с завода-то ушел»,— думал он.

Без завода ему не было никакой жизни. Когда дочери собирались на работу, он по привычке тоже начинал суетиться, но, спохватившись, только смущенно крякал. И странно: дни, летевшие раньше так, что не успеешь и глазом моргнуть, теперь тянулись до того нудно, будто в каждом из них было уже не двадцать четыре, а самое маленькое — сто часов. А на заводе, по слухам, начали строить новую котельную, и уж кому-кому, а Семену Гавриловичу следовало принять в этом строительстве самое деятельное участие.

«Хватит,— успокаивал он себя,— поробил я на своем веку. Врачи даже запрещают».

Но все эти утешения были жалкими по сравнению с тем, что делалось сейчас у него на душе.

Однако он еще продолжал крепиться. Однажды, прогуливаясь, Семен Гаврилович встретил токаря Коногорова, который был знаменит тем, что сорок третий год работал на одном и том же станке.

Коногоров шел навстречу Семену Гавриловичу, помахивая суковатой палкой. Он только что прочел в газете о военных действиях в Корее и был настроен чрезвычайно воинственно.

— Ну,— сказал он Семену Гавриловичу,— ушел? — и гневно стукнул палкой о землю. — А я не уйду! Я на вахту мира стал. — Он снова стукнул палкой, словно собирался проткнуть землю. — Чтоб войне не бывать. У меня три сына с фронта не вернулись, лейтенанты. Да!.. Я в память о них, о сыновьях, даю по две нормы в смену и на двух станках...

Это смутило Семена Гавриловича. В тот же день он навестил других своих приятелей, втайне надеясь, что хоть они утешат его чем-нибудь.

Машинист прокатного стана Чазов, маленький, дотошный старичок, к которому он зашел, стал ни с того ни с сего рассказывать, сколько он за свою жизнь предотвратил на заводе аварий. В нерабочее время Чазов ходит по цехам и, как он сам выражается, «спасает аварии».

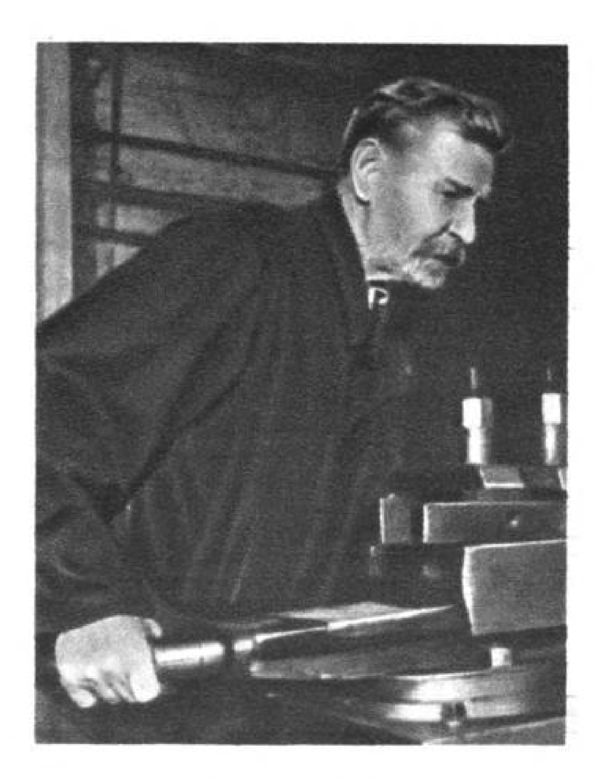
— Зашел я в котельную, а у него труба-то горячая,— с удовольствием рассказывал Чазов. — Я ему говорю: «Пустая ты башка, у тебя сейчас котел лопнет». А он говорит: «Ничего». Я тогда скорее открываю вентиль, спускаю пар, потом, значит, вода потекла... Труба-то и остыла. Он совсем ошалел. «Как, говорит, ты узнал?» «А ты бы трубу-то,— говорю,— пощупал, пустая ты башка!..» Я много аварий отвел. А то вот захожу в дизельную...

— Тебе-то чего надо? — недовольно глядя на него, сказал Семен Гаврилович — Шесть сыновей живы-здоровы, дочь институт кончает, отлеживался бы дома.

— Так их же учить надо,— удивился Чазов, думая в это время о машинистах, мотористах, кочегарах и прочих, за которыми он считает своим святым долгом вести неусыпное наблюдение.

А формовщик Дубровских стал поддакивать:

— Верно, много поробили на своем веку.

Алексей Федорович Коногоров сорок третий год работает на одном и том же станке.

Когда я пришел на завод, цех-то новенький был, а теперь — гляди-ка — состарился прямо на глазах. Это ведь что! Да и народ... Формовщики-то, почитай, почти все мной обучены. Вот хотя бы Путилова Геннадия взять. Карапузом пришел к нам в войну, а какой формовщик теперь из него получился! Славу заводу дал.

— Ну, положим, слава-то не с вашего цеха началась,— не удержался Семен Гаврилович.

— А с чьего же? — насторожился Дубровских.

— С нашего, с механо-сборочного,— загорячился Семен Гаврилович. — Быстро больно забыл! Сначала как было? Сначала, значит, звенья для гусениц не успевали обрабатывать. Тут, значит, все началось. Позвали нашего Путилова. Не вашего, а нашего, Арсения, и говорят ему: «Надо, мол, стало быть, обеспечить». Ну, он, значит, резцы подобрал, посоветовался кое с кем, то да сё, подачу ускорил... А потом, значит, Болотов за ним, а он опять обогнал... Вот как было. А уж до вас это дошло потом, когда литья не стало хватать. А ты говоришь!.. Быстро больно забыл.

«Чего это я? — подумал он, замолчав. — Не все ли мне теперь равно?» — но он тут же отогнал от себя эту мысль, как негодную. Глядя поверх Дубровских, он уже видел Арсения Путилова, высокого, спокойного, русоволосого парня, инициатора заводского соревнования. Видел он и митинг, на котором выступил другой Путилов, формовщик...

— Ну, а дальше что было? — спросил его Дубровских. — А теперь?

Семен Гаврилович сконфуженно вздохнул:

— Не знаю я, что теперь.

— Не знаешь... То-то, что не знаешь,— победно проговорил Дубровских. — А наш Путилов теперь на вахту мира стал.

— А наш?

— Про вашего не слыхал.

Семен Гаврилович беспокойно заерзал на стуле.

— Не может того быть. Наш тоже. Наш не уступит... Нет, не-ет, он не такой, чтобы уступить, наш-то!..

«Если,— думал он, расставшись с приятелем,— если Геннадий стал на вахту мира, значит, Арсений давно уже на этой вахте стоит, а про нормы и говорить нечего...» Тут ему вспомнился Коногоров. «А Коногоров тоже вместе с ребятами»,— подумал он, и мысль о том, что вот все они живут какой-то особенной, большой жизнью, а он оторван от этого и не может, как Коногоров или Дубровских, вмешаться в нее, с новой силой отравила его сознание, наполнив горечью и обидой все его существо.

«Ну, нет,— решил он, подходя к дому.— Все к чорту! Завтра же пойду на завод. Что я, хуже всех, что ли?!».

Дома его ожидал гость, механик завода.

— Я знаю, Семен Гаврилович,— заговорил механик, поднимаясь навстречу старику,— вам уже трудно, но, видите ли, мы сейчас испытываем некоторые затруднения... Новая котельная, необходимо приступать к монтажу, а возглавить эти работы некому. Не согласитесь ли вы?..

«Ага, пришли все-таки»,— подумал Семен Гаврилович, и, едва сдерживая радость, разгладил усы, чтобы скрыть набежавшую на губы улыбку.

— Если такое дело... что ж, я согласен...

— Вот и прекрасно! — обрадовался механик.

На следующий день Семен Гаврилович был уже на заводе. В механо-сборочном висели плакаты-молнии, оповещавшие о вахте мира. Он оглядел цех и, удовлетворенный, крякнул.

На вахте мира стояли и прокатчики, и кузнецы, и сталевары, и формовщики, и каменщики, которые работали на строительстве новой котельной. Весь завод был охвачен большим, суровым и в то же время спокойным трудовым подъемом. Семен Гаврилович понял это, лишь только переступил порог своего цеха, и чувство оторванности от жизни, никчемности своего существования, не покидавшее его все эти дни, бесследно исчезло.

Радость труда, уверенность в своих силах, в своем завтрашнем дне, царившие на заводе, охватили его.

Вечером в доме № 5

Э. БРАГИНСКИЙ

Фото А. Гостева

Дом № 5 стоит на главной магистрали города Свердловска. Улица носит имя Владимира Ильича Ленина. Вся в зелени, она походит на большой бульвар.

В доме несколько корпусов. Они растянулись по двору, где шумят на ветру тополи и где недавно разбили небольшой сквер с яблонями и акациями. Хозяин дома — Верх-Исетский металлургический завод, сокращенно ВИЗ. И большинство обитателей — работники завода. Возводилось здание в конце двадцатых годов.

Старые друзья Ф. И. Лобанов (слева) и Ф. М. Ландин сходятся вечером во дворе своего дома. Присев на срубленный ствол, они заводят беседу.

...Зимою двадцать восьмого года в Свердловске был Маяковский. Об этом извещали афиши, составленные задорно, огненно. В переполненном зале Делового клуба прошли два общегородских вечера. Встреча с поэтом была и в редакции «Уральского рабочего». Маяковский слегка запоздал. Он шел, на ходу развязывая шарф. Ему было некогда. Он без устали мерил размашистым шагом кипучие стройки Свердловска. Со страницы местной газеты прозвучали тогда его стихи «Екатеринбург — Свердловск».

...с простора
от снега светлого
встает
новорожденный
город Свердлова.

В городе Свердлова, как и всюду, Маяковский побывал у своих любимых читателей — у рабочих. Он расспрашивал их о делах, о быте.

Местные люди — литейщик Ф. Морозов и сталевар А. Быков — в 1940 году на страницах «Уральского рабочего» утверждали, что со слов рабочих Маяковский и написал свой знаменитый «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру». Вселялись рабочие в конце двадцатых годов как раз в дом № 5 по улице Ленина. Говорят, что Маяковский даже был в этом здании на новоселье. Старший печной второго цеха ВИЗ Федор Иосифович Лобанов рассказывает, что на новоселье погуляли вволю...

...Субботний вечер. Со всех концов Свердловска возвращаются после работы жильцы дома № 5. Федор Иосифович добирается от завода на «двойке», поднимается к себе в квартиру и первым делом в ванную:

Сядешь
и моешься
долго, долго.
Словом,
сидишь,
пока охота.
Просто
в комнате
лето и Волга,—
только что нету
рыб и пароходов.

Умывшись, Федор Иосифович обедает. Затем отдохнет часок — когда соснет, когда почитает газету или поиграет с внуком,— а отдохнув, надевает любимую синюю косоворотку, аккуратно пригнанный костюм и идет погулять. На груди поблескивают ордена — Ленина, Боевого и Трудового Красного Знамени — свидетельство трудовой славы Лобанова в мирное время и партизанских подвигов в годы гражданской войны.

Страстных охотников П. К. Костоусова (справа) и Н. А. Дудина в субботний вечер никакими силами не удержишь дома.

А. И. Александров разбирается в сложном переплетении линий старинных чертежей.

Из соседнего парадного навстречу Федору Иосифовичу выходит его старый приятель, тоже старший печной, Федор Митрофанович Ландин.

Внешне друзья непохожи друг на друга. Лобанов суховат, строг, над губами ровная полоска усов. Ландин широк в плечах, весел и добродушен.

Начинается, как обычно, с шуток.

— Ну, как девичник? — спрашивает Лобанов.

— Жил-был царь Федор Митрофанович,— в тон отвечает Ландин,— и было у него семь дочерей, одна другой краше. Живут они, поживают, горя не знают.

У Ландина действительно семеро детей, и все дочери. Друзья присаживаются на срубленном стволе. Разговор переходит на сегодняшние дела:

— На Красноуральской улице общежитие молодежи открыто. Видел?

— Как же! ВИЗ-то теперь «Большому Уралу» кланялся.

«Большой Урал» считается лучшей гостиницей в Свердловске. А общежитие действительно замечательное.

Во дворе оживленно. Кто направляется в театр, кто — в кино, кто, как начальник цеха И. Шкиров, уезжает за город на своей «Победе».

Около беседующих рабочих глухо ударяется о землю тяжелый футбольный мяч.

— Дяденька, подайте...

Лобанов — тот даже не отвечает, а Ландин улыбается и с силою перекидывает мяч ребятам. Во дворе футбольный матч идет. Вот нападающий Николай Костоусов, 14 лет, прорвался к воротам противника. Он один на один с вратарем. Но вдруг из распахнувшегося окна доносится: «Коля! Обедать! Отец пришел...»

Отец — работник заводоуправления ВИЗ — уже сидит за столом и быстро ест. Его дочь, чертежница Галина, добродушно подтрунивает над тем, как в прошлый раз, собравшись на охоту, Порфирий Николаевич Костоусов насыпал порох в ящик с секретным номерным запором, а номер позабыл.

— Папа, возьми с собой,— уже с порога просится сын.

К охоте все готово: ружье вычищено, из кладовой принесены высокие сапоги.

Охота разрешена, и никакими силами не удержать теперь охотников дома субботним вечером. Наскоро переодевшись, Костоусов выходит во двор, здоровается с Лобановым и Ландиным. Его провожают:

— Ни пуха тебе, ни пера!

Уже садясь в машину, Костоусов замечает литейщика Тарханова. Тот тоже с ружьем, но одет не для охоты.

— Ты что это, Александр Георгиевич, на болото собрался в костюме?

— Нет, я в тир.

Старший мастер Тарханов — любитель стендовой стрельбы. Он даже защищал как-то в Москве на Всесоюзных соревнованиях честь своего города. Стрельба по летающим тарелочкам происходит в Свердловске, в Парке культуры и отдыха.

Охотников в доме № 5 немало. Среди них и Александр Иванович Александров. Он смотрит в окно на Тарханова и Костоусова, переводит взор на свое ружье, вздыхает и садится за письменный стол. Некогда!

Александр Иванович заведует кафедрой инженерной графики в Уральском политехническом институте имени С. М. Кирова. В свободное время он ездит по различным городам, без устали копается в архивах. Александров готовит большой научный труд по истории инженерной графики Урала и Сибири.

На основании изучения множества материалов Александров приходит к интересному выводу: используемый в чертежах так называемый американский метод проекции значительно раньше возник в России. Уральское железо вывозилось в Англию и в Новый Свет. Тогда, видимо, попали туда и чертежи, и таким образом родился «американский» метод проекции. Александров упорно ищет все новые подтверждения этому.

За окнами вечереет. Исследователь зажигает лампу. Нужен сильный свет, чтобы разобраться в сложном переплетении строгих линий старинных чертежей. Все время приходится обращаться к лупе.

— Мальчик Петя придумал аккумулятор, который заряжается энергией облаков... — начинает сказку Семен Трофимович.

...Если б можно было сразу охватить взором все корпуса огромного дома! Как разнообразен и насыщен глубоким содержанием досуг советских людей! Мы увидели бы двух инженеров — З. Меньшикова и М. Минькова, которые увлеченно говорят о нововведениях в своих цехах; механика А. Голубева, поглощенного созданием подшипникового сплава на медной основе; молодого врача И. Полозову-Гужелину, после нелегкого дежурства в операционной отдыхающую за роялем... Свои радости в семье прокатчика И. Соболева, любителя цветов. Сегодня распустилась вишневая георгина «королья»! Соболевский балкон — настоящий сад. Весь дом приходит к нему за семенами.

Темнеет. Уже нельзя играть в футбол. Детвора собирается вокруг своего любимца — Семена Трофимовича Чернобровкина.

В черной шляпе, с небольшой седой бородой, ни дать, ни взять, профессор. Талантливый самоучка, он родом из бедной крестьянской семьи. На всю деревню грамотных было восемь человек. Семен Трофимович читать научился случайно, был иконописцем, позолотчиком, фотографом. Чуть ли не со дня организации Уральского политехнического института Чернобровкин работает мастером учебных мастерских. Здесь проявился его талант конструктора различных приспособлений и приборов. Недавно коллектив института торжественно чествовал Семена Трофимовича в день его семидесятилетия.

Дети — первые друзья Чернобровкина. На своем веку он вырастил одиннадцать детей. Девять из них имеют высшее образование. Павел — полковник, известный специалист по военной истории; Лев — кандидат технических наук.

Ребятишки охотно собираются возле дедушки, потому что он рассказывает им сказки. Сказки эти особенные, научно-популярные. Семен Трофимович выдумывает их сам. Сегодня он говорит о фантастической колонии юных изобретателей:

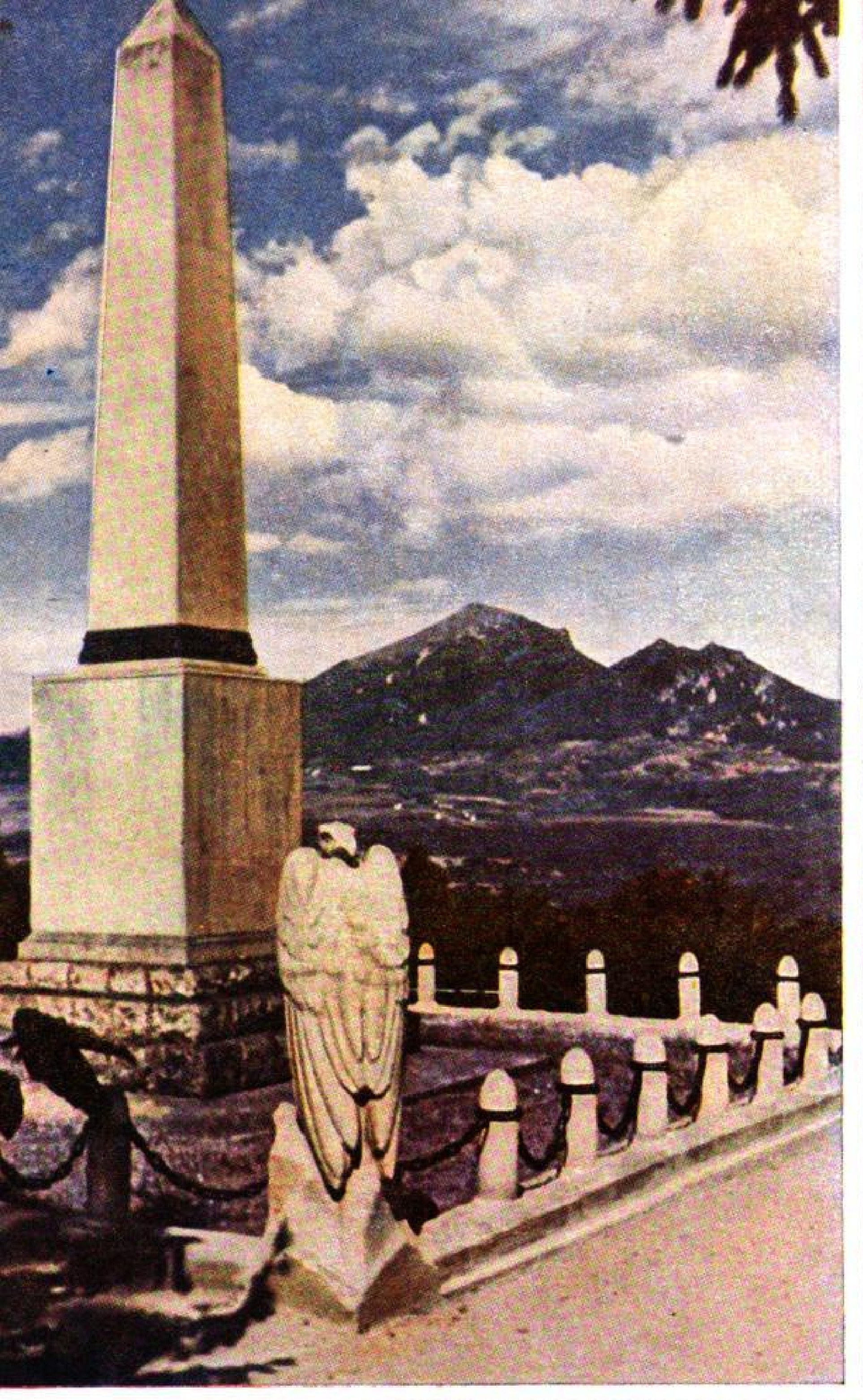
— Сказка сказке рознь. Хорошая сказка завтра сбудется. Так вот. Мальчик Петя придумал аккумулятор, который заряжается энергией облаков. Аккумулятор этот...

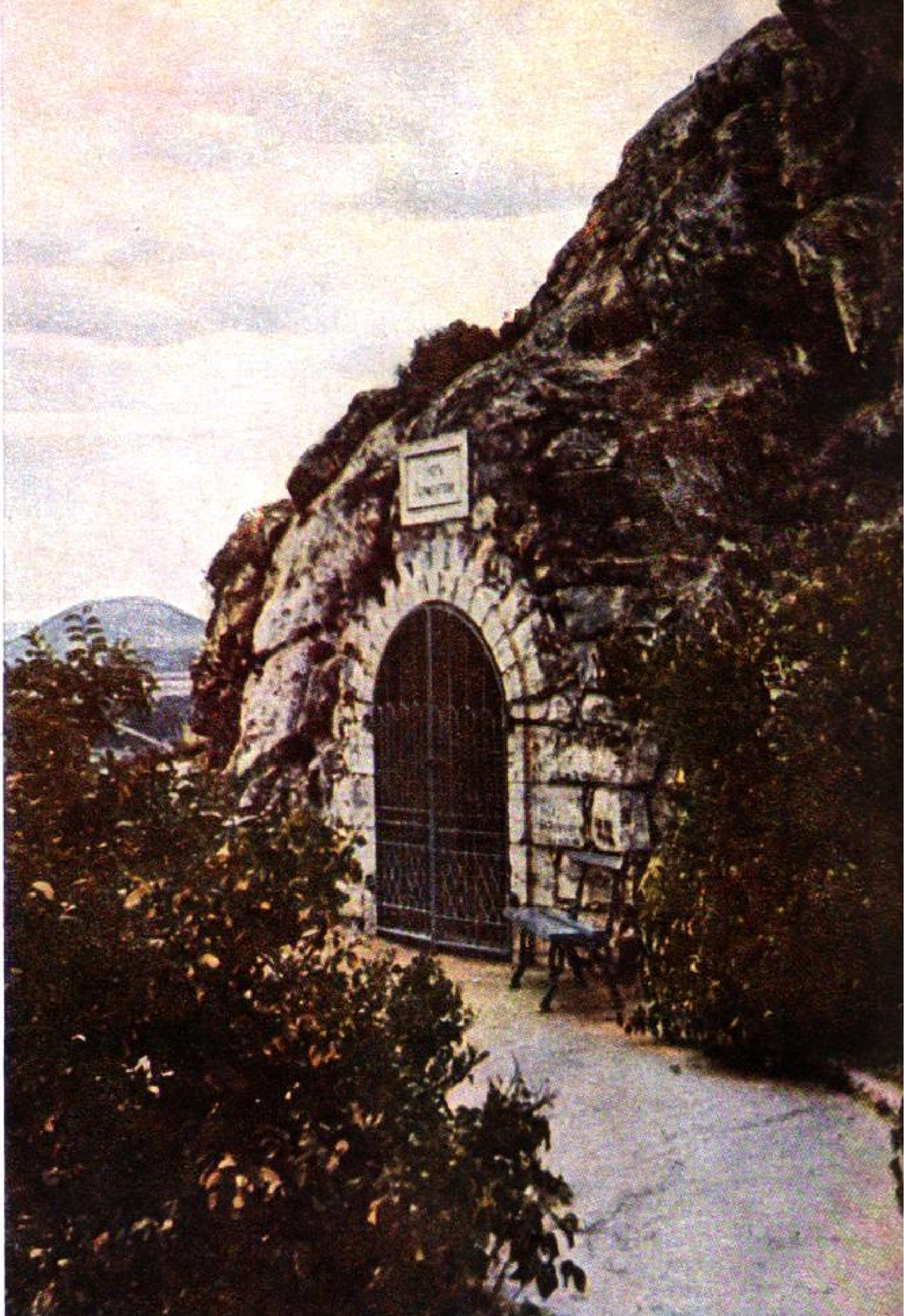
В этой сказке, как и во всех сказках, творятся чудеса. Но мог бы рассказать Чернобровкин и еще об одном чуде, о собственной своей жизни, которая служит как бы ответом на призыв Маяковского:

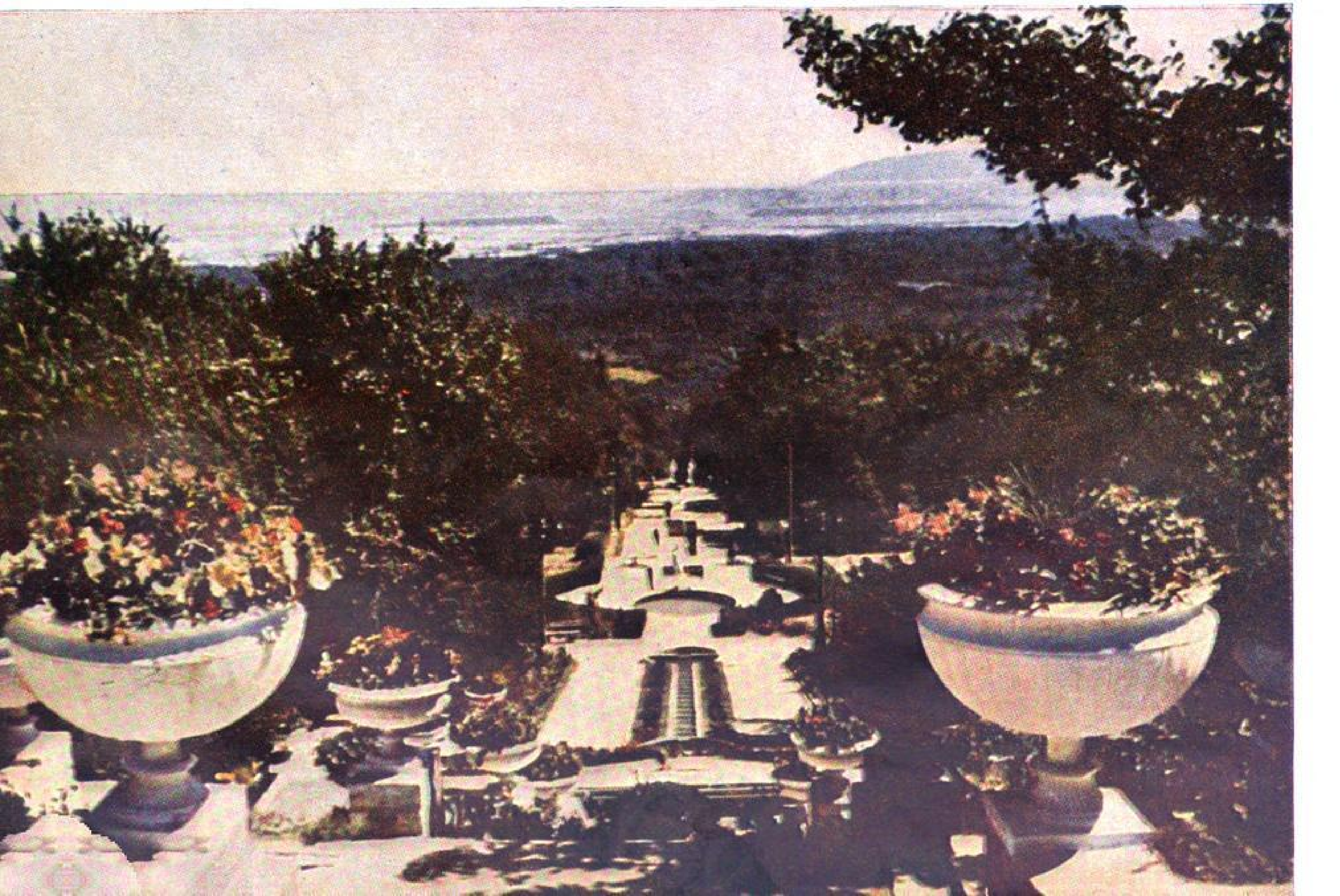
Внедряйтесь
и взлетайте
И вширь
и ввысь.
Взвивай,
изобретатель,
рабочую
мысль!

Кисловодск. Проспект имени И. В. Сталина.

Октябрьские нарзанные ванны.

Вверху слева — Пятигорск; место дуэли Лермонтова.

Справа — Грот Лермонтова.

Фото Н. Петрова

Железноводск. Главная лестница.

Звездоплаватель

Георгий БЛОК

Человек, который прожил сорок лет почти безвыездно в тишайшей Калуге, запросто, как о чем-то бесспорном и близком, говорил о перелетах Москва—Луна, Калуга—Марс. И это не было туманное празднословие, а разговор всерьез, деловой и твердый. В защиту приводились не догадки, а строго проверенные расчеты, не вымышленные доводы, а чертежи и схемы.

Кто этот человек? Мечтатель? Нет, человек огромных знаний, добытых великим упорством, зоркого предвидения, новаторской изобретательности, самобытного таланта.

Ничто: ни нужда, ни насмешки чинуш от науки, ни болезнь — не могло поколебать его. Он страстно верил: придет час торжества его идей. И если не он, то ученики и продолжатели достигнут желанной цели.

Человек этот, впервые в мире сформулировавший теорию ракеты, — Константин Эдуардович Циолковский, пионер авиации, отец современного реактивного самолета.

Сегодня нам уже не представляется безумной затеей маршрут в межпланетное пространство, к звездам. Правда, такой полет еще не совершен, не стал реальным событием. Однако проблема создания космического корабля, который, сбросив оковы земного притяжения, умчится в безбрежные просторы солнечной системы, ныне вполне разрешима.

Какой проницательностью, смелой дальновидностью надо было обладать, чтобы в начале XX века, когда хрупкие «этажерки» — аппараты тяжелее воздуха — только едва отрывали колеса от земли, опубликовать «Исследование мировых пространств реактивными приборами»!

Статья эта, напечатанная в журнале «Научное обозрение», убедительно приводила к неслыханному тогда заключению: ракета не развлечение, а летательный аппарат. В знакомой всем принадлежности фейерверка — ракете, рождающей в ночном небе разноцветный дождь, — автор увидел прообраз мощного двигателя, способного поднять и унести естествоиспытателя далеко от нашей планеты.

Это казалось дерзостью, вызовом, и Циолковский рисковал прослыть безнадежным фантазером. Но он, зная, на что идет, не страшился непонимания, равнодушия, пересудов и упрямо разведывал новые пути и искал оригинальные решения.

Гордая отвага и независимость мысли роднят его с Иваном Владимировичем Мичуриным, который в те же годы в Козлове — непризнанный и непреклонный — выпытывал сокровенные тайны природы и направленно перевоспитывал растения. Оба они, преодолевая бесчисленные тяготы и лишения, прокладывали дорогу в грядущее, трудились на благо народа, во славу Родины.

Настойчивый, неистощимо изобретательный, сосредоточенный, преданный науке — таким рисуется нам облик Циолковского, борца, новатора, созидателя. Именно он, одиночка, заброшенный в душную глушь царской России, выступил с прогнозом, предвосхитившим блистательный расцвет реактивной техники.

Какие бы годы его долгой жизни ни взять, он всегда поглощен работой, всегда увлечен, всегда занят: читает, пишет, вычисляет, ставит опыты, мастерит удивительные модели.

Так было в пору зрелости, так было и в детстве.

Обрадованный его незаурядными способностями к механике, отец собирает шестнадцатилетнего юношу в Москву, учиться.

Молодой Циолковский неожиданно становится независимым. Полный радужных замыслов, он снимает угол у прачки и целиком погружается в чтение и опыты.

Из дому юноше посылают десять—пятнадцать рублей в месяц. На что он тратит деньги? Приобретает реторты, трубки, различные химикалии, части для самодельных приборов.

Питание стоило ему всего девяносто копеек в месяц. Раз в три дня Циолковский брал на девять копеек черного хлеба. «Живот был набит одним черным хлебом,— вспоминал он,— а голова — обворожительными мечтами».

Три года, не замечая голода и холода, прожил Циолковский в Москве. Книги захватывали его воображение. Он просиживал в библиотеках, изучил физику, астрономию, прошел курс высшей математики, механики, аналитической геометрии.

Произведения революционеров-просветителей раскрыли перед ним необозримые перспективы, заставили, по его признанию, дрожать от радости и счастья. Бунтарь, революционер по натуре, он стремился стать участником движения протеста против царского произвола, но, стыдясь своего недостатка — тугоухости, поразившей его в детстве, — дичился людей, избегал товарищей.

Уже в ту пору юноша грезил о том, чтобы подняться за пределы атмосферы и отправиться в межпланетное путешествие. Он даже придумал для этого какую-то замысловатую машину, но тут же понял допущенную ошибку и забраковал изобретение.

Старик-отец, проведав, что сыну приходится не сладко, вызвал его домой погостить. Девятнадцатилетнего сына встретили радушно, но подивились, почему он так почернел: «съел свой жир». Упросили обратно не возвращаться.

Не желая слоняться без дела, Циолковский берется за частные уроки. Спустя три года, сдав экстерном экзамен, он получает звание учителя, а затем назначение: преподавать математику в Боровском училище.

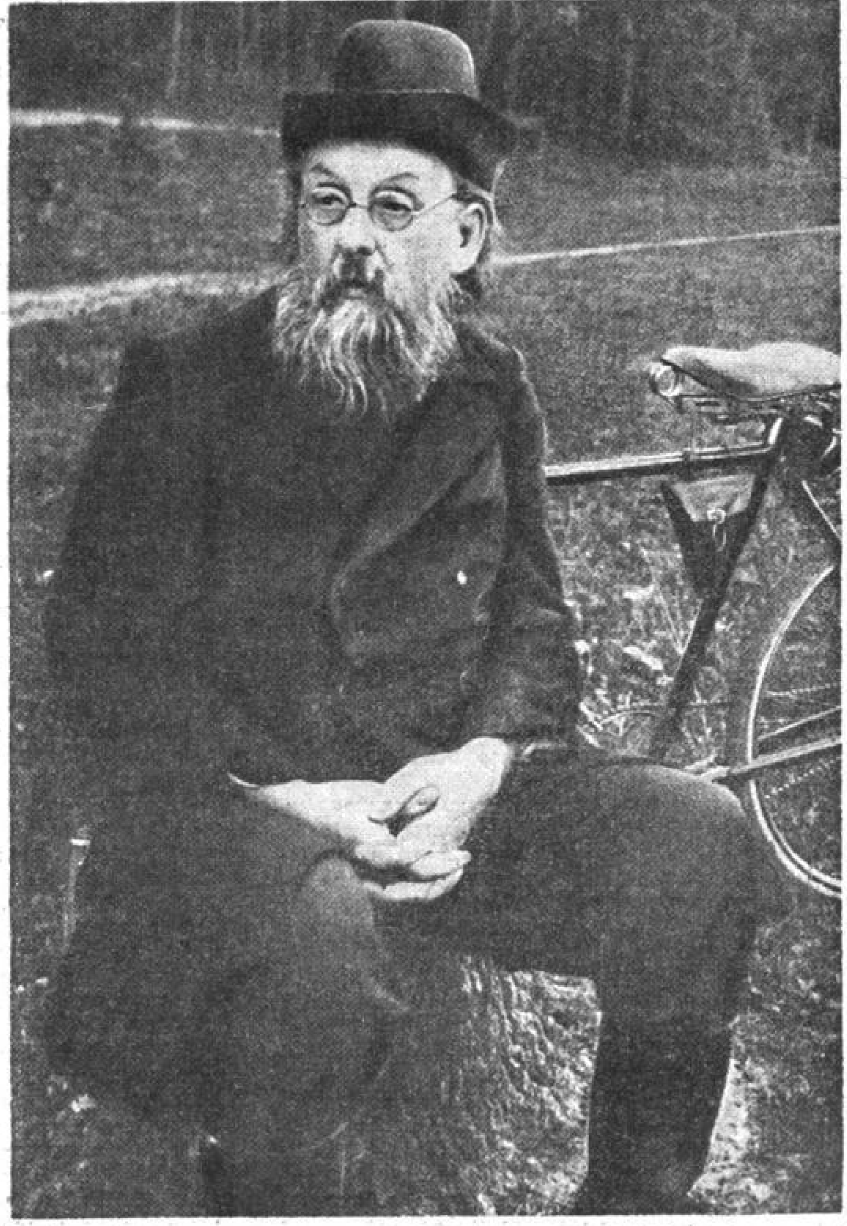
Дом, где поселился молодой педагог, вскоре сделался весьма популярным среди жителей маленького городка. От посетителей не было отбоя. Тесная квартирка учителя была полна чудесных приборов. По заказу сверкали электрические молнии, гремел гром, словно по волшебству, звонили колокольчики, плясали бумажные куклы, бешено вертелись светящиеся колеса, вспыхивала иллюминация. Гости потешались электрическим осьминогом. Он ловко хватал свою жертву щупальцами за палец или за нос, и тогда волосы становились дыбом, роняли искры.

Но, занимаясь физическими забавами, Циолковский не забывает следить за успехами естествознания и всячески пополняет свое образование; он ликует, если ему удается достать нужную книгу.

Предоставленный самому себе, он нередко вынужден был вхолостую тратить свои силы, до многого, уже известного, додумываться самостоятельно, открывать уже открытое. Так, например, случилось с разработанной им теорией газов. Неосведомленный, что такая теория уже создана (правда, незадолго до того), он пишет книгу «Механика газов».

Некоторым утешением для него могло служить то, что, повторив, сам того не ведая, чужие открытия, он вслед за тем делал и свои, оригинальные, вошедшие в историю науки.

Рукопись Циолковского «Механика животного организма», посланная им в Петербург, попала на отзыв к великому русскому физиологу И. М. Сеченову, давшему ей благоприятную оценку. Боровский учитель пережи-

Константин Эдуардович Циолковский (1857—1935).

вает радость первого признания: его избрали членом Русского физико-химического общества.

Но это было пробой пера, приступом к основным темам, которым он отдал свою жизнь, — дирижаблю, самолету и ракете. Циолковский начал с воздушного океана, «темной» тогда стихии. Вот где непочатый край научных изысканий!

Энтузиаста-исследователя покорила древняя мечта человечества — научиться летать, как птица. И он строит модель ястреба с размахом крыльев в семьдесят сантиметров. Искусственная птица хорошо поднималась в воздух, подолгу планировала; ею любовались толпы взрослых и детей. Ночью ястреб парил в небе с горящим фонарем. Тогда жители гадали: «Что это — звезда, или чудак учитель пускает свою птицу с огнем?»

В те годы аэростат считался единственно возможным видом воздушного транспорта. Но он был весьма ненадежным: водород, которым наполняли непрочную оболочку шара, легко сквозь нее просачивался; да и сама ткань быстро изнашивалась.

Циолковского все это не удовлетворяло. Он вплотную занялся проблемой аэростата и предложил собственный его вариант. В обширном произведении «Теория и опыт аэростата» Циолковский подытожил свои наблюдения. В этом труде, снабженном множеством схем, автор предлагал заменить матерчатую оболочку управляемого воздушного корабля тонкими гофрированными листами металла.

Благодаря заботам друзей с оригинальными работами Циолковского по воздухоплаванию познакомились в Москве. Его пригласили сделать доклад на заседании Общества любителей естествознания. Выступление безвестного аэронавта в Политехническом музее вызвало оживленный обмен мнений.

Замечательные русские ученые А. Г. Столетов, Н. Е. Жуковский, а впоследствии Д. И. Менделеев заинтересовались судьбой провинциального изобретателя. Но их хлопоты кончились ничем. Они не могли убедить сиятельное начальство перевести боровского учителя в Москву, хотя бы на маленькую должность. В помещичьей России дверь в науку для него оказалась захлопнутой наглухо.

Позже, переселившись в Калугу, Циолковский опубликовал брошюру «Аэростат металлический управляемый», где описал собственную конструкцию цельнометаллического дирижабля (такого слова тогда еще не существовало в литературе). Характерное отличие этого аэростата от обычных заключалось в том, что его объем можно было регулировать в полете. Кроме того подогрев газа позволял сохранить на нужном уровне подъемную силу, а при надобности — увеличить ее.

Циолковский сознавал, что дирижабль отнюдь не единственное из вероятных средств сообщения в атмосфере. Уверенно проникая взором в завтрашний день, он впервые в мире выдвигает идею — создать металлический аэроплан «зализанной» формы.

Его статья «Аэроплан, или птицеподобная летательная машина», напечатанная в 1895 году журналом «Наука и жизнь», снабжена схематическим рисунком будущего самолета.

Пионер скоростной авиации старался в своих расчетах сократить до минимума сопротивление корпуса и крыльев. «В моем аэроплане, — писал он, — нет выдающихся частей, кроме крыльев; все закрыто общей плавной оболочкой».

Сравните эту машину с первыми планерами, сделанными из бамбука и полотна; их строителям не приходило в голову, что обтекаемость повышает быстроту движения.

Русский новатор убежденно доказывал, что будущее за аэропланом с двигателем внутреннего сгорания. Ему не верили, когда он утверждал, что инженеры сконструируют и построят чрезвычайно легкие и сильные бензиновые моторы, вполне безопасные для авиатора. В ответ его называли неисправимым утопистом, прожектером.

Циолковский никогда не забывал о дружбе теории с практикой и проверял в эксперименте данные математического анализа. Отличительная черта его творческой деятельности — это вечная озабоченность: подтвердятся ли на практике долгие вычисления?

С волнением читаются страницы его автобиографического очерка, особенно те, где рассказано, какой дорогой ценой доставалась ему проверка, сколько она отнимала времени, труда, нервов. Изобретатель с честью справлялся с, казалось, неприступными задачами.

Циолковский с горечью восклицал: «При своих опытах я сделал много-много новых выводов, но новые выводы встречаются учеными недоверчиво... Тяжело работать в одиночку многие годы при неблагоприятных условиях и не видеть ниоткуда ни просвета, ни поддержки».

Тяжело! Но Циолковский не оставляет любимое детище — оборудованную его руками лабораторию. Маловато места для опытов? Значит, семье придется потесниться. Не хватает денег на покупку материалов и деталей? Значит, надо урезать и без того скромные личные расходы и жить еще экономнее.

В домике на окраинной улице в Калуге, где жил Циолковский с семьей, одну комнату — побольше и получше — он объявляет заповедной. Здесь он устраивает аэродинамическую трубу, первую в России, образно окрещенную «воздуходувкой».

Помещая собственноручно изготовленные модели в искусственную воздушную струю и регулируя ее скорость, Циолковскому удалось выяснить многие загадочные дотоле явления, добыть новые факты. Его калужскую воздуходувку можно назвать бабушкой современной аэродинамической трубы — взыскательного контролера, улавливающего промахи и недочеты в конструкциях машин и деталей.

Нельзя переоценить исследования Циолковского по космической — межпланетной — навигации. Он родоначальник космонавтики — юной отрасли науки, изучающей полет ракеты в мировом пространстве. Здесь его приоритет бесспорен. На протяжении десятилетий ученый решал одну за другой трудные проблемы реактивного движения и обогатил русскую науку первоклассными открытиями.

В 1917 году, когда народ сбросил с себя иго капитализма и начал строить свободное социалистическое общество, Циолковскому исполнилось 60 лет. Он с восторгом приветствовал великие перемены. Свежий ветер революции словно омолодил его, влил новую энергию.

Октябрь принес полное признание трудам Циолковского. «Лишь Советская власть и партия Ленина—Сталина, — писал он, — оказали мне действенную помощь. Я почувствовал любовь народных масс, и это давало мне силы продолжать работу».

Создатель теории ракеты, он посвятил этому могучему двигателю значительное число глубоких исследований, сосредоточив на нем все внимание. Большая часть его трудов была завершена и увидела свет в последнее пятнадцатилетие жизни звездоплавателя, как он себя часто называл.

Вот цифры, лучше всяких слов свидетельствующие, какой творческий подъем переживал Циолковский. Ежегодно в старой России он издавал одну, иногда две научных работы, а после революции — по десяти книг, брошюр и статей в год.

Читателей порадовала его научно-фантастическая повесть «Вне земли», рисующая полет огромной ракеты с пассажирами в межпланетное пространство. Книга в доступной, художественной форме знакомит с тем, что встретит космонавт во время путешествия.

Излюбленная тема Циолковского — ракета. Ее вес в полете уменьшается, она, как говорят ученые, обладает телом переменной массы. Законы классической механики нуждаются в существенных дополнениях. И Циолковский объяснил то, что многие наблюдали, не разбираясь в сути. Он дал расчет полета ракеты, установил, как далеко она полетит, если выпустить ее под тем или другим углом к горизонту; как заставить ее прорвать толщу атмосферы и отправиться за пределы земного тяготения.

Выдающийся исследователь полагал, что звездолет словно увенчает стройное здание его теории. Название его произведений — это ступени, ведущие все выше и выше: «Гидроплан-крыло», «Аэроплан-крыло», «Реактивный аэроплан», «Ракетные приборы в исследовании стратосферы», «Стратоплан полуреактивный», «Космическая ракета», «Космические ракетные поезда», «Звездолет».

В брошюре «Космические ракетные поезда» Циолковский предложил соединить вместе несколько реактивных аппаратов — создать составную ракету. Когда крайняя секция ракеты израсходует запас топлива, ее автоматически отцепляют, сбрасывают; остальные продолжают мчаться вперед; то же затем происходит со следующей.

Весной 1933 года, в торжественный час первомайской демонстрации на Красной площади в Москве, ученый-новатор обратился к народу со словами привета. Его речь из Калуги передавали по радио:

— Сорок лет я работал над реактивным двигателем и думал, что прогулка на Марс начнется нескоро. Но сроки меняются. Я верю, что многие из вас будут свидетелями первого заатмосферного путешествия.

Широк круг интересов Циолковского. Его перу принадлежит серия статей, объединенных заголовком «Механика в биологии». Он выпустил книгу «Богатства вселенной», где осветил проблемы астрономии, геофизики и геохимии.

Циолковский—ученый-общественник. Он шагает в ногу с народом, старается быть ему полезным; девиз новатора — не быть в стороне от запросов промышленности и сельского хозяйства. Он ратует за освоение пустынь Средней Азии: обдумывает гелиоустановку, с помощью зеркал улавливающую солнечные лучи, и готовит проект устройства, всасывающего атмосферную влагу. Он выдвигает идеи скоростного обтекаемого автопоезда, оригинальных авиационных моторов, электростанции, использующей даровую энергию морских приливов и отливов.

Ученый-патриот, чей взор был устремлен в грядущий день, неустанно повторял:

— Все, что я говорю, — слабая попытка предвидеть будущее авиации, воздухоплавания и ракетоплавания. В одном я твердо уверен — первенство всегда будет принадлежать Советскому Союзу.

До последнего часа жизни он жаждал быть в курсе того, чем живет родная страна. Смертельный недуг незаметно подкрался к нему и приковал к постели. Чувствуя приближение конца, Циолковский обращается с завещанием к тому, кто ведет народ, вдохновляет на подвиги, — к великому Сталину.

«Все свои труды по авиации, ракетоплаванию и межпланетным сообщениям, — пишет он, — передаю партии большевиков и Советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры. Уверен, что они успешно закончат эти труды».

Товарищ Сталин тепло поблагодарил знаменитого деятеля науки «за письмо, полное доверия к партии большевиков и Советской власти».

Богатое творческое наследие Циолковского — борца, новатора, патриота — бережно хранят и развивают ученики и последователи, воспитанные на его трудах.

Прославленные гвардейские минометы «катюши» — грозное оружие, наводившее панику на врага в Отечественной войне, — созданы нашими учеными благодаря работам Циолковского и его предшественников — русских ученых-артиллеристов.

Расчеты и формулы Циолковского легли в основу современных жидкостных ракет дальнего действия.

Ему не удалось увидеть воочию реактивный аэроплан, появление которого он уверенно предсказывал, наметив пути решения проблемы. Его идея успешно воплощена в советских реактивных самолетах.

Советская реактивная техника реализует планы и замыслы великого изобретателя; но еще многое из его наследия ожидает своего осуществления. Это завтрашний день науки.

И пророчески звучат слова, высеченные под барельефом ракеты на памятнике-обелиске К. Э. Циолковскому в Калуге:

«Человечество не останется вечно на земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

И когда в мировые просторы ринется первая ракета с пассажирами, на ее корпусе будет сиять имя Константина Эдуардовича Циолковского.

СТАНЦИИ НА ВОЛГЕ СОЗДАЕТ ВЕСЬ НАРОД

Беседа с членом-корреспондентом Академии наук СССР лауреатом Сталинской премии М. А. ШАТЕЛЕНОМ

Как самую бесценную реликвию, храню я с 1920 года небольшую книгу в бумажном переплете — план ГОЭЛРО. Теперь у меня на письменном столе рядом с историческим планом лежат номера газет, в которых напечатаны постановления правительства о строительстве гигантских гидростанций на Волге.

Знаменательное соседство! Документы сродни один другому, хотя масштабы разные. Куйбышевская ГЭС за полгода передаст только в Москву столько энергии, сколько выработал Волхов за все годы своего существования... Но одной мыслью озарены эти исторические документы. Единой волей партии Ленина — Сталина сцементированы планы сооружения первой советской гидроэлектростанции на Волхове и гигантских ГЭС на Волге.

Из 84 лет жизни больше полвека я отдал служению отечественной энергетике. Как члену Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) мне вспоминается сейчас пора становления советского гидроэлектростроения. Разруха царила в стране, когда Владимир Ильич подписал историческое решение о первоочередном строительстве Волховской силовой установки. Помню, что проекты первых электростанций разрабатывались некоторыми петроградскими учеными при свете коптилок.

Советские люди знали: огни, зажженные Лениным и Сталиным, будут разгораться все ярче и ярче.

Мы воздвигали Волховстрой, а нам пророчествовали из-за рубежа: «Не быть станции на Волхове». Мы ее построили, и ныне она стоит памятником гениальному Ильичу. Мы поднимали Днепрогэс, и опять из-за океана раздавались вопли: «Не выйдет!» Вышло! Мы дважды строили Днепровскую станцию, и теперь она много лучше довоенной.

Как старейший советский энергетик могу с уверенностью сказать: мы построим Куйбышевскую, Сталинградскую и еще немало других станций на разных реках. Построим, как бы ни бесновались наши недруги. Им-то, кстати сказать, нечем хвастаться в этой области. Замечу, что разрекламированная американцами канадская гидростанция на реке Святого Лаврентия строилась 17 лет. А у англичан, судя по августовскому номеру электротехнического журнала, издающегося в Лондоне, самый крупный гидрогенератор значительно меньше наших, электросиловских.

Как историку русской электротехники мне хочется с удовлетворением отметить, что нашим людям не впервые суждено быть первооткрывателями в мировой энергетике. Строители уникальных гидростанций на Волге являются наследниками инженера Пироцкого, еще в 1874 году, раньше всех в мире, осуществившего передачу электроэнергии на расстояние, наследниками Яблочкова, изобретателя трансформаторов переменного тока, без которых невозможна передача высокими напряжениями, наследниками Доливо-Добровольского, которому принадлежит приоритет в применении трехфазного переменного тока.

Творцам волжских гидроузлов предстоит вписать новые страницы в летопись славы русской науки и техники. С каким удовольствием я продолжил бы свою книгу «Русские электротехники» до пятидесятых годов XX столетия!

Как профессор Ленинградского политехнического института я хочу напомнить о многообразных трудах наших воспитанников: здесь и первые опыты по линиям высоковольтных передач, и теоретическая разработка проблем гидросооружений на Днепре, и обыкновенные работы студентов на строительстве колхозных гидростанций.

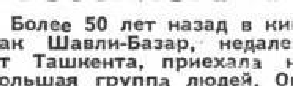
Пока на берегу Волги развернутся стройки, в аудиториях и лабораториях института будут готовиться кадры. Нет у нас факультета и кафедры, которые не могли бы дать специалистов новым гидростанциям. Там нужны будут строители и электрики, механики и гидротехники. Не сомневаюсь, что наш бывший воспитанник, ныне начальник «Сталинградгидростроя», Федор Логинов получит много помощников из родного ему Политехнического института. А наши первокурсники, окончив институт в 1955 году, будут работать на только что отстроенной Куйбышевской ГЭС.

Как ленинградцу мне приятно отметить, что мой родной город будет надежным поставщиком машин для электростанций на Волге. У нас на «Электросиле» создавался первый генератор для Волхова; на заводе имени Сталина была построена первая турбина для Днепра.

Снова мобилизованы лучшие люди. На Волгу будут работать десятки ленинградских предприятий: «Электросила», «Электроаппарат», «Севкабель», завод имени Молотова... Конструкторы уже сели за чертежные столы. Заказы приняты к исполнению. Станции на Волге строит весь народ.

Научный сотрудник Плодово-ягодного института имени академика Шредера Н. Л. Бурнаева наблюдает за ростом побегов лимона «Мейер».

Мичуринцы Узбекистана

Более 50 лет назад в кишлак Шавли-Базар, недалеко от Ташкента, приехала небольшая группа людей. Они осмотрели поля, придирчиво проверили почву, и на выбранном ими участке появился маленький домик опытной сельскохозяйственной станции.

Скоро в адрес станции начали поступать не совсем обычные посылки. Из южных областей России — Крыма, Кавказа,— из Италии и Франции сюда завозились саженцы лучших сортов яблонь и грушевых деревьев в расчете на то, что под щедрым солнцем Средней Азии они дадут еще лучшие плоды. Но надежды эти не оправдались: деревья вырождались. Вместо крупных и сочных плодов на них вырастали сморщенные, мелкие яблоки, безвкусные груши. Из 200 ввезенных сортов только 10 прижились в Узбекистане.

Научные исследования должны были выявить причины этой неудачи. Узбекские селекционеры пошли по пути, указанному Мичуриным. Скрещивая привозные сорта с местными, направленно «воспитывая» гибриды, сотрудники станции смогли создать около 20 новых сортов высокоурожайных яблок, из которых 14 уже прошли все испытания. «Тилли-алма» («золотое яблоко»), как бы покрытое золотистым лаком, ароматное, с привкусом груши, «Дастарханы», «Гульандом» и другие яблони обильно плодоносят в садах образованного на базе зональной станции Плодово-ягодного института имени академика Шредера.

В 40 колхозах и 6 совхозах республики уже заложены молодые сады из саженцев новых сортов. Большую помощь местным садоводам оказывает институт: его сотрудники помогают при выборе земель, пригодных для закладки сада; колхозы получают от института саженцы.

Предложенная институтом агротехника ухода за новой культурой проверена на плантациях сельскохозяйственных артелей Ташкентской области. Здесь работают подготовленные институтом колхозные цитрусоводы.

Н. СОЛОВЬЕВА

На стройке Сталинградского гиганта

В отдел кадров одного из сталинградских заводов вошел седой человек, которого все здесь хорошо знали: несколько лет назад он славился как лучший сталевар завода.

Посетитель достал из бокового кармана пиджака вчетверо сложенный листок и подал его начальнику отдела.

— Вот,— сказал он,— заявление...

В заявлении было написано: «Так как у нас в Сталинграде будет строиться гидроэлектростанция, то я считаю, что не имею права сидеть сложа руки. Поэтому прошу, чтобы меня направили на прежнее место работы.

Пенсионер Селищев Н. И.».

Это было в то утро, когда радио впервые сообщило о великой сталинградской стройке.

Сталинградцы гордятся тем, что город-герой становится центром одной из великих строек сталинской эпохи. На площадях, в цехах и на стройучастках появились лозунги, зовущие трудящихся к новым трудовым подвигам.

...Из-за узкой полоски лесов, раскинувшихся по левому берегу Волги, выплывает большое, по-летнему ослепительное солнце. Горизонт становится чистым, и далеко-далеко видны прибрежные села.

На высоком, правом берегу реки собралась группа людей: это разведчики предстоящей стройки. Начальник геологической экспедиции Гидропроекта Леонид Александрович Припотень выслушивает доклады руководителей разведывательных партий, уточняет их задачи.

Здесь же стоят инженеры и техники, только что прибывшие в лагерь разведчиков.

— Плотина пройдет, вероятно, вот здесь,— говорит Л. А. Припотень, указывая рукой.— А там, влево, где зеленые низины, будет «морское» дно...

С правого берега хорошо виден весь фронт работ. В двух шагах от геологов обрыв. Внизу широко раскинулось усыпанное золотыми бликами основное русло Волги. По ту сторону его песчаный, заросший посредине густым лесом большой остров. За ним синеет протока. А дальше левобережные леса и сады. Фронт сооружений гигантским мостом перекинется через трехкилометровое пространство, с правого берега на левый.

Топограф А.Ф. Варков за горизонтальной съемкой площадки будущих сооружений.

Фото С. Курунина.

Основные работы развернутся на острове. Этот клочок земли строители отгородят от волжских вод плотным, водонепроницаемым шпунтом. Потом с помощью мощных насосов они выкачают воду и выроют здесь котлован. За этим последуют кладка стен и установка металлических конструкций.

За протокой, где сейчас тянется полоска лесов и садов, строители соорудят шлюз. Землесосы будут гнать по трубам песок, гравий и другой материал в основное русло реки. Миллионы кубометров грунта перекачают они, чтобы преградить путь волжским водам.

...Вся пойма в вышках. От зари до зари буровики ведут разведку грунта. Они должны дать необходимый материал проектировщикам плотины, гидростанции, шлюза.

Образцы пород вместе с записями наблюдений направляются в штаб экспедиции, который расположился на правом берегу Волги. Здесь образцы попадают в камеральную группу и в лабораторию. В «камералке» составляют геологический профиль всей долины реки, а в лаборатории испытывают образцы.

Разведку местности, на которой расположится гидроузел, ведут опытные специалисты. Почти все они прошли большую школу на строительстве крупных гидростанций и каналов в районе Ленинграда, Москвы, Горького и других городов Советского Союза.

Разведчики торопятся: скоро придут строители! Через несколько месяцев на Волге у Сталинграда закипит грандиозная стройка.

П. ЧЕРНУЩЕНКО

Лаборант А. И. Лежепекова определяет влажность грунта.

ВЫСТАВКА ДОСТИЖЕНИЙ БРАТСКОЙ БОЛГАРИИ

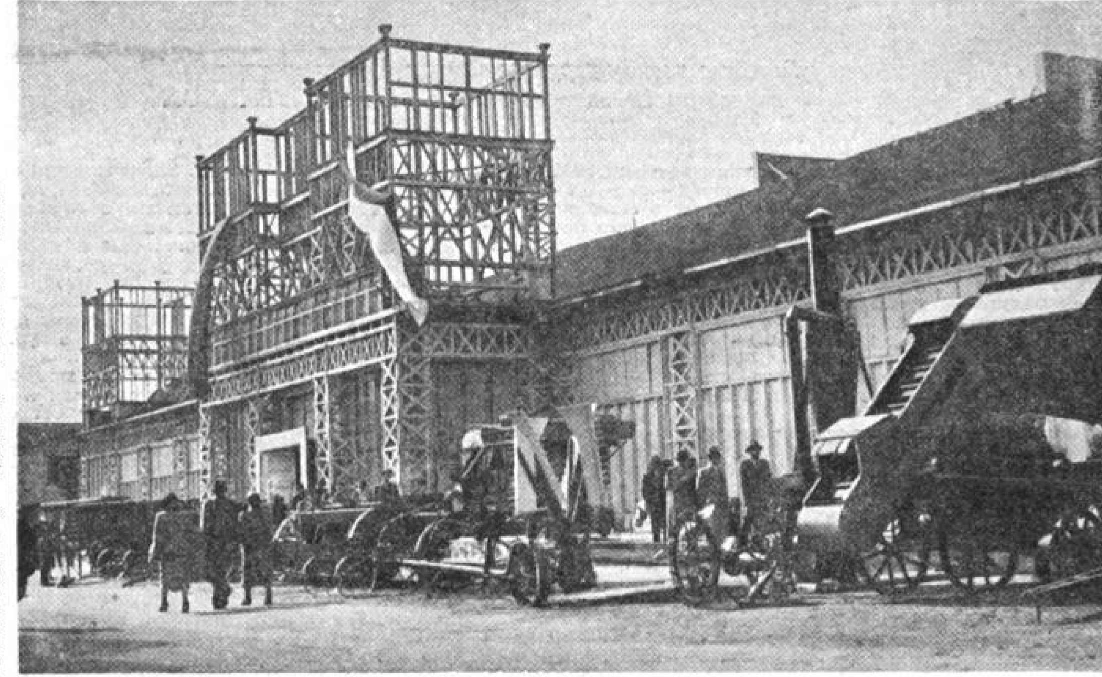
9 сентября в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького, открылась выставка достижений Народной республики Болгарии.

Открывая выставку, председатель президиума Всесоюзной торговой палаты М. В. Нестеров и министр внешней торговли Народной республики Болгарии г-н Д. Ганев подчеркнули большое значение этого события для укрепления советско-болгарской дружбы.

Выставка рассказывает об успехах Народной Болгарии во всех областях народного хозяйства и культуры, достигнутых под руководством Болгарской коммунистической партии при бескорыстной помощи Советского Союза.

«Спасибо великому, могучему Советскому Союзу, нашему освободителю, брату, другу, союзнику» — это основная тема выставки.

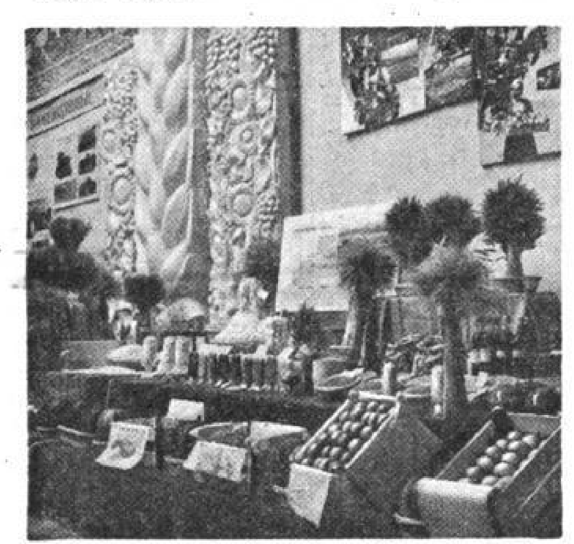
Как только вы переступаете порог главного павильона, ваше внимание привлекает карта Болгарии, на которой особо выделены столица республики и города Пловдив, Чирпан, Толбухин, Кнежа, Мичурин. Здесь же объяснение: это карта расположения научных баз, которые размножают ценные сортовые семена, подаренные Болгарии лично товарищем Сталиным.

У павильона выставки.

Фото В. Евграфова

Много посетителей у стенда, посвященного преобразованию придунайских земель, в том числе Беленской низменности. Здесь мы видим фотографии и другие документы, рисующие масштабы борьбы болгарского народа за воду. Здесь показан, например, торжественный момент пуска оросительной системы, оборудование для которой Болгария получила из нашей страны. Советские ирригаторы, посланные в Болгарию советским правительством, помогли нашим друзьям построить оросительные каналы, превратившие тысячи гектаров бесплодных земель в урожайные поля.

Сельскохозяйственный стенд на выставке.

На других стендах — прекрасные плоды, которые дарит трудолюбивому крестьянину болгарская земля. Тут и образцы зерновых культур, и огромные арбузы, и виноград, и лучшие сорта знаменитых болгарских табаков.

Специальный отдел выставки посвящен болгарской розе, известной всему миру.

Большое место на выставке уделено показу успехов текстильной промышленности. Рядом с образцами тканей портреты болгарских текстильщиц Евтилии Саханян и Лиляны Димитровой, последователей советских стахановцев тт. Чутких, Корабельниковой.

— Кто такая Лиляна Димитрова? — спрашивает один из посетителей, и экскурсовод отвечает:

— Лиляна — ударница Габровской текстильной фабрики имени Димитрова. Она обслуживает десять станков и удостоена за свои изобретения Димитровской премии.

В центре павильона расположены электромоторы, молотилки, строгальный и другие станки. Это образцы станкостроительной, металлообрабатывающей и электротехнической промышленности, развитие которых началось лишь после освобождения Болгарии Советской Армией. Здесь мы видим машины и станки, которые в прошлом Болгария закупала за границей, а теперь строит сама.

Второй павильон выставки рассказывает о культурном, политическом и общественном развитии Болгарии.

Здесь внимание посетителей приковывает к себе отдел, посвященный жизни и борьбе великого вождя и учителя болгарского народа Георгия Михайловича Димитрова.

С большим вкусом оформлены стенды, посвященные достижениям болгарской науки, литературы, искусства, а также здравоохранения и спорта.

С радостным чувством, чувством гордости за братский болгарский народ, покидаешь эту замечательную выставку. Она свидетельствует о росте творческих сил освобожденного народа, идущего по светлому социалистическому пути, о крепнущей день ото дня нерушимой болгаро-советской дружбе.

Одиннадцатый класс

Когда раздается звонок, малыши веселой гурьбой выкатываются из классов. Через секунду они уже на школьном дворе. Ученицы самого старшего, 11-го, класса выходят степенно, не торопясь. Повзрослели за лето девушки! Как взрослый со взрослыми, учитель продолжает с ними начатый в классе разговор: «Мы, педагоги, рассматриваем вас, одиннадцатиклассниц, как своих помощников в школьном коллективе...»

Надув щеки, пыхтя и усиленно работая локтями, расталкивая встречных, несется по коридору маленькая девочка. Одиннадцатиклассница Лиана Махарадзе останавливает ее и делает строгое внушение.

Тамара Михайловна Матиашвили, заместитель председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР, директор 23-й женской грузинской средней школы, невольная свидетельница этой сцены, не в силах сдержать улыбку. Она подзывает строгую 11-классницу, притихшую малышку и ласково обнимает обеих.

— Тамара Михайловна, как я рада вас видеть!

— Как провела лето, Лиана? Ты, я вижу, загорела...

Ответа не слышно, так как снизу, с конца лестницы, раздается дружный хор девичьих голосов:

— Тамара Михайловна, мы к вам!

Директор с минуту вглядывается в тех, кто стоит внизу:

— А, старые друзья! Поднимайтесь, поднимайтесь, по «заветной лестнице»! Вам можно.

Заветная лестница! С ней связана замечательная традиция. По этой лестнице дозволено ходить лишь учителям. И только раз в году по ней ходят школьницы 11-классницы. «Лестница в жизнь, в вуз» — так называют ее в школе.

И вот по этой заветной лестнице подымаются пришедшие в школу бывшие ее воспитанницы. В первые же дни нового учебного года они приходят навестить любимых учителей. Тамара Михайловна спрашивает: «Ну как, одиннадцатый класс пригодился?»

Девушки улыбаются. Каждая из них могла бы рассказать, как одиннадцатый класс благотворно сказался на учебе в вузе.

Дневник ОГОНЬКА

Директор 23-й женской грузинской средней школы Тбилиси Т. М. Матиашвили с группой учениц 11-го класса.

Фото М. Квирикашвили

11-классное обучение было введено в Грузии в 1945—1946 учебном году. Учебная программа в средних школах республики шире обычной программы в школах за счет таких предметов, как грузинский язык и литература, история и география Грузии.

11-классное обучение позволило упрочить знания учащихся по всем предметам и особенно по русскому языку и литературе, тяга и любовь к которым в Грузии огромны. Начиная со 2-го и кончая 11-м классом, уроки русского языка проводятся теперь в школах Грузии ежедневно. Многие из 11-классников, окончив школу в Грузии, с успехом учатся в вузах Москвы, Ленинграда и других городов РСФСР.

Н. НОВИЦКИЙ

КОРОТКО

МУЗЕЙ-КВАРТИРА Н. А. Некрасова в Ленинграде пополнился новыми интересными материалами о жизни и творчестве великого поэта. Подготовлена выставка, посвященная знаменитому произведению Некрасова «Железная дорога». Редкая литография воспроизводит железную дорогу Петербург — Москва некрасовского времени. Расширена экспозиция, посвященная другому известному произведению поэта — «Размышления у парадного подъезда». Специальный раздел отведен «Последним песням» Некрасова. Среди экспонатов подлинный экземпляр книги с полустершейся дарственной надписью поэта, автограф его стихотворения «Сейте разумное, доброе, вечное».

ДЕСЯТИЛЕТИЕ существования Карело-Финского государственного университета отметила общественность республики. За короткое время университет стал центром подготовки научных кадров и научно-исследовательской работы. Он дал уже стране сотни высококвалифицированных специалистов. Выросли также опытные кадры профессоров и преподавателей, многие из которых выдвинулись из среды талантливой карело-финской молодежи.

Вечерний университет марксизма-ленинизма

В один день со школьниками и студентами сели за парты и слушатели вечернего университета марксизма-ленинизма при МГК ВКП(б).

— Наш университет, — сказал в беседе с корреспондентом «Огонька» директор университета Ф. В. Суслов, — является крупным партийным учебным заведением столицы и играет важную роль в марксистско-ленинском образовании москвичей. К учебе приступило около 17 тысяч человек, почти на 1500 больше, чем в прошлом году. Большинство слушателей — партийные, советские и хозяйственные работники. Велика тяга к учебе нашей интеллигенции. В аудиториях можно встретить известных стране ученых, деятелей литературы и искусства, архитекторов, педагогов и врачей.

Наш университет имеет 24 филиала. Старейший из них — при московском Доме ученых. Здесь занимается 1700 человек. Вот некоторые цифры, дающие представление о составе слушателей. На первом курсе 47 докторов наук, 322 доцента и кандидата наук, около 200 сотрудников научно-исследовательских институтов, заведующие кафедрами и преподаватели многих столичных вузов.

Слушатели университета предъявляют высокие требования к качеству преподавания. Поэтому к чтению лекций мы привлекли лучшие научные силы. Семинарами руководят кандидаты наук, доценты, старшие преподаватели высших учебных заведений.

Итоги прошлого учебного года показывают, сколь серьезно относятся к занятиям слушатели университета. Большинство сдало экзамены на «отлично» и «хорошо».

Весной этого года университет закончило свыше 6 тысяч человек, среди них более 4 тысяч коммунистов. Два года упорной учебы способствовали усилению политической активности товарищей, пробудили в них стремление систематически расширять и углублять свои знания марксистско-ленинской теории.

В Харькове, на площади Дзержинского...

За годы советской власти на окраине Харькова выросла обширнейшая площадь — Дзержинского. Стройные ряды лип, цветущие сады и скверы окружают бывшую пустошь. Величественно возвышается тут Дом госпромышленности.

На этой площади в честь годовщины освобождения Харькова от фашистских оккупантов открылась вторая традиционная областная выставка. В ней принимают участие промышленные предприятия, строительные организации, научно-исследовательские институты, колхозы и совхозы. Харьковчане с гордостью осматривают экспонаты, показывающие послевоенные успехи индустрии, сельского хозяйства области.

Промышленность города выпускает машины и аппараты двадцати четырех новых конструкций, успешно осваивает производство моторов и станков. На площади выставлены тракторы, генераторы, турбины, моторы, молотилки, тепловозы, станки. Тут же мебель, обувь, ткани, украинская цветистая вышивка, пестрые ковры, фаянс.

Много нового появилось здесь по сравнению с выставкой прошлого года. Вот дизельный трактор «ДТ-54» производства Харьковского тракторного завода. На стенде ХТЗ четырехцилиндровый дизельный мотор передвижной электростанции.

Модернизированные, облегченные транспортеры, которые подвергаются меньшему износу, экспонирует завод «Свет шахтера». На выставке показываются первые комплекты аппарата Кауфмана для автоматического управления станками. Велозавод представлен велосипедами: «Турист», спортивно-шоссейный, трековый и «Прогресс 1-го класса».

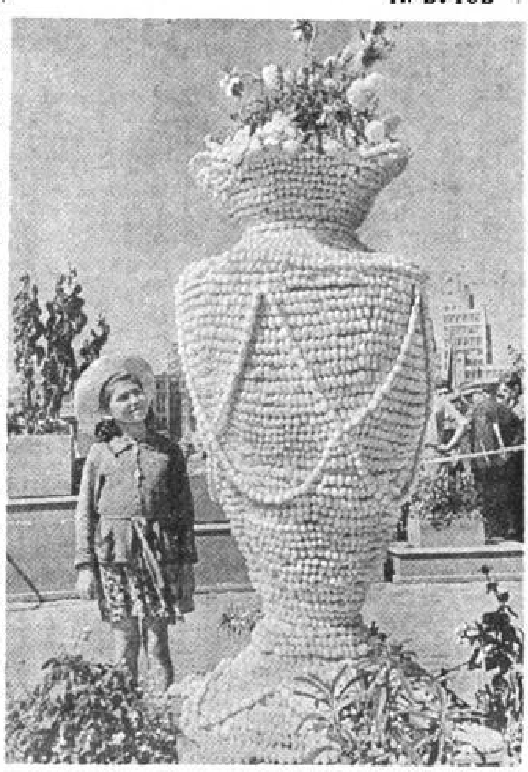
По широкому кругу расположены стенды 150 лучших колхозов области. Золотые снопы пшеницы, наливные яблоки, сочные сливы и груши, высокосортные овощи, харьковский виноград — наглядная картина колхозного изобилия.

Интересен животноводческий отдел: вот прославленные лебединские коровы, дающие в день по 32 литра молока, заботливо выхоженные знатными доярками; породистые овцы; свиньи весом в 20 пудов; птица. Гогочут холмогорские гуси, плещутся в аквариумах зеркальные карпы, роют землю копытами горячие кони.

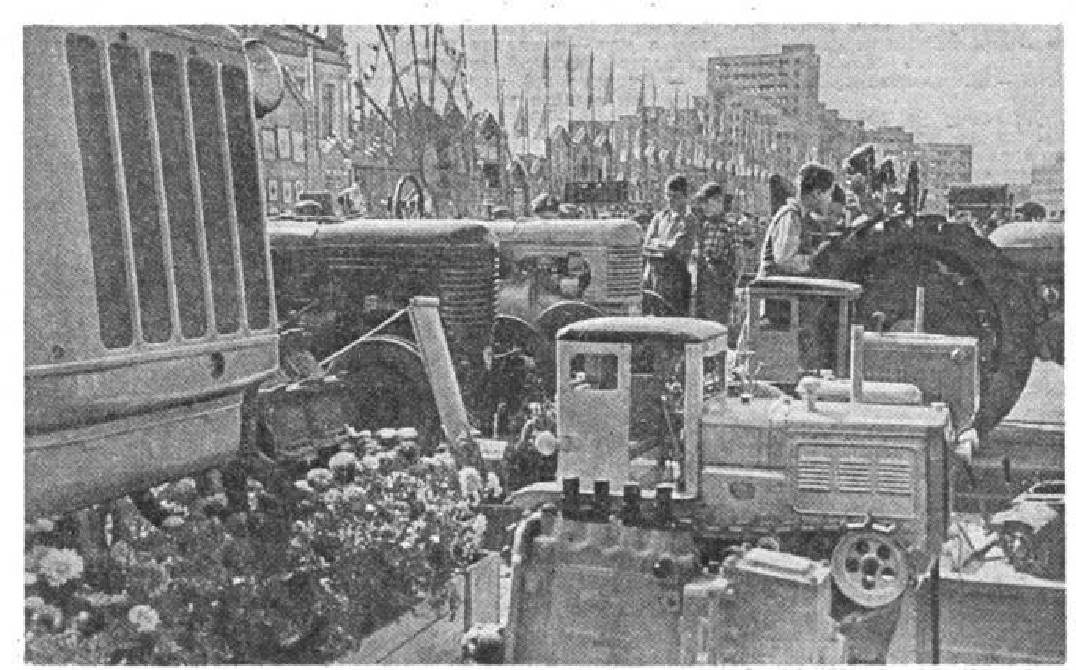
Богата цветущая Харьковщина!

Мастера высоких урожаев, знатные животноводы, Герои Социалистического Труда, обмениваются на выставке опытом.

А. БУТОВ

Ваза из коконов тутового шелкопряда.

Общий вид выставки.

Фото И. Филевского и П. Омельяненко.

Замечания по поводу...

Представитель СССР в Совете Безопасности тов. Малик заявил, что Цзян Тин-фу является представителем группы, а не государства.

Представитель группы в ООН...

...и группа, которую представляет он.

Рисунки Г. Валька

ОХОТНИКИ ЗА СКАЛЬПАМИ

Ректор университета в городе Тампа (штат Флорида) д-р Нэнс заявил: «Я считаю, что мы должны провести тотальную подготовку, основываясь на законе джунглей. Каждый должен научиться искусству убивать... Я одобрил бы бактериологическую войну, применение газов, атомных и водородных бомб...»

Весь Майн-Рид не стоит пенса!
Всем «охотникам» Майн-Рида
Поучиться бы у Нэнса
(Город Тампа, штат Флорида).

Он скальпированья метод
В ранг учебного предмета
Произвел — «профессор» этот,
Ректор университета!

Что Майн-Рид! Утеха детства.
Враг майнридовского штампа
Нэнс, профессор людоедства
(Штат Флорида, город Тампа).

Лук, стрела... пора в отставку
Этой технике негодной!
Разве место томагавку
Рядом с бомбой водородной?

Пусть дикарь, прикрытый шкурой,
Мечет стрелы в дебрях прерий, —
Доктор Нэнс знаком с культурой
(И с культурами бактерий).

Отравляющие средства,
Типы бомб, микробов виды
Знает доктор людоедства
Из «культурнейшей» Флориды.

Он (ему и книги в руки,
И радар, и микроскопы!) —
Он по правилам науки
Снял бы скальп со всей Европы.

Эмиль КРОТКИЙ

ЮБИЛЕЙ ВАГОНОСТРОИТЕЛЕЙ

Два десятка лет тому назад уральская тайга подступала к самым окраинам Нижнего Тагила.

В тайгу пришли инженеры. Измеряли, высчитывали, фотографировали. Затем появились лесорубы. А вслед за ними строители.

Завод, который строился вблизи Тагила, был одним из важнейших объектов первой сталинской пятилетки. Отсюда железнодорожный транспорт должен был получать тысячи и тысячи вагонов.

Ныне отмечается 15-летний юбилей завода-гиганта...

Еще в раннюю пору существования предприятия тагильские вагоностроители проявили себя как смелые новаторы. В то время когда завод вступил в строй, в США, считавшихся страной передовой вагоностроительной техники, вагонные рамы изготовлялись методом клепки. Уральцы первыми внедрили здесь электросварку.

В своих творческих поисках рабочие сотрудничают с инженерами. Так, в тесной производственной связи с коллективом цеха колес, доктора технических наук А. А. Горшков и И. Н. Богачев создали новую марку чугуна. Отлитые из него колеса превосходят по своему качеству лучшие колеса американского производства.

По всем железным дорогам страны мчатся тяжеловесные поезда. Вагоны, в которых везут хлеб, уголь, руду, лес, машины, построены славным новаторским коллективом уральского завода.

А. САЛЫНСКИЙ

Чемпион парашютного спорта

Чудесная погода, теплая и ясная, выдалась в день открытия 4-х всесоюзных соревнований парашютистов. Они были посвящены двадцатилетию парашютного спорта и парашютостроения в СССР. Тысячи москвичей съехались на Тушинский аэродром полюбоваться воздушным парадом парашютистов, которым открывались традиционные соревнования.

Зрители не обманулись в своих ожиданиях. В параде участвовали лучшие воздушные спортсмены страны.

Вот одновременно совершают прыжок пять спортсменов. Сперва над каждым из них в воздухе раскрывается крохотный парашютик, напоминающий обыкновенный зонтик. Вся группа спускается, точно выстроившись в ряд, отвесно, как по ниточке. И лишь оказавшись на небольшой высоте, спортсмены раскрыли обычные парашюты.

В воздухе мелькали парашюты различных форм — с куполами круглыми, квадратными, треугольными... Но при всем их многообразии они обладали одним общим свойством — надежностью и безотказностью в действии.

Л. С. Волкова.

Фото П. Барашева

Это лучшие в мире парашюты, их создали советские конструкторы.

В следующие дни погода не баловала участников соревнования: было ветрено и пасмурно. Особенно донимал ветер. На высоте скорость его достигала 17—20 метров в секунду. Но парашютисты и в этих условиях состязались на точность приземления. Прыгая с высоты в 600 и 1200 метров, они должны были опуститься в очерченный на аэродроме круг радиусом всего в несколько десятков метров. Чтобы попасть в него, учитывая ветер, парашютистам приходилось прыгать за 1—2 и даже за 2½ километра в стороне от заданной цели.

Наряду с известными спортсменами совершала прыжки и молодежь. Она овладела парашютным спортом в аэроклубах страны без отрыва от производства. В соревнованиях участвовали юноши и девушки самых разнообразных профессий: слесарь И. Зенин, электромонтер С. Милетеев, инженеры Ю. Архангельский и М. Перов.

Победителем оказалась молодая спортсменка, техник московской Окружной железной дороги Леонтина Сергеевна Волкова.

Судейская коллегия присудила Леонтине Волковой звание абсолютного чемпиона парашютного спорта СССР на 1950 год.

П. РОГОЗИНСКИЙ

На мотокроссе

Участники кросса на дистанции.

Представьте себе крутые спуски, петлистые тропки, непролазную грязь бродов и болотистых низин, и перед вами возникнет дистанция мотокросса.

7 сентября по Волоколамскому шоссе к деревне Чернево устремился поток мотоциклов, и укромные загородные места огласились гулом моторов и громогласными сообщениями радиодикторов. Здесь, на поляне, в стороне от ровной глади асфальтированных дорог, под знаменами добровольных спортивных обществ собрались самые испытанные, самые отважные гонщики страны на главное соревнование сезона — лично-командное первенство Советского Союза.

За день до этого участники первенства разыграли шоссейную гонку на 300 километров для мужчин и на 100 километров для юношей и женщин, и теперь результаты мотокросса должны были определить победителя командного первенства.

Это было очень красивое зрелище — цепь мотогонщиков, выстроившаяся на старте, серебристые, голубые, зеленые, красные, черные шлемы, голубоватый дымок моторов, разноцветные знамена. Спортсмены застыли у своих машин, напряженно вглядываясь вперед, где виднелась стена густого леса. Оглушительно ревут моторы, словно просятся скорее в дорогу. И вот цепь дрогнула, смешалась, гонщики рванулись вперед по бугристой поляне, вниз под уклон. С интервалом в несколько минут дается старт мотоциклам различных классов.

Юноши и женщины шли на 54 километра, мужчины — на 111. Дистанция кросса была проложена по трудно пересеченной местности, изобилующей крутыми подъемами, поворотами, залитыми водой пространствами. На такой дистанции от спортсменов требуются исключительное самообладание, высокая тренированность, умение до конца использовать мощность машин.

Сильнейшие гонщики выступали в классе машин до 350 кубических сантиметров. Среди них и развернулась наиболее интересная и напряженная борьба. Первый круг лучше всех прошел гонщик ВВС В. Юрков. Вслед за ним почти вплотную двигалась большая и сплоченная группа — динамовцы Ю. Абрамов и М. Мильне, представители ВВС С. Овчинкин и В. Карнеев, динамовец Ю. Король.

До самых последних метров невозможно было угадать победителя. Но вот через линию финиша проносится гонщик под № 90. Это Юрков. Он прошел исключительно трудную трассу за 2 часа 48 минут 30,4 секунды. Удастся ли кому-нибудь показать лучший результат?

Не успели многочисленные зрители, с интересом наблюдавшие ход гонки, задать себе этот вопрос, как показался гонщик на мотоцикле класса до 750 кубических сантиметров. Это был В. Платыч — из команды Советской Армии. Он прошел дистанцию за 2 часа 45 минут 51,6 секунды и завоевал звание абсолютного чемпиона страны по кроссу.

Командное первенство СССР по мотоспорту, посвященное Дню танкистов, в результате двух дней соревнований завоевали динамовцы.

Владимир Марков перед очередной тренировкой.

Рекорд Владимира Маркова

Незадолго перед тем как мастер Владимир Марков собрался в очередной отпуск, в модельном цехе завода «Красный пролетарий» были подведены итоги июля: программа значительно перевыполнена, нормы перекрыты всеми рабочими.

— Отдыхай, Владимир Протасович! О производстве не беспокойся, — напутствовали его товарищи по работе.

Да Марков и не беспокоился. Он был твердо уверен в коллективе, в котором живет и трудится вот уже четыре года, бессменно руководя цеховой партийной организацией. Модельный цех — цех стахановской производительности и отличного качества.

Пожелав друзьям успеха, Марков многозначительно заметил:

— Постараюсь и я отличиться.

А в начале сентября, когда отпуск Маркова подходил к концу, товарищи его прочитали в газетах:

«Летчик-спортсмен Центрального аэроклуба имени Чкалова мастер завода «Красный пролетарий» Владимир Марков установил на спортивном самолете конструкции А. С. Яковлева всесоюзный рекорд скорости на дистанции 100 километров».

Из двадцати девяти лет своей жизни Владимир Протасович Марков двенадцать лет посвятил воздушному спорту. Еще юношей, учеником школы фабзавуча при заводе «Борец», он тренировался в аэроклубе.

Годы войны Марков провел в армии. После демобилизации он снова начал работать на заводе, попрежнему занимаясь любимым авиационным спортом. Каждый выходной день, а часто и по вечерам Владимира Протасовича можно встретить на Тушинском аэродроме.

К полету на достижение всесоюзного рекорда скорости Марков готовился долго и тщательно. Тренируясь на трассе Тушино — Истра — Голицыно — Тушино, он отлично изучил все наземные ориентиры. Это позволило ему в скоростном полете совершенно не пользоваться картой.

Когда Марков стартовал, погода стояла неблагоприятная. Облачность не позволила набрать высоту более 670 метров. На первом участке, до Истры, дул встречный ветер, а затем он сменился боковым. Это, однако, не помешало пилоту вести машину строго по горизонтали, выдерживая курс.

Дистанция в 100 километров была пройдена Марковым за 12 минут 38 секунд. Достигнутая им скорость — 479 километров в час — является рекордной для спортивных самолетов четвертой весовой категории.

— Спортивный самолет конструкции А. С. Яковлева на большей высоте может дать еще бо́льшую скорость, — говорит Марков. — Я постараюсь это доказать.

С. МОРОЗОВ

В. Марков рассказывает товарищам в цехе о своем полете. Слева направо: наладчик цеха М. Люба, В. Марков, модельщик П. Карташов и начальник цеха П. Демидов.

Фото Е. Умнова

ЛИЦО ПОДЖИГАТЕЛЯ ВОЙНЫ

А. ЛЕОНИДОВ

I

Уинстону Черчиллю не спится по ночам. Его преследует кошмарный призрак — призрак мира.

С тех пор как 76-летнему потомку герцогов Мальборо пришлось удалиться на покой с поста премьера, он произносит речи. В Фультоне, в Гааге, в Бостоне, в Цюрихе — повсюду, где заокеанские фабриканты смерти и их европейские слуги любезно предоставляют ему трибуну. Черчилль твердит только об одном — о войне.

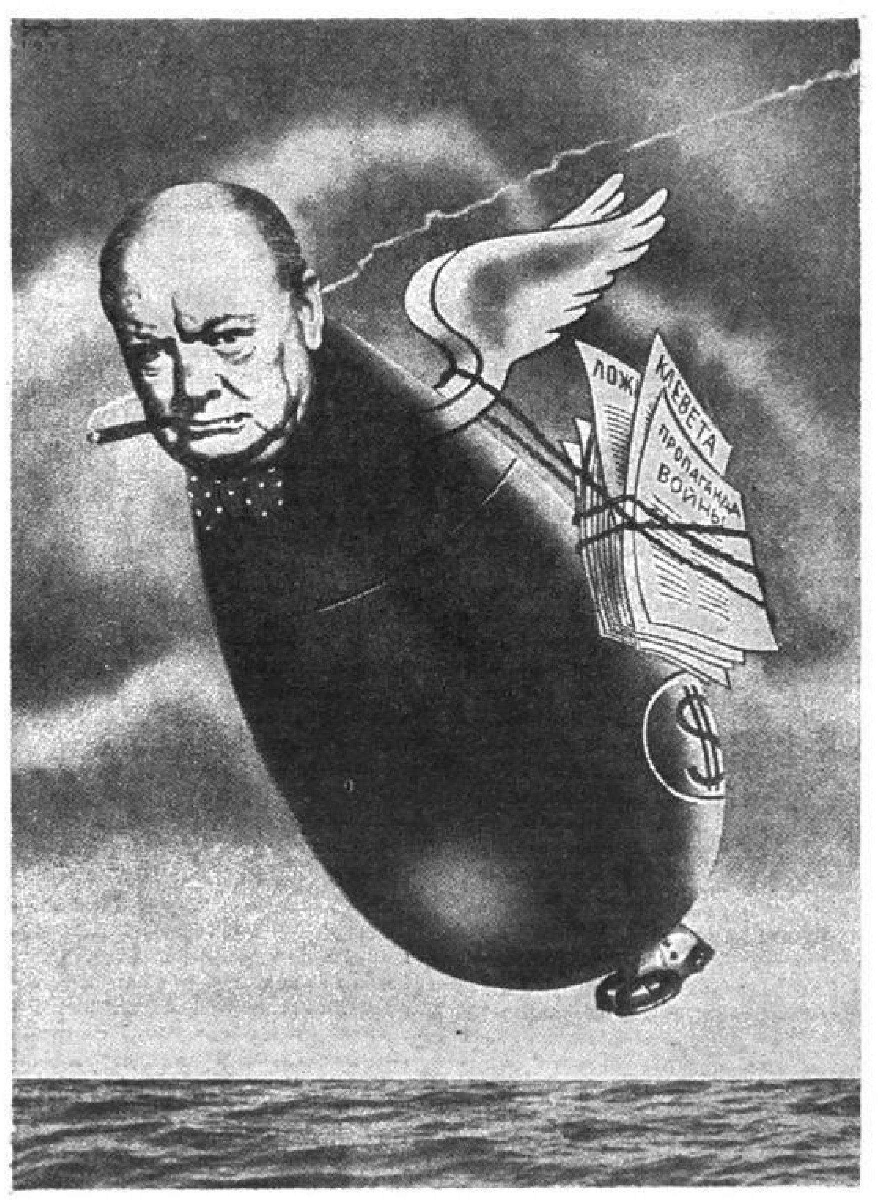
В Страсбурге, на сборище оголтелых реакционеров из так называемого «Европейского совета», громче всех раздавался голос Черчилля: он требовал поскорее создать «европейскую армию», ядром которой должны служить западногерманские дивизии под командой гитлеровских генералов. Престарелый факельщик войны, задыхаясь от ярости, призывает громы и молнии на голову корейского народа, успешно освобождающего свою страну от американских интервентов. Недавно в английской палате общин Черчилль снова истерически призывал «западный мир» не терять времени и мобилизовать «все естественные и живые ресурсы» для ...обороны. Но кому неизвестно, что слово «оборона» в устах Черчилля — это лишь циничное прикрытие замышляемой «западным миром» империалистов агрессивной войны против Советского Союза и стран народной демократии!

С войне Черчилль думает, мечтает, говорит всю свою жизнь. Этот апостол человекоистребления не живет, как все люди, из года в год: он живет от войны до войны. И когда на земном шаре устанавливается мир, для Черчилля это — временное и неестественное состояние, которому следует как можно скорее положить конец.

На английском языке существует слово «пироманьяк». Известный словарь Вебстера дает следующее определение этому слову: «...человек, одержимый безумным стремлением поджигать здания и т. д.». На протяжении всей своей карьеры Черчилль всегда был во власти стремления поджечь мир. Разумеется, это отнюдь не личная мания. Черчилль всю жизнь был добровольным и верным орудием в руках тех, кто создал и возвысил его как политика. Без заправил лондонского Сити Черчилль был бы ничем.

Молодые годы Черчилля прошли в непрерывной тренировке в «искусстве» колониальных авантюр и захватнических войн. В 1895 году он служил в испанской колонизаторской армии на Кубе. Два года спустя он участник кровавой расправы английских войск с афганскими племенами на северо-западе Индии. В следующем году Черчилль действует в рядах карательной экспедиции против восставших суданцев. Проходит еще год — и Черчилль появляется в Южной Африке, где идет война против буров. Четыре войны в трех частях света — такова школа, которую прошел Уинстон Черчилль в годы своей молодости.

После этого Черчилль меняет профессию, не переставая, однако, служить своим хозяевам. Он начинает организовывать войны в тиши парламентских и министерских кабинетов — теперь уже речь идет не о колониальных авантюрах, а о войнах мирового масштаба. Английские короли стали, нефти, химии знали, кого они выдвигали на посты министра армии, авиации, вооружения, а затем и премьер-министра. Черчилль готовил для них войны, как опытный повар. При этом он неизменно следовал старому методу английского империализма: всюду, где это возможно, сделать так, чтобы Англия воевала чужими руками.

Фотомонтаж А. Житомирского

Во время первой мировой войны Черчилль загубил целые дивизии австралийских войск, послав их на убой в известную дарданельскую экспедицию. После этого ему пришлось временно уйти в отставку. Но на бирже английского империализма кровь австралийских и колониальных солдат котируется дешево — Черчилль спокойно выжидал и дождался своего часа.

Когда мир прошел через кровь и разрушения первой мировой войны, Черчилль имел уже новый план. У него было все готово, чтобы немедленно организовать войну на востоке, против ненавистной ему и его хозяевам Советской России. Черчилль послал вооруженную экспедицию в Архангельск с приказом соединиться с бандами белогвардейцев, церемониальным маршем пройти до Москвы и задушить революцию рабочих и крестьян. В Москву Черчилль отправил отборных агентов английской разведки, Локкарта и Рейли, с приказом организовать кадры для белого террора. С юга английские войска должны были, по плану Черчилля, продвигаться через Кавказ и среднеазиатские республики.

Военная интервенция была в руках Черчилля средством для осуществления давнишней мечты лондонских политиков — превратить Россию в английскую колонию. После этого ничто не стояло бы на пути установления мировой гегемонии Великобритании. Английские войска находились тогда в Турции и Иране. Окончательная колонизация англичанами Китая после разработанной Черчиллем «русской операции» была заранее решенным делом. Осуществление этой программы, которую вынашивал втайне Черчилль, должно было быть апофеозом всей карьеры этого оруженосца британского империализма.

Советские рабочие и крестьяне не позволили осуществить эту бредовую программу. Экспедиционные войска Черчилля и его белогвардейские наймиты были разбиты наголову и прогнаны из России, подосланные шпионы и диверсанты пойманы с поличным. Тем самым был сорван преступный план Черчилля. Он никогда потом не мог забыть позорного провала этого «грандиозного» авантюристического предприятия.

На всю жизнь он сохранил злобную ненависть к великой стране социализма, которая стала ярким маяком свободы и мира для всех народов. Черчилль всегда ненавидел Советский Союз за то, что это страна, где у власти рабочие и крестьяне. Но еще большую ярость вызывает у него тот факт, что Советский Союз — первое в истории государство, положившее в основу своей внешней политики борьбу против грабительских империалистических войн, против подавления малых и слабых государств более сильными. Черчилль и ему подобные понимают, что победа советской идеи международного мира — это конец тому кровавому заговору против народов, нити которого Черчилль плетет всю свою жизнь.

II

Вот почему последние 30 лет своей жизни Черчилль полностью отдал сумасбродной «идее»: уничтожить во что бы то ни стало, смести с лица земли Советский Союз. Давно опровергнута пущенная в оборот легенда, будто Черчилль отказался от этого замысла в период второй мировой войны, когда он был премьер-министром союзной с СССР державы. Черчилль лжет, когда он заявляет — а делает он это нередко,— что в годы войны он был «искренним другом России». Неопровержимые факты показывают, что и в эти годы политика Черчилля была глубоко враждебной по отношению к Советскому Союзу. Старый слуга английских рабовладельцев страстно желал поражения Советской страны и прилагал к этому немалые усилия.

Но и эти надежды ярого поджигателя военных пожаров развеялись в прах. Победившая армия советского народа разгромила немецко-фашистские армии без помощи союзных войск в Европе. И тогда Черчилль сделал попытку провести в жизнь свой второй резервный план. Он начал предательские закулисные переговоры с эмиссарами Гитлера. Пока не поздно, закончить войну меж-

ду западными державами и Германией за счет России — такова была мысль, сверлившая мозг Черчилля. Но было уже поздно: Советская Армия неудержимо двигалась на Берлин.

Однако Черчилль и по сей день пытается осуществить любой ценой и как можно скорее союз с германскими фашистскими генералами против СССР. Такова сегодня политика всех тех, кто составляет лагерь войны в Англии и Соединенных Штатах.

Сразу же после войны Черчилль начал ханжескую кампанию «христианской снисходительности» к гитлеровским военным преступникам. Он лично участвовал в сборе пожертвований в их пользу, призывал пожалеть «престарелых германских фельдмаршалов и генералов» и «забыть прошлое» (его подлинные слова). Матерый поджигатель войны на все лады прикидывался «миролюбцем», подготовляя новые ходы на шахматной доске агрессивной, империалистической политики.

Черчилль ослеплен своей звериной злобой против всего передового и демократического. Но и он ощущает, как растет гнев и возмущение простых людей всех стран, объединяющихся в непреодолимом движении за мир. Он знает, что ни трудящиеся-немцы, ни трудящиеся-французы не дадут послать себя на убой в интересах Уолл-стрита и Сити. Вот почему Черчилль открыто проповедует сейчас новый гитлеризм в самом сердце Западной Европы. Руками германской и французской фашистской военщины — гальдеров, манштейнов и де-голлей — Черчилль надеется подавить рабочий класс западных стран. «Христианин и европеец», как любит Черчилль называть сам себя, прямо призывает воссоздать из праха нацизм, чтобы вновь бросить его на Европу. На склоне лет он хочет еще раз попытаться удовлетворить свою исступленную ненависть к свободному советскому народу и ко всему трудовому человечеству.

Атомная бомба стала в последнее время своего рода евангелием Черчилля. В одной из своих речей в палате общин он вознес даже «благодарение богу за атомную бомбу». В другой речи, произнесенной в Лландудно, он сказал: «Если бы США согласились на уничтожение накопленного ими запаса атомных бомб, то мы были бы повинны в уничтожении человеческих свобод и в совершении самоубийства».

Для Черчилля атомная бомба — это свобода, уничтожение атомного оружия — самоубийство. Применение же атомной бомбы, по Черчиллю, равно торжеству «христианской цивилизации». Будущие судьи поджигателей войны не забудут нетерпеливых призывов Черчилля скорее, как можно скорее использовать это оружие массового истребления людей!

III

Черчилль—это порождение деспотической верхушки господствующего класса Англии, английских капиталистических монополий. Как рыба в воде, чувствует себя Черчилль в кругу привилегированной бюрократии, которую он сам вскармливал, среди реакционной военщины, авантюры которой он возглавлял, помещиков-аристократов, которые его породили. Не чужд ему и аппарат Интеллидженс сервис, деятели которого по сей день окружают его плотной стеной. Окружение Черчилля — это те, кто мечтает возродить прежние «возможности» для агрессивной политики и колониальных захватов английского империализма. Все они видят в Черчилле своего «лидера» и в борьбе против рабочего класса, человека, который готов на все, когда речь идет об «укрощении» народа.

Буржуазные журналисты Запада услужливо распространяют лживую версию: хотя у Черчилля руки в крови, но они-де у него «не в золоте». Они стараются убедить обывателя, что Черчилль будто бы не связан с крупными монополистическими объединениями, не замешан ни в каких закулисных коммерческих комбинациях. Это утверждение, нередко повторяемое и лейбористской печатью,— ложь от начала до конца.

Правда, имя Черчилля не фигурирует в директорских списках ни одной из ведущих английских монополий. Но издавна известно, что экс-премьер Британской империи предпочитает действовать через подставных лиц.

Молодой консервативный депутат Дункан Сэндис, зять Черчилля, был министром снабжения в черчиллевском правительстве в годы войны. Сейчас Сэндис — директор английского золотопромышленного концерна «Эшанти гольдфилдс корпорейшн». Эта компания владеет огромными концессиями в колонии Золотой Берег, в Западной Африке; не раз концерн выплачивал дивиденд в размере 95 процентов с капитала. Эти концессии, на которых работают рабы-негры,—один из главных источников состояния семьи Черчилля.

В английских парламентских кругах открыто говорят о том, что Сэндис — только тень Черчилля. В качестве личного представителя своего тестя Сэндис одновременно занимает пост председателя «Международного комитета движения за европейское единство»— этого детища Черчилля, созданного в 1947 году для уничтожения суверенитета европейских стран. Колонизация Африки и колонизация Европы — две взаимно дополняющие друг друга стороны практической деятельности семейки Черчиллей, не считая подготовки новой мировой войны.

Как закадычный друг Черчилля известен генерал английской разведки Эдуард Спирс. Летом 1941 года, в дни гитлеровского вторжения во Францию, Спирс был личным представителем Черчилля при французском премьер-министре Рейно и сыграл темную роль в капитуляции французских мюнхенцев. Потом Черчилль прикомандировал Спирса к генералу де Голлю, которому было поручено из Лондона саботировать движение французских партизан. В настоящее время матерый разведчик Спирс рука об руку с зятем Черчилля «работает» в деловых конторах Сити, где Спирс занимает посты в девяти крупных акционерных компаниях.

Другой старый агент Черчилля, депутат и бывший министр Брендан Бракен, возглавляет правление треста «Юнион корпорейшн», одного из самых доходных предприятий Англии, владеющего золотыми россыпями в Южной Африке, Мексике и Австралии и связанного с брильянтовой монополией Де Бирс. Бракен в прошлом был личным парламентским секретарем Черчилля и по сей день является его правой рукой.

Коммерческие узы связывают черчиллевскую клику не только с золотопромышленными монополиями. Многие из лиц, постоянно окружающих Черчилля, имеют непосредственное отношение к крупнейшим военнопромышленным фирмам, которые в первую очередь наживаются на пропаганде войны и, в частности, на поджигательских проповедях самого Черчилля. Доказано практикой, что курс акций таких фирм поднимается на лондонской бирже после каждого очередного выступления этого патриарха поджигателей войны.

Людей, близких Черчиллю, можно увидеть в кабинетах правлений трех главных монополий, поставляющих вооружение в Англии. Это авиационный и артиллерийский трест Виккерса, химический трест «Империал кэмикэл индустрис», контролирующий 90 процентов производства взрывчатых и отравляющих веществ, и компания «Бирмингэм смолл армс компани», изготовляющая пулеметы и винтовки.

В правлении Виккерса заседает консервативный политик сэр Джон Андерсон. Он занимал в военном кабинете Черчилля посты министра внутренних дел и финансов, а сейчас, при лейбористах, возглавляет правительственный комитет по делам атомной энергии. Через своего приятеля Андерсона, одного из ярых застрельщиков антисоветской и антидемократической политики в Англии, Черчилль связан с агентами американских атомных монополий и с крупнейшим английским военнопромышленным трестом, загребающим десятки миллионов на поставке вооружения для лейбористского правительства. Рука руку моет!

За два года барыши треста Виккерса увеличились более чем вдвое. Нынешним председателем правления этого треста является генерал сэр Рональд Уикс, который при Черчилле был заместителем начальника английского генерального штаба, а в 1945 году был назначен главой английской контрольной комиссии в британской зоне оккупации Германии. Генералы, разведчики, депутаты, министры — все они связаны круговой порукой с профессиональными торговцами смертью под «идейным» руководством Уинстона Черчилля.

В правление военно-химической монополии «Империал кэмикэл индустрис», объединяющей 80 заводов и фабрик, делегированы два бывших министра кабинета Черчилля: все тот же Андерсон и сэр Андрью Дункан, глава синдиката сталелитейной промышленности. Во время второй мировой войны один из директоров «Империал кэмикэл индустрис», лорд Уэйр, был поставлен Черчиллем во главе правительственного комитета по производству танков. Другой, Беннет, заправлял комитетом по производству ручных пулеметов. Сейчас оба эти джентльмена — крупные вкладчики в партийную кассу Черчилля.

Директором третьей военнопромышленной монополии Англии «Бирмингэм смолл армс компани» является лорд Вултон. Он был министром продовольствия в правительстве Черчилля и командует и поныне организационным аппаратом консервативной партии. В феврале этого года Черчилль поручил Вултону руководить всей предвыборной кампанией консерваторов. В руках Вултона сосредоточены и нити контроля над значительной частью реакционной печати в Англии.

Можно было бы заполнить целые страницы перечислением закулисных связей Черчилля и его друзей с синдикатом фабрикантов оружия. Важно отметить еще один существенный факт: синдикат этот не английский, а англо-американский. Американские миллиардеры, главные поджигатели новой войны, соучаствуют почти во всех английских монополиях, поддерживающих Черчилля.

К их представителям в Англии относятся люди типа Вивиэна Смита, лондонского резидента американского банка Моргана, или лорда Байчестера, агента того же банка и директора английской монополии «Ассошиэйтед электрик индустрис».

Все перечисленные господа образуют один круг дельцов, тесно связанных с Черчиллем. Одни из них называют себя политиками, другие носят генеральскую форму, третьи выступают в качестве «частных» бизнесменов. Но и тех и других объединяет одно общее стремление — во что бы то ни стало разжечь пожар третьей мировой войны.

Они жаждут войны и готовят войну, ибо боятся мирного сосуществования и соревнования социалистической и капиталистической систем. Старый империалистический хищник Черчилль усердно помогает в этом своим негласным хозяевам, так как понимает, что в этом соревновании капитализму не суждено ничего, кроме провала.

Успехи мирной политики Советского Союза и победы всего фронта мировой демократии приводят Черчилля в бешенство. С помощью войны он рассчитывает расправиться с рабочим классом Западной Европы. Еще с 1926 года, когда Черчилль руководил подавлением всеобщей забастовки в Англии, он готовится свести счеты с английскими рабочими.

IV

Суть, конечно, не в Черчилле. Этот человек не может жить без войны, не может дышать воздухом, не отравленным атмосферой кровопролития. Он говорил и будет и впредь говорить тем же человеконенавистническим языком. Суть в том, что за спиной Черчилля стоят и его голосом говорят самые мрачные силы современного капиталистического мира. И суть в том, что Черчилль говорит сегодня то, что английское лейбористское правительство собирается делать завтра.

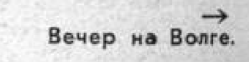
Мир слышит хриплый голос старого поджигателя войны, апологета атомной бомбы. Но мир слышит и ясный, решительный, грозный голос тех, кого Черчилль и его свора пытаются сделать жертвами мирового пожара,— голос сотен миллионов трудящихся. Эти сотни миллионов, образующие могучую международную армию мира, неизмеримо сильнее черчиллей всех стран.

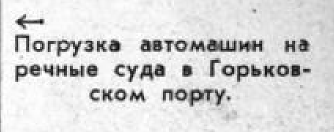
ВОЛГА

Фото О. Кнорринга

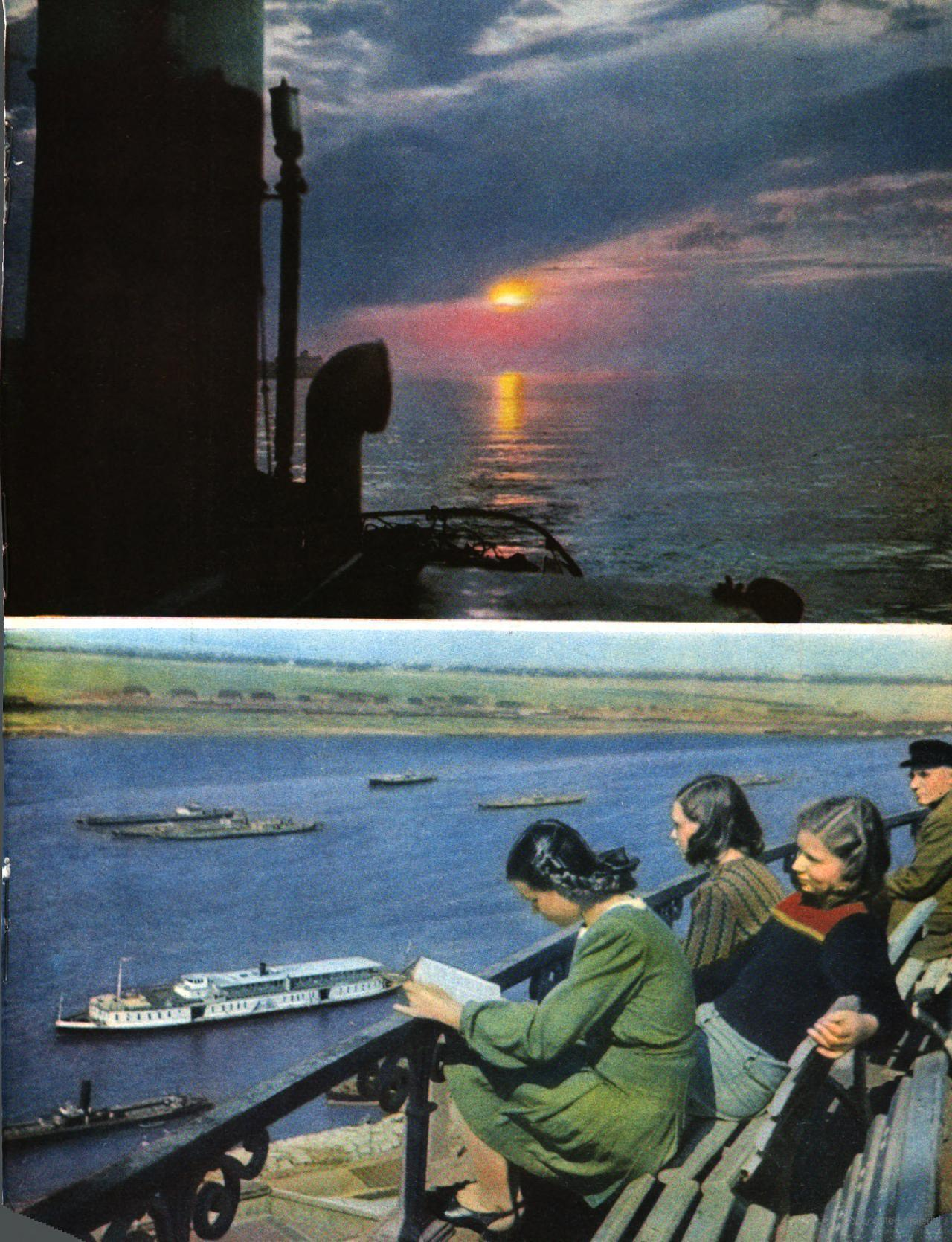
Депутат Верховного Совета СССР капитан теплохода «25-е Октября» Александр Иванович Торсуков.

Вечер на Волге.

Погрузка автомашин на речные суда в Горьковском порту.

→
Откос — любимое место горьковчан.

Кочегар пловучего крана «Рожский» комсомолец Костя Цугин.

ПОДДУБЕНСКИЕ ЧАСТУШКИ

(Из записок землеустроителя)

Сергей АНТОНОВ

Рисунки В. Климашина

1

Этим летом мне пришлось поехать в Д-ский район для работ по землеустройству объединенного колхоза. Я добрался до деревни часов в одиннадцать вечера и отправился разыскивать председателя. В конторе правления никого, кроме румяного парня, не оказалось. Парень сидел за столом председателя, писал письмо и при этом сжимал карандаш так крепко, что пальцы его побелели.

— Вам кого? — спросил парень, подняв голову.

Видимо, я ответил ему недостаточно уважительно, потому что он сдвинул в сторону перекидной календарь и сказал строгим голосом:

— А ну, дайте документы.

Хмуро взглянув на меня, он отставил чернильницу, открыл первую попавшуюся папку с делами и даже попытался выдвинуть ящик письменного стола, но ящик оказался запертым. Я протянул ему командировочное предписание.

Он прочитал все сверху донизу, вплоть до названия типографии, и, когда читать стало совсем нечего, перевернул бумажку вверх ногами, чтобы удобнее было разобрать надпись на круглой печати. Потом подумал и спросил:

— Это, что же, выходит, вы приехали наши поля с поддубенскими соединять?

Я ответил утвердительно.

— Выходит, севооборот наш нарушите?

Я ответил, что первые год — два на некоторых полях придется нарушить правильную ротацию.

— Это плохо. А кормовой севооборот выделять будете?

Я ответил, что кормовой севооборот придется выделять обязательно.

— Это хорошо. И водоемы запроектируете?

— Запроектирую и водоемы. Вы кто, член правления? — в свою очередь спросил я.

— Все мы тут хозяева,— уклончиво проговорил парень. — Вам, случайно, шорник наш, Иван Иванович, не родня?

Я сказал, что о шорнике Иване Ивановиче слышу в первый раз.

— А фамилия, между прочим, у вас такая же,— с некоторым изумлением произнес парень. — Ну, что же. Придется тогда вас поместить в комнате для приезжающих. Сейчас дела закруглю и сам проведу вас.

— Ты опять здесь сидишь! — раздался тихий, брюзжащий голос.

Я обернулся: на пороге стояла старушка в кирзовых сапогах.

— Сейчас вот дела закруглю,— повторил парень, словно не замечая ее, и поспешно переставил чернильницу на прежнее место.

— Я тебе закруглю дела! — продолжала старушка.— Тебе сколько раз говорено: на столе ничего не трогать.

— Да ладно, тетя Даша. Я председателя жду. Надо наконец договориться, когда начнем уборку.

— Уборку, уборку... А чего тебе численник помешал? Снова весь порядок на столе нарушил. Вот обожди, скажу Василию Степановичу, он тебе...

— Да ладно, тетя Даша,— смущенно протянул парень. — Пойдемте, я вас проведу,— сказал он мне, сунул недописанное письмо в карман и поднялся из-за стола.

— Ладно да ладно,— не унималась старушка. — Вот скажу Василию Степановичу, он тебе покажет, почем сотня гребешков. Гляди-ка! Снова бумагу брал...

Мы вышли на крыльцо.

— Прямо беда с ней,— вздохнул парень. — Это сторожиха. А вон видно избу. Это и есть наша гостиница.

Он указал на темнеющее поблизости строение и повел меня совсем в другую сторону. Мы вошли в какие-то ворота, миновали огород, вышли на белеющую тропинку и только после этого повернули к дому. Целый день шел дождь, и мой провожатый вел меня сухими местами. Дойдя до крыльца, он предупредил:

— Вытирайте ноги как следует. А то Любка задаст вам по первое число.

И по тому, как долго он топтался на соломенной подстилке, я понял, что он и сам побаивается строгой хозяйки.

Мы вошли в темные сени, затем в такую же темную комнату, и парень неуверенно спросил:

— Есть кто-нибудь?

В дальнем углу мяукнул котенок.

— Никого нет,— облегченно сказал парень,— опять Любка, наверно, в Поддубки пошла.

Он покачал в темноте поднятыми руками и, нащупав лампочку, повернул ее в патроне. Загорелся свет. Горница отличалась тем подчеркнутым неуютным порядком, которым характерны комнаты для приезжающих. На стене висел большой плакат, объясняющий, как надо бороться с колорадским жуком. Точно посредине стола стояло блюдце для окурков, а у стен — две узкие кровати. Тюфяки, видимо, были недавно набиты, и от них пахло свежим сеном.

— Ну вот, располагайтесь тут,— сказал парень и добавил нерешительно: — Только не ложитесь, пока Любка не придет. Она вам сама укажет койку.

Мой провожатый ушел, а я от нечего делать стал листать лежащую на тумбочке школьную тетрадку. Страницы ее были аккуратно разграфлены, и на первой написано следующее:

3 мая. Пчеловод. Один день полного питания.

5 и 6 мая. Писатель из Москвы. Два дня по два литра молока.

10 и 11 мая. Данила Иванович. 10-го ужин, 11-го завтрак.

13 мая. Суббота. Киномеханик. Обед и ужин.

14 мая. Воскресенье. Баянист из города. Две порции обеда.

18, 19, 20 мая. Землемеры. Три дня полного питания. Бесплатно, по распоряжению председателя колхоза.

21 мая. Воскресенье. Баянист из города. Две порции обеда.

23 и 24 мая. Данила Иванович. 23-го ужин, 24-го завтрак.

26 мая. Ветеринарный профессор. Ничего не ел.

28 мая. Воскресенье. Футболисты. Семнадцать бесплатных обедов, по распоряжению председателя колхоза. Баянисту не хватило.

Дальше шли еще несколько лиц, потом снова неизвестный Данила Иванович съел один ужин, а на следующий день — один завтрак и уехал.

Я с интересом перевернул страницу и в это время услышал голос:

— Вы что это у меня ревизию наводите?

На пороге стояла девушка в легоньком коверкотовом пальто с плечиками, в резиновых ботиках и в деревенском цветастом платке. У нее было широкое, скуластое и открытое лицо.

Я извинился и положил тетрадь на место.

— А механик эмтэесовский не приходил? — спросила Люба, указывая на левую кровать.

Я сказал, что никого еще не было.

— Значит, все еще в Поддубках,— усмехнулась она. — Понравилось ему, наверно, песни наши слушать.

— Какие песни?

— А частушки. Там, в Поддубках, каждый день новые. Туда со всех деревень за частушками ходят. Там и про колхозные дела и про любовь — про все складывают. Вот эмтэесовский механик вчера только приехал трактор чинить, а про него уже частушка сложена. Больно тихо работает парень. Как это сложено, обождите: Ваня Иванов из МТС вчера под трактор полез, а починит его Ваня не раньше уборочной кампании. Я эту частушку позабыла, она там складно сложена. Вам что сготовить: яичницу или, может, картошки поджарить?

Она пошла за перегородку, в свою половину, переоделась и вышла на кухню. Пока я умывался, печь была затоплена и на сковороде шипело масло.

— Вы, наверно, давно ждете? — говорила Люба.— Вот тоже была в Поддубках. Целый час цыганочку танцевала. Даже плечи заболели. А никак не уйти. Больно песни хорошие поют. Вот, глядите, поддубенская частушка.

И она, улыбаясь, запела, поводя в такт плечами:

Милый в армию ушел,
Я сказала: «Точка!
Я ни с кем гулять не стану
Эти два годочка».

— И тут горло дерут, — недовольно проговорил, входя на кухню, высоченный парень с руками, вымазанными в автоле. На пуговице его синего мокрого комбинезона висел электрический фонарик.

— Так я же про любовь,— отвечала Люба.— Я про механиков не пою.

Даже не посмотрев на нее, парень начал умываться, расплескивая воду и на пол и на стену.

Умывался он долго и сердито. Утеревшись, он снова вышел на кухню и спросил:

— А кто у вас там всякие глупости сочиняет?

— Поддубенские ребята складывают,— ответила Люба.— Вам что: яичницу или, может, картошки поджарить?

— Не надо ничего. Завтра разбуди меня в пять часов.

Парень ушел, а мне вдруг самому захотелось сходить в Поддубки, послушать поддубенские частушки и обязательно разыскать человека, который их складывает.

2

Моя работа оказалась довольно сложной. И у Синегорья и у Поддубок до объединения было по девять полей, а теперь предстояло запланировать новый общий зерновой севооборот и заново организовать кормовую базу. Для повышения урожайности очень важно, чтобы последовательность культур на полях севооборота не нарушалась. А при укрупнении полей в первые годы соблюсти это условие очень трудно, а иногда и совсем невозможно.

Вот и приходится с утра до ночи разговаривать с местными агрономами, с председателем колхоза и бригадирами, ходить по полям. Не удивительно, что я как-то совсем забыл про поддубенские частушки и про их сочинителя.

Долго пришлось ломать голову из-за поддубенской птицефермы. Птицеферма эта была гордостью колхоза. Прекрасное здание с шиферной крышей, с паровым отоплением и электрическим светом было построено только в прошлом году на границе поддубенских земель и земель Синегорья, и по новому землеустройству оно оказывалось совсем не на месте, как раз посредине седьмого поля зернового севооборота. Как ни жаль было этого здания, но приходилось перенести его на другое место. Я показал Василию Степановичу Боровому, председателю объединенного колхоза, свои расчеты, и скрепя сердце он согласился.

И вот однажды, когда я был у Василия Степановича, он сказал, что ферму уже разбирают. Я удивился. Новый план землеустройства еще не был утвержден, и мне казалось, что председатель действует рискованно.

— А чего ждать? — сказал Василий Степанович, заметив мое удивление.— Переиначивать, так переиначивать. Чтобы раз, два — и готово! Пойдем поглядим. Ребята там горячие, наверно, уже стропила снимают.

Мы вышли в поле. Василий Степанович, бритый и стриженый шестидесятилетний старик, на цыпочках, словно молодой, забирался вверх по крутому, размякшему откосу. Я следовал по вмятинам его следов, как по ступенькам. Наконец показалось здание фермы. Оно стояло целехонькое. На бревнах сидели крутоплечий парень в красной ковровой тюбетейке и человек десять девчат. Среди них была и моя хозяйка Люба. Никто не работал. Василий Степанович сдвинул брови.

— Чего это вы, уже утомились? — обратился он к парню.— Устали ночью головами подушки подпирать?

Коротконосая белокурая девушка, видимо, самая младшая из всех, с голубыми большими глазами, взглянула на Семена, словно говоря ему: «Ну, Сеня, скажи скорей что-нибудь, а то, ох, тебе и будет!»

— Ни одна не хочет на крышу лезть,— неторопливо ответил Семен.— Жалко им рушить.

— Что же это вы? — спросил председатель, заложив руки в карманы брюк и медленно переводя взгляд с одной девушки на другую.

— Пошли, девчата, полезем,— сказала Люба.

— Зачем мы станем такую красоту рушить, Василий Степанович! — пронзительно заговорила строгая Феня, заведующая птицефермой.— А курей куда будем девать?

— Пока на новом месте ферму соберем,— кур в сарай переведем.

— Неладно придумано,— заметил Семен.— Там низина, Василий Степанович, сырость. Захворают куры туберкулезом.

Голубоглазая девушка вопросительно взглянула на председателя, и во взгляде ее можно было прочесть: «А ведь и правда, захворают куры туберкулезом. Как же это вы так, Василий Степанович?»

— Не захворают,— сказал председатель,— не на век переводим. От силы на неделю.

— И хорек повадится,— продолжал Семен.— Место там угрюмое, на отлете. Хорек повадится, не уследишь.

Девушка обернулась к председателю, словно говоря: «Вот видите, какой у нас умный Семен. Хорек кур зарежет, что будем делать?»

— Не бойся, собаку на цепь посадим,— сказал председатель.— Отпугнет.

— А где вы такую собаку возьмете? — спросил Семен.

— Да, да, где вы возьмете собаку? — сияли большие глаза девушки.

— А хоть у Бирюковых. Я гляжу, и тебе не больно охота задания выполнять. А ну, дай ломик.

И, забравшись на крышу, Василий Степанович начал отрывать плитки шифера.

— Ладно сидеть. Полезли работать! — сказала Люба и стала подниматься по приставной лестнице.

— Рушить-то она мастерица,— заметила Феня.

— И строить стану не хуже! — крикнула сверху Люба.

— Дожили,— продолжала Феня.— Поддубенские строили, а синегорские рушить станут.

— Теперь что синегорские, что поддубенские — один колхоз «Победа»,— отвечала Люба.— Наташка, а ты что стоишь? Лезь ко мне!

Голубоглазая девушка колебалась. Люба неловко подковырнула плитку шифера, выворачиваемый гвоздь вскрикнул, словно от боли, и плитка треснула пополам.

— Слезай! — закричала Феня. — Что хотите делайте, Василий Степанович, а не могу я глядеть, как наше добро портят. Знает она, как мне плитки достались? Это в ихнем колхозе ничего не строили. Слезай оттуда!

— Ты все делишь! — воскликнула Люба.— Колхозы слились, а ты все «наше» да «ваше». Ну и дели! Думаешь, если наш колхоз послабей был, так и попрекать можно?

— Я тебя не попрекаю. А ты спроси, как я в прошлом году стекла из своей избы вынимала да сюда вставляла. Слезай, тебе говорят!

— А мне что, я и слезу. Работай сама. Что мы тебе, приживалки?

Люба сошла вниз, сделала несколько решительных шагов, словно направляясь домой, но вдруг села прямо на грязную землю и заплакала.

— Да что вы сегодня все с ума посходили? — растерянно проговорил Василий Степанович.

Все молча смотрели на Любу. Наташа подошла к ней, неуверенно тронула ее за плечо и проговорила:

— Гляди, юбку замараешь...

— Ну и шут с ней.

— Ладно тебе. Утрись, и пойдем плитки складывать...

— К нам, небось, приходили в прошлом году тес выпрашивать...

— Ладно. Она заведующая птицефермой. Ей это все равно, Любушка, что свою избу ломать.

— Сама же Фенька приходила за тесом да за лампочками, а теперь...

— А ты не гляди на нее,— уговаривала Наташа подругу, словно маленькую.— Пойдем, Любушка, пойдем...

— Долго вы будете постановки разыгрывать? — сказал Василий Степанович, посмотрев на часы.— Семен, начинай!

— Как же я начну? Что мне их на руках, что ли, носить на крышу?

— А как хочешь. Хоть на руках. Начинай!

— Ну, ладно!

По-медвежьи растопырив руки, Семен пошел на девчат, и все они с визгом бросились в разные стороны. Только Люба сидела попрежнему, закрывая лицо рукой, на земле, плакала и казалась худенькой, остроплечей.

Семен легко поднял ее на руки. Сначала она старалась вырваться, отбивалась, болтала ногами, но, увидев, что Семен несет ее уже по зыбкой скрипучей лестнице, испуганно обхватила его за шею и притихла.

Лестница была высокая, метров пять высотой, и стояла довольно круто. Семен осторожно поднимался вверх, опираясь о перекладины ступнями и коленями. На спине его, возле плеч, под майкой вздулись мускулы, а шея все больше и больше краснела.

— Довольно тебе! — закричал встревоженный Василий Степанович.— Прекрати сейчас же!

— Бросить? — спросил, остановившись на середине лестницы, Семен.

— Да неси ты быстрее, черт! — воскликнул председатель, испугавшийся, что его распоряжения стали выполняться чересчур точно.

Семен добрался до крыши, тяжело дыша, опустил смущенную Любу и пригладил волосы своей красной тюбетейкой. Вслед за ними одна за другой полезли наверх девчата.

— Василий Степанович,— не унималась Феня,— давайте хоть с неделю погодим ломать. Чехословацкие крестьяне приедут, что мы им станем показывать? Электростанцию перестраиваем, к коровнику пристройку делаем и еще птицеферму вовсе сломаем. Что мы им станем показывать?

— Труд свой станем показывать,— сказал Василий Степанович.— Они к нам не в музей приедут. Поймут. У них у самих там все заново переделывается.

И снова начал отдирать ломиком плитки.

Работа стала разгораться, как костер, когда от маленького язычка огня постепенно занимаются веточки, обвиваются летучим пламенем, разгораются все сильней и сильней, словно соревнуясь, чей огонь жарче и веселее, когда последняя сырая рогатина, которая только дымила и шипела, уже не в силах упрямиться и вся вдруг занимается трепещущим пламенем, догоняет подруг, и не разберешь уже, какая из них горит ярче всех: большое общее пламя возносится к небу.

Я не утерпел, тоже забрался наверх и стал работать, хотя Феня, считавшая меня виновником всех бед, свалившихся на колхоз, пробормотала: «Пришел грехи замаливать».

Стояло погожее июньское утро. Было видно далеко вокруг и слышно все издалека. До самого горизонта, до самых утренних зорь тянулись невысокие холмы, разделенные лощинами и оврагами. На вершинах каждого холма виднелись деревни, окруженные садами и пашнями. Над избами поднимался тонкий дымок: молодухи уже затопили печи. В прозрачной дали было хорошо видно розовую ровную ленту канала и вертикальные грани шлюзовых башен. Во все стороны расстилались поля пшеницы, ячменя, проса.

Быстро обнажались стропила здания.

— Давайте веселее, девки,— сказал Семен, выколачивая стропильный брус.— Мне сегодня вечером еще в Игнатовку топать надо.

— Зачем, Сеня? — спросила Наташа.

— В сельсовет. Кое-какие данные о колхозах взять. Чтобы объяснить чехословацким гостям, если поинтересуются.— Он сунул лом под брус стропила и вынул его из гнезда.— Любка, вывешивай. Вывешивай больше! Пойдем со мной в сельсовет? — неожиданно добавил он тем же тоном.

— Я уж и так вся повисла,— отвечала Люба, словно не слыша вопроса.— Больше во мне веса нет.

— Обожди. Лом подложу. Наташа, а ты что застыла? Ну, теперь опускайте. Опускай, Любка. Пойдем со мной? Поможешь выписывать данные.

— А тюбетейку подаришь?

— Подарю.

— Да что ты! Я ведь в шутку. Не пойду я. У меня простыни три дня не глажены.

— Теперь подавай на себя... Пойдем. И речь приветственную поможешь мне составить. Еще на себя. Наташа, да что ты вовсе руки опустила? А ну, бросили!

Сухой брус со звоном упал на землю.

Наташа наклонилась к Любе и спросила, пытливо глядя в ее лицо:

— Сегодня вечером придешь за гармошкой ходить?

— Не знаю, Натка,— отводя глаза, отвечала Люба.— Гладить надо.

— Много ли тебе гладить?

— Много. Одних простыней больше десятка.

— Может, придти пособить?

— Не знаю. Ничего я не знаю, Натка.

И, словно больную, обняла и поцеловала подругу в лоб.

3

Вечером состоялось совещание в районном отделе сельского хозяйства по поводу утверждения новых планов объединенных колхозов. Оно окончилось поздно, и мы с Василием Степановичем Боровым возвращались домой в кромешной темноте. Как я и предполагал, Василию Степановичу на совещании досталось за то, что он начал действовать, не дожидаясь утверждения плана. Хотя замечания были добродушны и делались скорее не для него, а в назидание другим председателям колхозов и хотя наш план был признан образцовым,— Василий Степанович сильно расстроился, два раза просил слова и вовсю спорил с секретарем райкома Данилой Ивановичем. Теперь, шагая домой, он молчал и на все сердился. Ему не нравилось, что деревня далеко от райцентра, что левый ботинок у него скрипит, что дорога идет в гору и что у меня нет детей.

Наконец показались огни Поддубок. Василий Степанович посмотрел на меня и сказал:

— А ты, смотри, не говори моей старухе, как меня крыли.

Я обещал молчать. Мы спустились в овраг, медленно поднялись на горушку. На самом верху Василий Степанович вздохнул и сказал снова:

— Она, смотри-ка, тоже не велела птицеферму рушить. Ты молчи. И так она слишком много об себе понимает.

Я снова обещал помалкивать. Мы шли длинной улицей деревни, и, хотя было совсем темно, Василий Степанович шагал уверенно и быстро, как по своей горнице. Справа от нас, на задах, словно заведенная, басом лаяла собака. В отделении показались три освещенных окна его избы.

— Если она узнает, как меня честили,— сказал Василий Степанович,— так и вовсе подумает, что у нее министерская голова. Про ветвистую пшеницу или про агронома эмтэесовского скажи, а про планы молчи.

У ворот председателя окликнули, и я отправился в избу один.

В просторной горнице вместо фотографий и картин на стенах висели пучки ржи, пшеницы, овса. С каждого пучка свисала фанерная бирка с указанием года сева, номера поля, урожая и нормы высева. На подоконнике, среди резеды и столетника, стояли консервные банки, наполненные семенами клевера, тимофеевки, кок-сагыза, и лежали огромные желтые огурцы. И на комоде, где хозяйки обыкновенно помещают две высокие зеленого стекла вазочки с бумажными цветами, блестели под стеклянным футляром аналитические весы. Другие, большие весы, сделанные Василием Степановичем из жести и гуперовских проводов, висели в красном углу, а возле них, на подоконнике, покоилась грудка бронзовых монет, которые употреблялись вместо гирек. Василий Степанович был опытником. Катерина Петровна, жена его, сначала ворчала, пыталась наладить в комнате жилой порядок, но потом смирилась и даже полюбила все эти пучки и зернышки и хвасталась гостям желтыми огурцами, которые были величиной с доброго поросенка. Она ежедневно смахивала пыль с колосьев, собирала в бумажку опавшие зерна и аккуратно сообщала мужу, откуда они упали. Впрочем, если она ошибалась, Василий Степанович без особого труда разбирался в этом сам.

Единственным предметом, к которому так и не смогла привыкнуть Катерина Петровна, был большой круглый барометр, укрепленный на доске мореного дуба, с блестящими, как золото, стрелками. Через несколько дней после того, как он появился на стене, Катерина Петровна заметила, что показания его сильно влияют на настроение мужа. Как только стрелка двинется налево, Василий Степанович сердится и не разговаривает. Однажды Катерина Петровна заметила, что прибор с изъяном: если постучать по стеклу, то стрелка на некоторое время отходит направо, на хорошее настроение. И Катерина Петровна, больше всего на свете не любившая, когда муж не в духе, тайком постукивала пальцем по стеклу.

Вот и теперь, когда я вошел, старушка стояла возле барометра с видом провинившейся первоклассницы, а стрелка показывала «ясно», хотя духота обещала ночную грозу.

— А мой где? — спросила Катерина Петровна, отойдя от злополучного инструмента.

— Сейчас придет. Его по пути, кажется, секретарь правления остановил.

Через несколько минут вошел Василий Степанович, и вскоре мы сидели за столом и пили чай.

На новый путь

Иван ВЕТЛУГИН

Село Мыски невелико:
за полчаса пройдешь легко.
Коль туча с неба бросит тень, —
она на все село;
а луч блеснет в дождливый день —
в любой избе светло.
Здесь в миг один начало дня,
в один момент закат.
Здесь все свои, здесь все родня:
иль зять, иль тесть, иль брат.
И даже больше:
здесь, в Мысках,
не первый год — давно! —
во всех сердцах, во всех мечтах
у жителей одно.
Одни желания у них
(они и мне близки!):
чтоб было лучше всех других
селение Мыски;
чтобы поля вокруг Мысков
давали урожай,
какого испокон веков
не знал еще наш край;
чтоб сад весною расцветал
и фрукты зрели в срок;
чтоб молотил, доил, пахал,
светил электроток;
чтоб дело спорилось в руках
у каждого в селе
и чтоб услышал о Мысках
отец родной в Кремле.
Одни у жителей села
мечты в любые дни;
но если посмотреть дела,
то разные они.
Через село прошла стрелой
дорога от реки
и на две части, как межой,
разрезала Мыски.
Направо — радостно взглянуть! —
над входом в новый дом
«Правление колхоза
«Путь»
сверкает серебром.
Налево — тоже дом стоит,
и прямо со стены
простая надпись говорит:
«Правление «Волны».
Пути у всех у нас прямы,
и мы и вы — правы;
но все же справа — это мы,
а слева — это вы.
У нас богатый урожай,
и можем мы сказать:
еще земли нам столько дай —
не будет пустовать!
У вас — и земли хоть куда
И есть в работе пыл.
Но вот одна у вас беда:
в артели мало сил.
Наш стадом славится колхоз,
на фермах лучший скот.
Но очень беден сенокос,
и стадо не растет.
У вас покосы —
на пять стад
хватило бы вполне!
Но только фермы, говорят,
бедней у вас, в «Волне»,
и на лугах стоит трава
иной раз до зимы,
и мы приходим с просьбой к вам,
и косим луг ваш мы.
Хлеба созреют, комбайнер
начнет свой первый круг,
такой лежит пред ним простор,
такая ширь!
Но вдруг
подгнивший столбик в три вершка
увидит у колес...
Мы косим только до пенька,
а дальше —
ваш колхоз.
Такие столбики стоят
давно вдоль всей межи.
И — делать нечего — назад,
корабль степной, спеши!
И так во всем. Болит душа,
и нелегко понять:
зачем теперь должна межа
нас с вами разделять!
И вот недавно первый раз
за много-много лет
мы попросили вас,
вы — нас
дать на вопрос ответ:
зачем межа теперь должна
вас отделять от нас!
И был ответ один:
она
нам не нужна сейчас!
Одни мечты в сердцах простых
(они нам всем близки!):
чтоб было лучше всех других
селение Мыски;
чтоб наша Родина цвела,
как лучший сад весной;
чтоб похвалил нас за дела
в Кремле отец родной...

Через село летит стрелой
дорога от реки,
но ею больше, как межой,
не делятся Мыски.
Стоит высокий новый дом.
С той стороны, где дверь,
«Путь к изобилию»
на нем
увидишь ты теперь.
Одни мечты, и путь наш прям
среди родных полей.
В одной артели
нам и вам
работать веселей.

И шире даль, как погляжу,
с недавних стала пор,
как будто мы, убрав межу,
раздвинули простор!..

Толстый самовар, «Царь-Берендей», как называл его Василий Степанович, стоял на подносе в короне и при медалях. Хотя у Катерины Петровны были и плитка и электрический чайник, чай она пила из самовара, потому что в самоваре и кипяток слаще и горница с ним становится уютней.

И действительно: когда Катерина Петровна открыла окно, и белая занавеска стала заигрывать с огурцом, как с котенком, и самовар запел свою песенку, и внутри него изредка с легким звоном стали проваливаться вниз угольки, когда вдали на улице кто-то начал перебирать лады гармоники, разминая пальцы, и вместе с теплым ветром в комнату залетели обрывки вкрадчивых, тихих девичьих голосов,— мне стало так хорошо и покойно, что я даже немного поежился, как, бывало, в детстве под одеялом.

— Куда же ты столько сахару навалила? — сказал Василий Степанович жене.— Ложкой не провернуть.

Катерина Петровна покосилась на барометр. Стрелка все еще показывала «ясно», но Василий Степанович был не в духе.

— Всегда столько кладу, Вася. Или сахар стал слаще? Что на собрании-то говорили?

Василий Степанович строго взглянул на меня и ответил:

— Ничего особого. Наш план утвердили. А потом эмтээсовского агронома песочили. Покрывает своих механизаторов.

— Так ему и надо,— Катерина Петровна недоверчиво посмотрела на мужа.— И план, говоришь, утвердили?

— Утвердили. Ты-то вот ворчала, выказывала себя умней всех, а район утвердил.

— А про ферму так никто и не поминал?

— Налей-ка еще. На будущий год нам ветвистой пшеницы придется пять гектаров осваивать. Надо бы уж теперь место подбирать. Где-нибудь на южном склоне, подальше от дороги. А то все опять посрывают.

— А Данила Иванович был?

— Был.

— Он тоже про ферму ничего худого не говорил?

Василий Степанович отхлебнул чай и поморщился:

— Теперь и вовсе не сладко. Дай-ка сахарницу, сам положу. Надо вот место подобрать для ветвистой пшеницы... Чего ты все заладила: ферма да ферма. Я тебе говорю: все утвердили, сам заведующий сельхозотделом и гербовую печать поставил и красным карандашом расписался... И Данила Иванович... Похвалил, в общем.

— Ну, тогда что же, тогда хорошо,— примирительно заговорила Катерина Петровна.— Конечно, на новом месте несушкам лучше будет. Сухое место, высокое.

Внезапно в темноте ночи уверенно и громко заиграла гармошка. Радостная, широкая мелодия разлилась по деревне, и все звуки вечерней улицы: и чирканье шагов, и торопливый говор девчат, и сердитый шепот засыпающей листвы, и равномерный шум далекого товарного поезда — все потонуло в этой певучей струе музыки. И только иногда, когда гармонист рассыпал заливистую, затихающую трель, становилось слышно, что возле него смеются девчата и на задах басом лает собака. Гармонист шел серединой улицы и играл, повторяя мелодию и украшая ее все новыми и новыми узорами. И вдруг, как будто не в лад, как будто немного опаздывая, смелый, пронзительный девичий голос начал частушку, и тут уже не стало слышно собачьего лая. Я прислушался, но не смог разобрать слов: только сильный, переливчатый голос, то кокетливо отставая, то нагоняя мотив, разливался по улице, повторяя все затейливые колена гармошки. Частушка оборвалась так же внезапно, как и возникла, но гармонист все играл и играл, ни на что не обращая внимания, терпеливо дожидаясь, когда к нему подстанет следующая певица.

Молодежь приближалась. И по очереди запевали девчата, одна тонким, почти визгливым, счастливым голосом, другая грубоватым, низким, немного задумчивым, и колхозники открывали навстречу песням окна.

— Опять Маруська игнатовская пришла,— сказала Катерина Петровна, прислушавшись.— Каждый день к нам повадилась. Вон как, вон как выводит... И откуда у них охота. Целый день на поле, а потом всю ночь напролет ходят...

— А ты вспомни, какая сама была,— заметил Василий Степанович.

— И правда. Только тогда мы не так певали. Все больше печальное.

Гармонь приблизилась настолько, что я смог уже разобрать слова. Девушка пела:

Милый любит, не целует,
Только обещается.
А любовь без поцелуя
Строго воспрещается.

— Это Клавка из Хвалова,— сказала Катерина Петровна.— Вон откуда приходят, господи боже ты мой.

И не успела она закончить своих слов, не успел гармонист сыграть отыгрыш, раздался другой голос:

Ты, серебряная звездочка,
Фасонить погоди.
Погляди, у Лены нашей
Золотая на груди.

Василий Степанович заслушался, положив на стол усталые руки, и с него слетело все его недовольство, хотя стрелка барометра снова упрямо стала показывать бурю.

— Хорошо поют! — сказал он, оборачиваясь ко мне, с таким видом, будто и на эти песни он положил немало труда. — Нет другой такой деревни, где бы так пели. Налей-ка еще, Катя.

Вдруг под самыми нашими окнами голос низкого грудного тембра, голос такой красоты, что к нему нельзя было не прислушаться, на всю деревню запел:

Птицеферму разобрали,
Загордился Боровой,
А в районе услыхали —
Покачали головой.

Василий Степанович глотнул чай и поперхнулся. Катерина Петровна взглянула на него, поджав губы.

— А это наша Фенька поет,— сказала она.

Василий Степанович сосредоточенно пил чай.

— Так я и знала,— продолжала Катерина Петровна,— еще чего надумали, ферму рушить! А и вы тоже,— обратилась она ко мне,— надоумили его на такое дело.

Я внимательно посмотрел на барометр и незаметно для Василия Степановича подмигнул Катерине Петровне. Старушка поняла меня, смешалась и замолчала. Я закусил губу, с трудом сдерживая улыбку. Василий Степанович недоуменно посмотрел на меня, на жену и, ничего не поняв, проговорил:

— Сочиняют тоже, сочинители...

— Я бы ее немного приструнила,— сказала Катерина Петровна.

— Кого? — спросили мы в один голос.

— Да Наташку, кого же еще? Она частушки складывает.

— Наташа? — протянул Василий Степанович. — Да ты что? Она еще дите совсем. Выдумала тоже!

— Как там хочешь, дите или не дите, а она складывает,— уверенно проговорила Катерина Петровна и пошла на кухню.

(Продолжение следует)

ИЗ ЖИЗНИ ВРАЧА

К. БУКОВСКИЙ

1

Холодным, вьюжным декабрьским утром 1945 года в станицу Багаевскую на Дону входил человек на вид лет сорока пяти, в сильно помятой на полках вагонов шинели и кирзовых солдатских сапогах. Человек прошагал прямо к центру станицы, остановил двух прохожих казаков и спросил у них, где находится районная больница. Ему показали разбитое здание. Он обошел его вокруг, осмотрел следы осколочных шрамов на стенах, заглянул в побитые окна, снова вышел на площадь, опять спросил у станичника:

— А где тут у вас райком партии?

В райкоме еще никого не было. Только уборщица, пожилая ворчливая женщина, растапливала печку, дула изо всех сил на сырые, не желающие загораться дрова. Военный потоптался немного возле печки, потер застывшие на холоде руки и тоже начал дуть.

Через час пришел секретарь. Военный взял с лавки свой вещевой мешок и прошел следом в кабинет.

— Врач Румянцев? — спросил секретарь, не дожидаясь, пока тот представится.

Военный сказал:

— Точно так.

— Назначены к нам районным хирургом?

— Точно так.

— У вас большая врачебная практика?

Тут военный не сразу ответил. Он присел к столу, подумал, должно быть, с чего начать, потом вдруг развязал мешок. Он вынул из него лежавший сверху халат, буханку черного хлеба, завернутую в красноармейскую газету «Защитник родины», и достал с самого низу большой картонный пакет. Из пакета выпала фотография с подколотым к ней листком бумаги. Секретарь поднял ее и увидел изображение трех загорелых улыбающихся юношей с глубокими шрамами на коленных суставах.

— Кто это? — спросил он хирурга.

Румянцев показал ему на листок. Там было сказано: «Диагноз: слепое осколочное ранение. Сепсис. Свищи». Решение консилиума: «Ампутировать». Распоряжение главного врача: «Разрешить хирургу Румянцеву оперировать с сохранением конечностей».

— Вам удалось их вылечить? — спросил секретарь.

Военный порылся в пакете.

— Если вам интересно, — сказал он, — прочтите вот это письмо. Пишет тот, что справа, — высокий, худой.

— «Дорогой ведущий хирург Григорий Евстигнеевич, — прочитал секретарь. — Спасибо вам за вашу трудную работу, за то, что вы спасли мне ногу. Я хожу уже без палки. Ровно месяц, как я приехал домой на Украину, и уже могу носить ведра с водой. От чистого сердца каждый день вам благодарность.

Сержант Григорий РАШЕВСКИЙ».

Секретарь возвратил письмо. Подумав, он потянулся к пакету, где увидел еще несколько фотографий.

— Можно? — спросил он Румянцева.

— Пожалуйста, — сказал тот. — Смотрите все, что есть. Тут, кажется, вся моя врачебная биография.

— А партийная? — спросил секретарь.

— И партийная тоже.

Секретарь начал перебирать содержимое пакета. Увидел диплом об окончании студентом Григорием Румянцевым в 1930 году 1-го Московского университета в звании врача. Прочитал вложенную в диплом справку о том, что студент Румянцев прошел акушерскую практику при московском родильном доме. Потом пробежал глазами еще одну справку, выданную уже хирургу Г. Е. Румянцеву, ординатору сельской больницы в селе Караш, Ивановской области; в этой справке Румянцева называли «врачом-ударником». Следующий документ сообщал, что ведущий хирург военного госпиталя майор медицинской службы Г. Е. Румянцев служил честно, самоотверженно и бескорыстно и за время службы разрешал четыре научных проблемы: «Экономная резекция коленного сустава», «Оперативное лечение огнестрельных остеомиэлитов», «Лечение ложных суставов», «Лечение незаживающих ран». Отзыв был помечен октябрем 1945 года.

— А в селе вам долго пришлось работать? — спросил секретарь.

— К сожалению, не очень, — ответил Румянцев. — Всего первых четыре года.

— А потом?

— Потом стал военным врачом.

Секретарь опять занялся пакетом. Он посмотрел на свет лежавшие там рентгеновские снимки, все больше с изображением перебитых коленных суставов. Пробежал подколотые к ним заключения, чаще со словом «ампутация». Потом взял рукопись «Для кандидатской диссертации» и поднял глаза на Румянцева. Тот покачал головой.

— Нет, не закончил, — сознался он с грустью. — Много было работы. Да и встретилась новая, более важная вещь.

— Это что же? — спросил секретарь.

Румянцев достал из пакета тетрадь.

— Вот! — сказал он с каким-то особым подъемом. — Вот что мне встретилось в жизни!

— «Запись лекции академика В. П. Филатова о тканевой терапии», — прочитал секретарь и спросил еще раз: — Ну, так что в этой тетради?

— Метод, которым можно исцелять безнадежно больных.

— Расскажите.

Румянцев встал, походил по холодному кабинету и стал рассказывать.

— Три месяца назад, — начал он, — к нам в Сочи приезжал академик Филатов. Гипотеза его вам, может быть, не известна. Я приведу ее полностью, как записал: «Ткани, взятые от живого организма, будь то человек, животное или растение, и помещенные в неблагоприятные условия, то есть лишенные общего кровообращения, нервных связей, свободного тканевого дыхания, продолжают жить и бороться за свое существование, накапливая в себе особые вещества, которые поддерживают жизненные процессы в этих тканях и способствуют выздоровлению больного организма, будучи внесены туда с тканью... В науке эти вещества называются биогенными стимуляторами, или, проще сказать, жизнетворными веществами».

Прочитав это место, Румянцев посмотрел на секретаря. Тот не перебивал. Хирург свернул тетрадь в трубку:

— Ну, вот! Зная об этой гипотезе, мы, хирурги военных госпиталей, и попросили Владимира Петровича посвятить нас не только в суть теории, но и в самую связанную с ней медицинскую практику. Академик согласился... Не знаю, как других врачей, слушавших его, но меня этот метод захватил совершенно.

— Вы пробовали им пользоваться? — спросил осторожно секретарь райкома.

Румянцев сказал:

— Еще бы! С помощью ткани удавалось сращивать самые застарелые переломы. Ведь хотелось поставить на ноги всех раненых, остававшихся в госпитале.

Секретарь помолчал.

— Вы знаете, — сказал он немного погодя, — что наша больница разбита?

— Да, я видел ее.

— С чего же вы хотите начать?

— С помещения на пять—шесть коек. И с ремонта больничного здания.

— Сейчас зима.

— Тем лучше: больше свободных рук в колхозах.

Врач Г. Е. Румянцев делает операцию подсадки ткани больному.

Г. Е. Румянцев беседует с хирургами, приехавшими в Ростов из разных областей.

Фото А. Соколенко

— Вы одинокий? — спросил еще погодя секретарь.

— Нет. У меня жена и дочка.

— Где они?

— Оставил в городе.

— Да, — сказал секретарь. — Это хорошо. У нас пока трудно с квартирами.

— Ничего, я устроюсь, — сказал Румянцев. — Вы хотели посмотреть мое назначение?

— Не надо, — сказал секретарь. — Теперь не надо.

Они попрощались. Румянцев перекинул мешок за плечо.

— Виноват, — сказал секретарь, когда врач уже взялся за ручку двери. — Как звали вашего батюшку?

— Евстигнеем, — ответил Румянцев.

— Вы откуда же родом?

— Рязанский.

— Ну, хорошо, — сказал секретарь. — Заходите почаще. Будем думать вместе над вашей тетрадкой.

2

В тот год вышло постановление партии и правительства о послевоенном развитии общественного животноводства. И самым неожиданным для Григория Евстигнеевича образом оно сказалось на его врачебной практике. В сущности, последствием его был тот толчок, без которого не могла бы у него позже родиться сама научная идея.

В станицах прекратился весенний убой скота. Ткани, которыми пользовался хирург для своих операций-«подсадок», поневоле свелись к одной группе, взятой от половых желез. Григорию Евстигнеевичу стало трудней добывать лечебный материал. От применения филатовской трупной кожи он решил отказаться, найдя, что ткань животных, особенно молодых, здоровых, взятая в момент убоя или кастрации, как говорят, «еще теплая», действует лучше всего.

Все так! Но где взять теперь эту «теплую» ткань?

Григорий Евстигнеевич решил сузить предмет наблюдений. Ничего другого поделать было нельзя.

«Подсадка ткани половой железы больному язвой желудка, — помечал он у себя в дневнике. — Вторая, после февральской, не давшей эффекта. Хочу посмотреть, что будет теперь!»

Таких записей становилось все больше. На каждую болезнь особая запись: что стало с больным после первой, второй, третьей подсадки... И вот пришел день, когда в сознании врача вдруг промелькнула догадка.

Через месяц он записал в дневнике, мысленно обращаясь к Филатову:

«Дорогой Владимир Петрович, сознайтесь: этого мы с вами не знали. Мы не знали, что для разных болезней нужны разные ткани. «А теперь разве знаем?» — спросите вы. Верно! Но вот вам вопрос: одна и та же гетерогенная ткань на одни органы действует вяло, на другие — более властно, на третьи вовсе не действует — почему?»

Румянцев взывал к учителю, все еще не решаясь сделать свой собственный вывод. Весной было проведено более ста операций. Больные ожидали, что будет с ними к концу хирургических опытов. А опыты все более явно вели к тому, что надо искать ответ на новый вопрос.

Пришла осень. Начался убой скота. И опять при одной группе тканей результат всю зиму получался разный: один у астматиков, другой при язве желудка, третий для больных волчанкой...

«Владимир Петрович, дорогой! — записывал опять Румянцев. — Факты нас убеждают, что нужную ткань надо брать по роду болезни. Смотрите: от одной ткани — язвы не стало, при другой — она продолжает оставаться. Где весной был минус, осенью стал плюс. Где был плюс — оказался минус... Вы ведь сами говорили: «Ищите, друзья! Вы молоды, вам шагать дальше».

Румянцев похудел за лето. Больница была открыта еще с весны, но в пору уборки и молотьбы не каждый больной мог явиться в больницу. Приходилось ездить в колхозные станы.

...В юности у Григория Евстигнеевича сложился свой идеал врача, вынесенный еще из старого, деревенского быта. И Румянцев не хотел расставаться с ним, невзирая на то, что многим он мог бы показаться не слишком возвышенным. «Идеал» этот носил большую окладистую бороду, и звали его Ильей Денисовичем. На всю Мокринскую волость это был единственный более или менее знающий свое дело земский врач. Но сколько людей было обязано ему здоровьем и жизнью!

Однажды на деревню Церлово, где жил мальчуганом Румянцев, навалился брюшняк. Болезнь косила ребятишек, перебрасываясь из избы в избу.

За ужином гришаткина мать предлагала Илье Денисовичу выпить рюмочку. Тот отказывался. Но иногда он говорил: «Верно, мать, надо душу погреть». «Нешто ему холодно, мамань? — спрашивал после Гришатка. — В такую-то жару?». «А как же, сынок, — отвечала мать. — Холодно, поди. Ведь сколько нужды у него на глазах проходит, сколько горя народного! А он одинокий, сынок. У тебя вот мать, а у него никого». Три недели Илья Денисович прожил в Церлове. Почернел весь, высох, глаза у него ввалились. А к концу третьей недели приехал за ним мужик из Степановки: брюшняк и туда перекинулся.

Едва ли не этому случаю был обязан Григорий Евстигнеевич своей профессией врача и своим стремлением к деревенской практике. В тот радостно-памятный день, когда молодой, полный надежд студент-выпускник лежал на полке вагона, направляясь в село Караш, Ивановской области, в кармане у него, кроме диплома и десяти рублей, добытых на жизнь, лежало еще и отвергнутое им предложение остаться при кафедре.

3

— Да, я утверждаю, что ткани обладают избирательным действием.

— Вы совершенно в этом уверены?

— Теперь совершенно.

— А что ростовские профессора?

— Вы же знаете, что: одни согласны со мной, другие попрежнему думают, что наука обязана рождаться только в пробирках.

— А если она родилась на операционном столе сельской больницы?

— Стало быть, «незаконнорожденная».

— Что же вам все-таки сказали на Ученом совете?

— Говорили разное. Больше обвиняли в «фельдшеризме». Работал без рентгена, без лаборатории.

— Запретили метод?

— И да и нет. Пока не созданы условия, наверно, запретят.

— Вы им говорили о результатах?

— Живых людей в свидетели приводил.

— И что же?

— Думаю, что приедет сюда кто-нибудь от совета.

— Доцент Митлин опять?

— Другой, я думаю. Но дело не в этом. Микроскоп действительно нужен.

— Кто за вас выступал?

— Профессор Торсуев, биолог Тимофеева...

— А Эмдин?

— Эмдин сказал: «Как могло у Румянцева получиться, если у нас не получалось?»

— Опять пробирка?

— Да.

— Ну, хорошо, что же вы думаете делать?

— Продолжать практику и опыты. Мы хотим сочетать тканевую терапию с гормонотерапией. Нам уже ясно, какие ткани нужны, скажем, для усиления деятельности сосудистой системы или для увеличения жизнеспособности кроветворных органов. Мы нашли наиболее энергичные ткани. Ищем способ усиливать их в консервации. Нам многое ясно теперь... Но микроскоп все-таки нужен.

Секретарь райкома улыбнулся:

— Сколько вам нужно микроскопов, товарищ Румянцев?

— Один всего.

— Вы скромны. Мне кажется, для этого понадобится больше.

Он встал. Подошел к хирургу. Взял его за руки:

— Вы спали сегодня? Идите-ка спать. Микроскопы теперь не ваша забота...

4

К большому каменному зданию, на углу Красноармейской и Буденновского проспекта в Ростове, с раннего утра подходили больные. Те, что шли проспектом, не сразу попадали в нужный подъезд, сначала кружили возле него, читали на доске: «Глазная клиника имени профессора Константина Хрисанфовича Орлова» — и только потом, увидев, куда завернул человек на костыле, находили вход.

Из подъезда лестница вела на площадку второго этажа, а там девушка в чепце и белом халате направляла людей на скрипучую, ветхую деревянную веранду. На веранде стояли скамейки, и маленькие ребятишки, прихрамывая, катали по полу жестяные игрушечные автомобили.

Прием у врача Румянцева начинался с десяти. В ожидании его на веранде шел разговор:

— Сам будет сегодня?

— Да, говорят, вернулся недавно из Москвы. Был у министра. Приехал веселый.

— Ну, значит, вышла правда его на свет.

— Вышла в газете «Правда».

— Теперь, что же, дадут ему клинику?

— Уж маляров, говорят, искал, белить помещение.

— Сам искал?

— Ну да, характер такой беспокойный.

— То-то его не поймаешь никак.

— А чего вам ловить? У вас в Таганроге давно уж свои врачи подсадку делают.

— Оно так, да на самого-то больше надежды.

— Ну, и давайте со всей страны на эту веранду съезжаться!

— Верно, нельзя. Невозможно. Да и не к чему — операцию может сделать каждый умелый хирург. Кармашек на коже вспорол, ткань в него заложил, двумя швами зашил — и иди, гуляй два месяца.

— Без ума и кармашек не вспорешь.

— Да не ум — умных много. Надо, чтоб поверили в это. Чтоб наука признала, вся медицина.

— А тут кто же лежит у него?

— Не доведись, брат, тебе. Мужчины — с гангреной, женщины — с волчанкой. Давеча одна выходила — смотреть невыносимо, а уже очищается, видно. У другой совсем лицо чистое стало.

— Красоту, значит, наводит.

— Ты подумай, что говоришь! Этой девушке в струпьях двадцать два года всего. Румянцев, я слышал, ей говорит: «Ну, что, Маша, теперь замуж скоро пойдешь?» А она: «Мне учиться, доктор, надо, я еще не училась».

— А шахтера видали, молодого, из Краснодона? Одну ногу уже потерял от гангрены, и другая занялась с конца. Он в поезде услыхал про Румянцева, соскочил где-то возле Черткова — и сюда, в Ростов. Говорят, спасет ему Румянцев вторую ногу.

— Гангрена — страшная вещь...

— Кусочек ткани всего, а что делает!

— Да, нашел академик Филатов могучее средство.

— А Румянцев, что же, ученик?

— Румянцев средство нашел, как и что применять.

— Из себя-то простой. Руки в мозолях.

— Ты погоди. Он так тебе нежно кожу вспорет этими мозолистыми руками — и не услышишь!

— Тише! Доктор Румянцев к себе прошел.

Больные на веранде притихли. Только ребятишки с грохотом катали по полу свои игрушечные автомобили.

...Вечером в тот же день Григорий Евстигнеевич демонстрировал приехавшим в Ростов ведущим хирургам краев и областей подсадку ткани больному спонтанной гангреной. Это была еще одна успешная операция, проведенная им после того вьюжного декабрьского утра, когда он входил в станицу Багаевскую в шинели, помятой на полках вагонов, и в кирзовых солдатских сапогах.

Ростов-на-Дону.

Белеют окруженные садиками аккуратные мазанки, желтеют неоглядные поля. У развилины дорог стоит регулировщик, указывая направление. Водитель машины Андрей Егоров сворачивает вправо. Машина идет по траве, ловко лавируя меж кустов и пней.

— Эй, что за люди? — спрашивает, выходя из высоких хлебов, плечистый человек в гимнастерке, держа руку козырьком над глазами. На груди его внушительная орденская колодка.

Ответа он не успевает расслышать: подходит вторая полуторка, за ней третья, четвертая. Зеленые мотоциклы выбегают из-за кустов и делают круг по поляне.

— Экая несметная сила!— удивляется человек. — Кто такой? — обращается он к остановившемуся с ним рядом мотоциклисту.

— Не такой, а такая! — поправляет его мотоциклист, снимая шлем. Светлые косы падают на плечи. — Наташа Краснова! — весело отрекомендовывается она. — Капитан мотоциклетной команды.

— Ну, будем знакомы! — встряхивает человек в гимнастерке ее смуглую руку. — Эге, вот вы кто! — протягивает он, прочитав на прибитых к бортам автомашин полотнищах:

Авто-мотопробег московских школьников.

И тут же шутливо рапортует:

— Полушкин, Тихон Леонтьевич, председатель Градижского райисполкома, Полтавской области. Уборка ранних зерновых идет успешно. Дожди немного задержали, но через пять дней все закончим. Что, сами машины ведете? — деловито осведомляется он.

— А как же! — с гордостью отвечает Наташа.

...В Москве, на Садово-Самотечной, в небольшом двухэтажном доме разместился Клуб юных автомобилистов Московского городского отдела народного образования. В нем ученики старших классов московских школ изучают устройство автомобиля, мотоцикла и легких моторных судов.

В 1945 году клуб организовал первый спортивно-туристский пробег на расстояние около 200 километров. С той поры такие летние пробеги стали традицией. Маршруты удлиняются с каждым годом. В 1949 году к концу пробега спидометры машин показывали уже внушительную цифру — 2480 километров. Участники пробега побывали в Ленинграде, Пскове, Брянске. Авто-мотопробег нынешнего года был еще интересней: его путь пролег через три республики. Ребята проехали уже Тулу, Ясную Поляну, Орел, Харьков, Днепропетровск. Впереди столица Украины Киев. Затем Гомель, Могилев, Смоленск. Около 3 тысяч километров пройдут машины!

ПРОБЕГ ЮНЫХ

Харьковские пионеры встречают участников пробега. На переднем плане — юные мотоциклисты Наташа Краснова (слева) и Лида Рябикина.

В пробеге участвуют 63 школьника. Все они активисты клуба, имеющие хорошую и отличную успеваемость в школе.

Впервые в пробеге столько девушек: целая команда автомобилисток и 6 мотоциклисток. Юных водителей сопровождают опытные инструктора, преподаватели клуба. Сто пятьдесят—двести километров проезжает колонна в день. Время от времени мотоциклисты сворачивают с магистрали, чтобы испытать и себя и машины в тяжелых условиях бездорожья.

...На поляне вырос целый городок из палаток. Валя Плотникова расстилает на траве одеяла, простыни, комбинезоны для просушки. Неподалеку от нее Юра Козырев проверяет, как натянута мотоциклетная цепь. Капитаны команд подводят итоги, сколько сэкономлено горючего; чуть подальше автомобилисты осматривают полуторки.

На деревянном голубом щите поставлены миски, аккуратно нарезаны ломтики хлеба. Удобно рассевшись, кто на пеньках, кто просто на траве, команда уписывает за обе щеки вкусный ужин.

— Внимание! — раздается усиленный микрофоном голос командора пробега Ю. В. Плотникова.— Начинаем очередной матч на первенство лагеря по волейболу. Судит матч судья «пробеговой» категории Миша Смецкий. Приз — большая коробка шоколадных конфет!

Как и на всех привалах, участников пробега окружают местные колхозные ребята.

Костя Лапкин, главный редактор «Путевого листка», кнопками прикрепляет к тополю свежий номер газеты. Прямо на зрителя в лихом прыжке через мост летит на мотоцикле девушка в сбившемся набок шлеме.

«Осторожней езди, Лида:
Превратишься в инвалида!»— предупреждает Лиду Рябикину подпись под карикатурой.

«Все собирайтесь к костру!» — зовет горн.

Сколько их уже прошло, этих костров, а всегда на них весело и занимательно!

Сегодня с докладом о сталинском плане преобразования природы выступает Толя Красоткин. Часто проезжают ребята вдоль лесополос и полезащитных насаждений, и поэтому им особенно интересно то, о чем рассказывает Толя. Володя Шмелев читает стихи Маяковского.

Под порывами ветра то влево, то вправо бросается пламя, пытаясь лизнуть оранжевым языком кого-нибудь из ребят.

Заиграл баян, дружно поют ребята, к их хору присоединяются высокие голоса колхозных девчат.

В 22 часа 45 минут снова раздаются звуки горна.

— Не успели погулять как следует, а уже отбой! — удивляется Славик Маклецов.

Спит лагерь, и только у мачты с флагом Московского клуба юных автомобилистов шагают, сменяясь каждые два часа, дежурные.

* * *

Кажется, только вчера, в июльский ветреный день, на залитой солнцем набережной Центрального парка культуры и отдыха имени М. Горького был дан старт. И вот пробег уже приходит к концу. Колонна на последней стоянке, в Бородине.

Осмотрены Багратионовы флеши, батарея Раевского, Шевардинский редут... Не только следы боев 1812 года с армией «двунадесяти языков» видны на этом знаменитом поле. Еще не совсем заросли травой дзоты, доты, рвы. На раскидистом серебристом тополе, который был посажен в 1839 году, остались следы железных скоб. По этим скобам поднимались советские бойцы на верхушку дерева, где была спрятана стереотруба. Здесь находился наблюдательный пункт.

Фашисты, как и всюду, разрушили в Бородине много памятников, школу, Дом туриста, устроили в музее скотобойню и колбасную.

— И эти мерзавцы, — говорит Наташа Краснова, — мечтали уничтожить нашу Родину, нашу Москву!

А она уже совсем близко — родная, любимая! Промелькнули знакомые названия: Голицыно, Кунцево. Колонна въезжает в Сокольнический парк.

Гремит музыка. Приветственные речи. Празднично одетые пионеры подносят путешественникам цветы. Родители обнимают своих загорелых, окрепших детей.

Прошел месяц. То был месяц не только отдыха, но и ежедневных испытаний на выносливость, организованность, дисциплину. Московские школьники, участники пробега, эти испытания выдержали блестяще.

Людмила КРЕМНЕВА

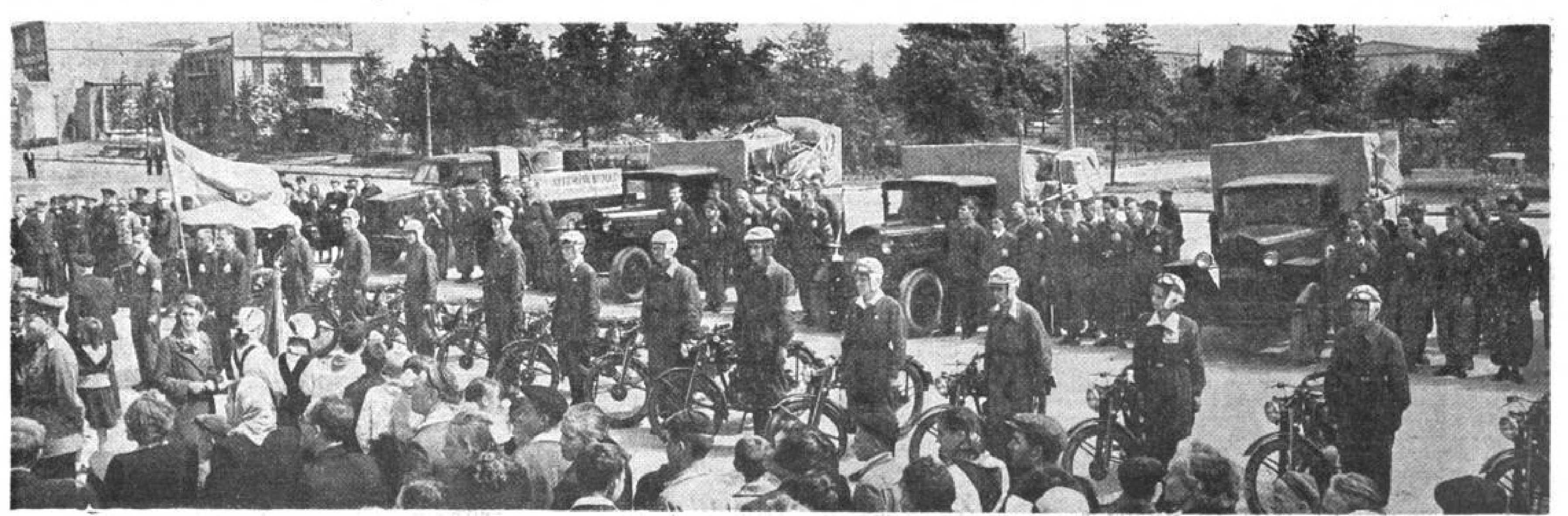

На набережной Центрального парка культуры и отдыха имени М Горького был дан старт авто-мотопробегу московских школьников.

Фото Б. Пушкина (ТАСС)

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Хозяева своей судьбы

1940 год. Только что освобождена Бессарабия. Две советских девушки, Клавдия Алексеевна и Вера Михайловна, едут работать учительницами в Левкауцкий сельскохозяйственный техникум.

Войска Антонеску ушли. Страна стала свободной, но следы пережитого еще не исчезли. Они — в битых стеклах и птичьих перьях, усеявших техникум после постоя отступавших румын. Влияние прошлого ощущается очень остро. Оно — в унизительной угодливости учащихся перед учителями, перед вором-бухгалтером Цивенко. Оно — в чересполосице на окрестных полях и в подогреваемом кулацкой агитацией недоверии к будущим колхозам. И оно же — в маленьком дорожном разговоре молодых учительниц с пожилым кучером:

«— Как вас зовут, послушайте?..

— Зовут-то? — заинтересованно поворачивается кучер. — Мишкой зовут. А что?

— Михаилом. А по батюшке как?

— По батюшке?— Брови кучера от удивления высоко поднимаются. — Вот как удумали —по батюшке!.. Мишка— и все».

Десятки лет румынские захватчики пытались сломить волю молдавского народа к свободе, скрыть от крестьян правду о счастливой жизни их братьев по ту сторону Днестра. Врагам удалось силой загнать часть крестьянства в реакционные партии, а кое-кого из молодежи — в монархические организации. Румынские власти могли травить собаками эконома техникума — коммуниста Чебана. Но они не могли погасить правды! Она жила в крестьянских сердцах памятью о «сродниках» за Днестром и о «простом и уважительном» Чебане. Она таилась у малограмотного истопника Шевчука любовно хранимым свертком советских брошюр, оставшихся от арестованного коммуниста.

Мечта 70-летнего Шевчука дожить до советской власти сбылась. И вслед за частями Советской Армии-освободительницы пришла новая жизнь, такая же счастливая, как и у «сродников» за Днестром. Она входила в быт. Семья вдовы Андреуца получила лошадь. Герман Думитру — два гектара земли дополнительно к одному прежнему. Директор техникума Седов доказывал крестьянам, что по-настоящему использовать полученную землю можно, только работая сообща.

Жизнь глухо бурлила и в аудиториях техникума. «Наш техникум, — думает Вера Михайловна, от лица которой ведется повествование, — это малая Бессарабия, хоть клади под микроскоп и разглядывай. Бессарабия, взметенная вихрем событий, взволнованная приходом советской власти, расслоившаяся на наших друзей и врагов».

Название первой главы — «Пересечение дорог» — определяет не столько географическое положение техникума, сколько звучание всего романа. Дорогу беспросветной нищеты и рабства решительно пересекла дорога новой, пока еще неведомой жизни, в которой, однако, ясно видится счастливое будущее. Первое, жадное упоение свободой и одновременно боязливая, но уже все более редкая оглядка на старое — в отображении этого сложного процесса — пафос книги Л. Кабо.

Своеобразие обстановки, сложившейся в Бессарабии в 1940 году, сразу же после прихода Советской Армии-освободительницы, ясно ощущаешь, знакомясь с жизнью Левкауцкого техникума и окрестных сел. Л. Кабо воссоздает ее, умело выбирая яркие факты, говорящие об ожесточенной борьбе нового со старым. Борьба эта происходит на занятиях, в общежитиях, где монархический гимн заглушает новая песня— «Широка страна моя родная». Борьба идет «за кружевными занавесками» квартир старых учителей и у каменных оград, где вечерами собираются крестьяне.

Враги прилагают все усилия, чтобы сохранить свои позиции, продлить власть прошлого. Злобно сопротивляется всяким нововведениям преподаватель молдавского языка Чеботарь, организующий вокруг себя кулацких сынков, вроде Скутаря и Цуркана. Кулак Бахчеван, чувствуя, как пошатнулось его положение в селе, готов ценой чести своей дочери Марицы купить расположение одного из новых работников техникума, самолюбивого и недалекого Заболотного.

Врагам новой жизни и их пособникам противостоят «люди из-за Днестра», облик которых Л. Кабо рисует с большой любовью. Секретарь райкома партии Колесниченко, директор Седов и молодые учительницы — они действуют как достойные представители своей великой Родины, они творят «большую политику».

На первом собрании в техникуме «два мира продолжают выжидательно глядеть друг на друга. Один—замкнутый, неподвижный, скованный невидимым влиянием старого, другой — щедро открытый навстречу, обещающий неведомое, новое». И вот выступает Колесниченко. Рассказав историю своей юности, в которой слушатели нашли много схожего со своей жизнью, он «замолчал, оглядел потянувшиеся к нему лица, продолжал негромко в туго натянутой, звенящей тишине:

— Что вы так сидите? Вы думаете, приехали новые хозяева над вами? Неверно! Вы сами над собой хозяева. Люди из-за Днестра приезжают помочь вам, научить. Пройдет несколько лет — и все руководящие посты в Молдавии будут заняты вами, нынешней молодежью. Кто будет в Молдавии учителями, врачами, зоотехниками, директорами, председателями советов, секретарями райкомов? Вы! Вы понимаете, ребята? Советская власть — это не новый хозяин над вами, это вы — сами хозяева!»

Доходчивая речь секретаря райкома, правда, звучащая в его словах и подтверждаемая самой жизнью, покоряют молодые сердца. Высокая человечность советских учителей, прямота и принципиальность, неразрывное единство их личных и общественных интересов постепенно превращаются для молодежи из предмета восхищения в образец поведения. Так рождается желание быть похожим на Седова, Клавдию Алексеевну и Веру Михайловну. У каждого из ребят, по словам Л. Кабо, душа «набирала высоту».

«Доказать всеми своими поступками, каждым своим словом — он их человек, он тоже советский!» — вот что волнует юного Илью Сашко, который прежде не мог найти применения таившимся в нем силам, а теперь чувствует себя «окрыленным, будто стремительно летящим куда-то».

На его примере автору удалось особенно убедительно показать, как живая связь с деревней, повседневное участие в развернувшейся борьбе с врагами советской власти приобщает молодежь к новой жизни.

Студенты техникума начинают жить по-новому: «большой и дружной семьей». «Граждане Советского Союза! Мы — граждане Советского Союза!..» — вдохновенно говорит Илья Сашко.

В новый, светлый мир вступают крестьяне, дети крестьян, лучшая часть старой интеллигенции. И каждый из них может, как крестьянин Ефтимий Лаю, сказать о себе, что он «точно весеннего воздуха надышался нынче» и что никогда больше не согласится дышать удушливым воздухом прошлого.

Книга учительницы Л. Кабо повествует о времени, отделенном от нас событиями Великой Отечественной войны и последующих лет. Но как современно звучат эти слова старого молдавского крестьянина! Правоту их могут подтвердить все те, кому Советский Союз помог освободиться от ярма международного капитала и стать на путь новой, свободной жизни.

А. ТУРКОВ

Любовь Кабо. ЗА ДНЕСТРОМ. Роман. Книга первая, «Новый мир», №№ 5, 6. 1950.

«Большая среднезападная»

Присяжные агитаторы Уолл-стрита разносят по радио мутный поток лжи: восхваляют «американский образ жизни» и клевещут на Советский Союз, на страны народной демократии. Этот назойливый, визгливый хор официально именуется «Голосом Америки».

Но правда сильнее лжи. Сквозь все преграды властно пробивается и доходит до нас голос другой, подлинной Америки. Он звучит в смелых, обличительных речах деятелей коммунистической партии США, в книгах Теодора Драйзера и Говарда Фаста, в песнях и выступлениях Поля Робсона.

Среди прогрессивных деятелей Америки в последние годы по праву занял видное место молодой талантливый писатель Александр Сакстон.

Судьба его типична для многих представителей современного поколения демократической интеллигенции США. Окончив в 1940 году Чикагский университет, он оказался перед лицом безработицы и голода и был вынужден «переменить специальность»: масленка железнодорожного смазчика и лопата пароходного кочегара надолго стали его рабочими инструментами.

Суровая трудовая школа, которую прошел молодой писатель, воспитала в нем непримиримое отношение к социальной несправедливости капиталистического строя и вооружила его глубоким знанием жизни американского рабочего класса. Именно эти качества, сочетающиеся с ясным пониманием общественного долга писателя, определяют идейную направленность и боевой дух творчества Александра Сакстона.

Недавно вышел в русском переводе его роман из жизни американских железнодорожников — «Большая среднезападная». События, описанные в этой книге, охватывают период с 1912 года до начала второй мировой войны и остро преломляются в судьбе трех рабочих семейств, которым отведено в повествовании центральное место. С большой силой жизненной правды показывает автор повседневную борьбу американских железнодорожников за элементарные человеческие права, раскрывает характеры своих героев в столкновении классовых интересов.

Вполне справедливо отметил в предисловии к этой книге П. Павленко: «Быть может, наибольшее достоинство романа в том, что героем его является рядовой коммунист — фигура в американской литературе совершенно новая, впервые встающая перед нами во всей сложности своего развития именно со страниц Сакстона». Образ этого героя — молодого рабочего Дэвида Спааса — заслуженно привлекает к себе пристальное и сочувственное внимание читателя. Перед нами человек с сильным, волевым характером; его отличают скромность, искренность и простота. Как рядовой рабочий, он разделяет со своими товарищами — стрелочниками, мойщиками вагонов, тормозными — тот же безрадостный, тяжелый труд, ту же неизбывную заботу о куске хлеба, о завтрашнем дне... Только политический кругозор у него шире, чем у многих других, и, как подобает коммунисту, он всегда готов отдать свои силы и самую жизнь пролетарскому делу.

Он жертвует личным счастьем, чтобы стать в ряды бойцов, сражающихся с фашизмом в далекой Испании. И здесь, на этой проклятой железной дороге, которая высасывает из них все соки, рабочие неизменно видят Дэвида Спааса — своего Дэйга — в гуще классовой борьбы.

Личный пример Дэйва и ход событий, разыгрывающихся на Большой среднезападной, приводят в ряды партии рабочего-негра Пледжера Мак-Адамса. В его судьбе писатель воплотил трагедию многих тысяч «цветных» людей Америки.

Пледжер возвращается на родину с фронта первой мировой войны. Шелестят на ветру звездные флаги, гремят оркестры, мэр города Нью-Йорка снимает шляпу перед темнокожими американскими солдатами, проливавшими свою кровь на полях Франции. Но вот отгремели трубы, и жестокая будничная действительность вступает в свои права. На улицах Чикаго избивают негров. Пледжер и другие «цветные» рабочие подвергаются на железной дороге грубой расовой дискриминации.

Идут годы. Вместе с Дэйвом Пледжер борется за общее рабочее дело. Какую цель он ставит перед собой? О чем он мечтает? О чем могут мечтать мойщики вагонов — негры — на Большой среднезападной? Видится ему, что маленький негритянский филиал профсоюзной ячейки добился победы, что вместе со своими товарищами члены филиала «спускаются в ту самую ремонтную канаву, из которой последнего рабочего-негра выбросили больше двадцати лет назад». Это будет, на первый взгляд, ничтожное достижение. Но оно сможет открыть путь для рабочих целой железной дороги, целого города.

Пледжер погибает от руки убийцы, шпиона железнодорожной компании. И его последние мысли — с Советским Союзом, с воинами Советской Армии, которые тогда, в первые дни Великой Отечественной войны, изматывали врага оборонительными боями.

Образ Пледжера Мак-Адамса, освещенный внутренним светом большой душевной силы и чистоты, принадлежит к числу наиболее ярких образов этой книги.

Значительное место в романе по праву занимает жена Дэйва — Стефани. Тернистыми и окольными путями идет она, отыскивая свое настоящее место в жизни. Дочь старого железнодорожного рабочего, Стефани стремится вырваться из мира тяжкого труда и нужды. Ее влечет к другому миру — к светлым, солнечным вершинам науки. И вот ценой огромных усилий далекая цель достигнута. Закончено высшее образование, получена солидная ученая степень. Но где же «солнечные вершины»? Кругом обыватели и дельцы, философское пустословие и совсем не философская борьба за наживу. Трудно и тошно в этом буржуазном болоте человеку из рабочей среды!

Стефани находит в себе силы, чтобы преодолеть свой тяжелый душевный разлад и выйти на верную дорогу. Выбор сделан окончательно: вместе с Дэйвом, в рядах партии, строить подлинно новый, светлый мир.

Немало превосходных, беспощадно правдивых страниц посвящено в книге разоблачению подлой, предательской роли лидеров реформистских профсоюзов. Надолго запомнится читателю колоритная фигура профсоюзного «деятеля» Дженнисона, характер которого оформился в удивительный сплав из продажности, трусости и бесстыдства.

Роман Сакстона не свободен от некоторых недостатков. Пожалуй, главный из них состоит в том, что борьба Дэйва и его товарищей как бы очерчена замкнутым кругом, не чувствуется, что она непосредственно связана с общей деятельностью коммунистической партии США. Напрашивается одно замечание и по поводу литературной композиции книги: в ней далеко не всегда выдержана четкая последовательность изложения.

В целом же роман Александра Сакстона — произведение, бесспорно, значительное и талантливое. Советский читатель прочтет его с большим интересом и воздаст должное гражданскому мужеству автора, который в условиях сегодняшней Америки открыто и прямо сказал о ней слово суровой правды.

М. ЛЬВОВ

Александр Сакстон. БОЛЬШАЯ СРЕДНЕЗАПАДНАЯ. Издательство иностранной литературы. Москва. 1949.

Вид на город Тбилиси.

Здание Грузинского филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б).

Древняя столица Грузии — Мцхета.

Фото Н. Петрова

Верхняя станция фуникулера и ресторан в Тбилиси.

ЗАНЬКОВЧАНЕ

На спектаклях Львовского драматического театра имени М. Заньковецкой

«Назар Стодоля» в Львовском драматическом театре имени М. Заньковецкой. Сцена из первого действия. Слева на переднем плане: Хома Кичатый — заслуженный артист УССР И. Овдиенко, его дочь Галя — заслуженная артистка УССР Н. Доценко, Назар Стодоля — В. Данченко.
Фото Д. Трахтенберга

Низкие потолки, побеленные стены, вышитые полотенца на подслеповатых окнах, кривые казацкие сабли скрещены на узорчатых настенных коврах... Пестрые национальные одежды развеваются, когда девушки и парубки на вечерницах пускаются в пляс; тихо звучит задумчивая песня...

В Театре имени М. Заньковецкой идет «Назар Стодоля» — пьеса Шевченко, единственное драматургическое произведение великого украинского поэта, написанное им в дни юности.

Весь этот спектакль звучит как поэма о душевных силах народа. Это повесть о жизни запорожцев XVII века, о светлой любви рядового Назара Стодоли и Гали, дочери богатого сотника.

Заньковчанам особенно близки украинская песенная культура, украинское искусство. Многие из актеров этого драматического театра отлично поют и танцуют, и песня и пляска органически входят в их творчество. В шевченковском спектакле артисты тонко передают поэзию народного быта, народных обрядов и поверий и превосходно доносят до нас плавный ритм разговорной речи, напевность ее интонаций.

И в другом спектакле классического национального репертуара — драме М. Кропивницкого «Доки сонце зійде, роса очі виїсть» — отчетливо выступает фольклорно-песенное начало. Веселые и скорбные сцены чередуются в нем, и всюду народная песня — шутливая плясовая или протяжная и печальная — властно вторгается в действие, оттеняет судьбы героев.

Но не только прошлое звучит с подмостков этого театра. В жизнерадостном искусстве заньковчан главное место принадлежит темам и образам нашей, советской современности. Пьесы Тренева и Корнейчука, Симонова и Дмитерко явились значительными вехами творческого пути театра. Особенно сильно прозвучала здесь пьеса А. Хижняка «На большую землю», посвященная коллективизации на Львовщине. За участие в этом спектакле были удостоены Сталинской премии ведущие мастера театра — его основатель народный артист СССР Б. Романицкий, народные артисты УССР В. Любарт, Д. Дударев, В. Яременко, заслуженный артист УССР И. Рубчак, главный художник театра В. Борисовец.

Близость к современности определяет творческий облик театра на протяжении его почти тридцатилетнего пути. Возник театр в Киеве в 1922 году, в дни празднования сорокалетнего юбилея артистической деятельности прославленной украинской актрисы Марии Константиновны Заньковецкой; хорошо знают театр жители Запорожья, где он работал с 1925 года вплоть до начала Великой Отечественной войны. Во Львове театр обосновался сразу же после освобождения города от гитлеровских захватчиков. Знают и любят театр и горняки Артемовска, еще в 1927 году вручившие заньковчанам почетное шахтерское знамя; знают его зрители Москвы и Харькова, Риги и Сталинска, знаком он и ленинградцам, радушно принимавшим у себя львовских гостей нынешним летом.

О том, как современная тема воплощается в полноценных созданиях искусства заньковчан, позволяет судить одна из их лучших работ — «Калиновый гай» («Калиновая роща») А. Корнейчука.

Главный режиссер театра заслуженный артист УССР Б. Тягно, ставивший этот спектакль, и его исполнители хорошо ощущают поэзию живой сегодняшней действительности, раскрывающейся в образах пьесы Корнейчука.

В беспокойных, горячих раздумьях о будущем, в деятельной борьбе с пережитками косности живет колхозник Карп Ветровой (артист А. Тимошенко). Человеком широкого государственного мышления показывает Наталию Ковшик, председателя сельсовета, заслуженная артистка УССР Ф. Гаенко. Черты богатого внутреннего мира нашей колхозной молодежи просто и лирично раскрывают заслуженная артистка УССР Н. Доценко (Надежда Романюк) и артистка А. Босенко (Василина Ковшик). В этом спектакле, как и в пьесе, показано с большой наглядностью, как стираются грани между людьми физического и умственного труда, между людьми колхозного села и столичного города. Живые нити взаимного понимания и дружеских чувств соединяют лучших людей колхоза с известным писателем Батурой и художником Вербой.

На сцене многообразие положительных характеров, взятых из действительности. Но «Калиновый гай» — это одновременно спектакль и критикующий, спектакль резких сатирических характеристик. Своим острием он обращен против тех, кто довольствуется былыми заслугами и чужд благородного беспокойства о будущем, кто зазнался и стал поперек дороги смелым новаторам. Один из таких людей в колхозе «Калиновый гай» — его председатель Романюк. В исполнении Б. Романицкого этот образ вырастает в значительное актерское достижение.

— Привык смотреть на тех, кто от нас отстал, а не на тех, кто далеко впереди нас. Гордится тем, что он передовой среди отсталых, — говорит о Романюке бригадир Ветровой.

Эти слова Б. Романицкий взял в основу сценического рисунка образа.

Артист далек от навязчивого внешнего разоблачения, от предвзятого высмеивания Романюка. Напротив, Б. Романицкий то и дело подчеркивает решительность и твердость характера своего героя. Но только твердость граничит тут с тупым, самодовольным упрямством, решительность — с самоуправством ограниченного человека.

И во внешнем облике Романюка нет ничего такого, что заранее располагало бы к улыбке: говорит он со степенным достоинством заслуженного, уважающего себя человека. Истоки комизма своей роли актер находит в разительном несходстве куцых помыслов Романюка с большими делами и стремлениями передовых колхозников, которые далеко обогнали его в своем идейном и культурном росте.

Комедийная трактовка образа Романюка верна и целенаправленна. То же можно сказать и об остро сатирическом исполнении народной артисткой УССР В. Любарт роли Аги Щуки — пустой и бездумной «светской» модницы.

Но не все комедийные образы пьесы получили на сцене этого театра столь же правомерное истолкование. В изображении колхозных рыбаков театр допускает приемы фарсово-водевильной трактовки. Такой «пересол» сказывается порой и в некоторых других спектаклях театра.

Главный и самый плодотворный итог постановки «Калинового гая» — в глубоком изображении людей нашей современности. Обращенный к живым проблемам социалистического сегодня, он характеризует важные особенности творческого метода Театра имени М. Заньковецкой: его активное вторжение в жизнь, его страстное утверждение нового и передового.

Д. ЗОЛОТНИЦКИЙ

Сцена из пьесы А. Корнейчука «Калиновый гай» в Театре имени М. Заньковецкой.

Летом в „Эрмитаже"

Выступление ансамбля танца Молдавской ССР.

Виктор ЭРМАНС

Фото Е. Умнова и С. Шингарева

Летом на эстраде всегда происходит много нового. Мечта эстрадников о собственном постоянном театре пока еще не осуществилась, а потому эстрада может широко продемонстрировать свои достижения только в летние месяцы, когда она получает в свое безраздельное владение подмостки нескольких крупных театральных залов.

Московский театр «Эрмитаж» издавна является центром советского эстрадного искусства, и премьера в «Эрмитаже» — всегда значительное событие в жизни эстрады.

Истекшее лето было интересно тем, что эстрадные программы, показанные в Москве, пронизывало свежее дыхание времени, событий наших дней.

Эстрадный сезон начался «Первой весенней» программой, поставленной Н. П. Смирновым-Сокольским.

Смирнов-Сокольский, объединяющий в своем лице автора и исполнителя, отдал политическому фельетону на эстраде 35 лет своей жизни. Более 100 произведений написал и исполнил он за эти годы. Одни из них были очень удачны, другие оказывались слабее, но своеобразие, злободневность и острота всегда были свойственны мастеру.

К открытию каждого сезона Смирнов-Сокольский пишет новый фельетон. Так же поступил он и на этот раз. К сожалению, фельетон «Чуют правду» получился менее интересным, чем многие прежние. Длинноты, а также стремление разом охватить десятки несопоставимых и несовместимых тем испортили это выступление.

Вместе со Смирновым-Сокольским программу «Первая весенняя» конферировали Ю. Тимошенко и Е. Березин. Их веселый дуэт радовал искренностью и простотой. Хлесткие, острые интермедии на международные темы пользовались неизменным успехом.

Непринужденно, легко представляли конферансье публике артистов самых разных жанров — юную исполнительницу народных таджикских танцев Ашуру Насырову, грузинских плясунов-джигитов Г. Патарая и К. Лоладзе, иллюзиониста Д. Читашвили, акробатов-эксцентриков А. Воронцову и Р. Славского. В программе звучали песни и танцы Молдавии: огневая сюита «Жок», шуточная «Табакаряска». Воронежский русский народный хор исполнял народную песню о Кутузове и с особым воодушевлением пел вдохновенную «Величальную Сталину» К. Массалитинова.

Весеннее половодье русских мелодий, зажигательные пляски, раздольные песни в исполнении Воронежского русского народного хора — все восхищало зрителей.

Полны захватывающей динамики «Танец грузинских наездников», лезгинка Г. Патарая и К. Лоладзе, своеобразный таджикский танец «Девушка с белым золотом», исполняемый Ашурой Насыровой. Этот танец идет под аккомпанемент бубна в стремительном, огневом темпе.

Уже в «Первой весенней» прозвучала тема борьбы за мир, которая определила содержание всех эстрадных выступлений минувшего лета. Сатирические куплеты Ильи Набатова, высмеивающие грязные происки поджигателей войны, хорошо дополнялись песнями Рашида Бейбутова, проникнутыми любовью к Родине. Песней Тофика Кулиева на слова Самеда Вургуна «Азербайджан» Бейбутов славит свой родной край. Полна глубокого смысла «Песня о двух берегах» Фикрета Амирова, посвященная угнетенным народам Ирана.

Вторую программу «Эрмитажа» почти целиком занимала Клавдия Шульженко. Политическая злободневность ее репертуара определяется прежде всего такими произведениями, как «Моя родина» А. Хачатуряна, «Баллада о китайском мальчике» З. Левиной, «Окрыляющее слово» и «Письмо матери» И. Дунаевского. У Клавдии Шульженко превосходная мимика, богатые интонационные краски, выразительный жест. Шульженко хорошо знает свои возможности и мастерски пользуется ими в своем оригинальном лирическом жанре.

Творческие биографии многих мастеров эстрады весьма интересны и поучительны. Это относится не только к молодежи, но и к зрелым, испытанным художникам, сумевшим во-время пересмотреть свои позиции в искусстве, прислушаться к голосу народа.

Заслуженный артист Азербайджанской ССР лауреат Сталинской премии Рашид Бейбутов.

В этом смысле весьма примечателен путь Леонида Утесова, одного из опытных мастеров советской эстрады. Утесов давно отрешился от пустых джазовых

Лауреат Сталинской премии Ю. Тимошенко (слева) и Е. Березин в интермедии «Кроссворд».

песенок. Его искусство приобрело благородную простоту, доходчивость, целеустремленность.

Утесов легко и естественно вступает в контакт со своей аудиторией. Мы снова убедились в этом во время эстрадного представления «Всегда с вами», которое явилось третьей в сезоне премьерой «Эрмитажа».

Вместе с государственным эстрадным оркестром под руководством Л. Утесова на этот раз выступал ленинградский ансамбль танца, возглавляемый А. Обрант. Два коллектива создали яркое, темпераментное, увлекательное представление, славящее мир, созидание, свободу.

Хореографическая сюита «Песня молодости», посвященная дружбе юных борцов за мир во всем мире, занимала первое отделение программы. Затем Л. Утесов пел куплеты знаменитой песни о блохе М. Мусоргского. Текст куплетов — новый. Это рассказ о чумных блохах, которых разводят ныне поджигатели войны, сами уподобившиеся этим паразитам.

Смело введены Утесовым в его программу и фрагменты из памфлета М. Горького «О музыке толстых». Оркестр отлично иллюстрирует саркастические замечания великого писателя по поводу растленной американской «культуры». «Песня американского безработного» в исполнении Л. Утесова — один из лучших номеров этого боевого, мажорного представления.

Выделяется также вальс «Весна» (музыка И. Дунаевского), исполняемый А. Ревельс, В. Новицким и Ф. Сергеевым. Артист утесовского эстрадного оркестра Ф. Сергеев своим незаурядным комедийным дарованием придает этому номеру большое обаяние.

Заключительную, четвертую программу истекшего летнего сезона Эстрадный театр «Эрмитаж» отдал Ленинградскому театру миниатюр, поставившему новое политическое обозрение В. Полякова «Вокруг света в 80 дней», посвященное огромной современной теме борьбы за мир во всем мире.

Обозрение показывает, как люди с чистой совестью, преодолевая всяческие препятствия и козни агрессоров, выступают против насилия и произвола, против войны и атомного оружия, подписываются под Стокгольмским Воззванием.

Заслуженный деятель искусств РСФСР Леонид Утесов в финале спектакля «Всегда с вами».

В новом спектакле Аркадий Райкин по обыкновению играет добрый десяток интермедий и ролей, из которых две — жуликоватый святоша папа Пий XII и обездоленный американскими угнетателями безработный профессор из Западной Германии — являются большими творческими достижениями талантливого артиста, показывающими, что он умеет не только смешить, но и вызывать сильные глубокие чувства. К сожалению, далеко не все эпизоды представления находятся на уровне этих миниатюр. Зачастую действие теряет свою сатирическую остроту и становится менее интересным.

Руководители московской эстрады обещали в течение лета показать зрителям 11 новых эстрадных программ. Мы видели значительно меньше — обещание осталось невыполненным. Но и эти программы свидетельствуют о больших возможностях нашей эстрады.

Все реже встречаются в программах такие банальные и наскучившие зрителям номера, как внешне эффектный, но бессодержательный этюд «На катке» К. и А. Изотовых, однообразный по ритму, невыразительный спортивный танец Ю. и Б. Гусаковых и другие. Все больше по-настоящему талантливых, острых, увлекательных выступлений.

Не означает ли это, что пора наконец предоставить в распоряжение артистов эстрады настоящий постоянный театр — зимний и летний? Искусство, широко популярное в народе, не должно носить «сезонный» характер.

Шуйские певуньи

Репетиция должна была начаться в пять. Поджидая певцов в клубной костюмерной, мы разговорились. Председатель правления клуба Шуйской объединенной мануфактуры Закураев и председатель фабкома Н. М. Максимова рассказали несложную историю самодеятельного коллектива — хора старых ткачих.

Он был создан в честь Международного женского дня, и первое его выступление состоялось 8 марта 1948 года. С тех пор на его концертах побывали десятки тысяч человек, и те, кто слышал песни хора, разнесли славу о шуйских певуньях по всей Ивановской области. Их полюбили текстильщики Иванова, художники Палеха, колхозники районов, где побывал хор. Со дня организации коллектив вырос втрое, и исполнение всей его программы занимает четыре часа.

— Но это все статистика. Наш хор слышать надо. Ведь как поют! Слушаешь — не оторвешься!..

И вдруг моя собеседница сама запевает. Ее глаза разгораются молодым сиянием. И кажется, что она забыла обо всем на свете, кроме старинной песни шуйских ткачих.

Из поколения в поколение передаются эти песни. С редкой тщательностью разучивает их хор, так же, как и новые песни советских композиторов. С истинным вдохновением поют ткачихи произведения русских классиков.

...Расцветив сцену широкими сарафанами ярчайших ситцев, сработанных собственными руками, шуйские ткачихи исполняют протяжные «В чистом поле» и «Летят утки», плясовые «По канавке росла травка» и «Посеяли лебеду на берегу», колхозную польку «Невеста».

С большим подъемом поет хор сказ о великих вождях народа Ленине и Сталине.

В репертуаре хора 37 песен, и число их все время увеличивается. В хоровой коллектив вливаются новые участницы. Они с увлечением занимаются на спевках, учатся правильно и хорошо исполнять любимые песни. Замечательные напевы «Меж крутых бережков», «Час да по часу», «Как у месяца» надолго запоминаются, шуйские ткачихи поют их особенно задушевно.

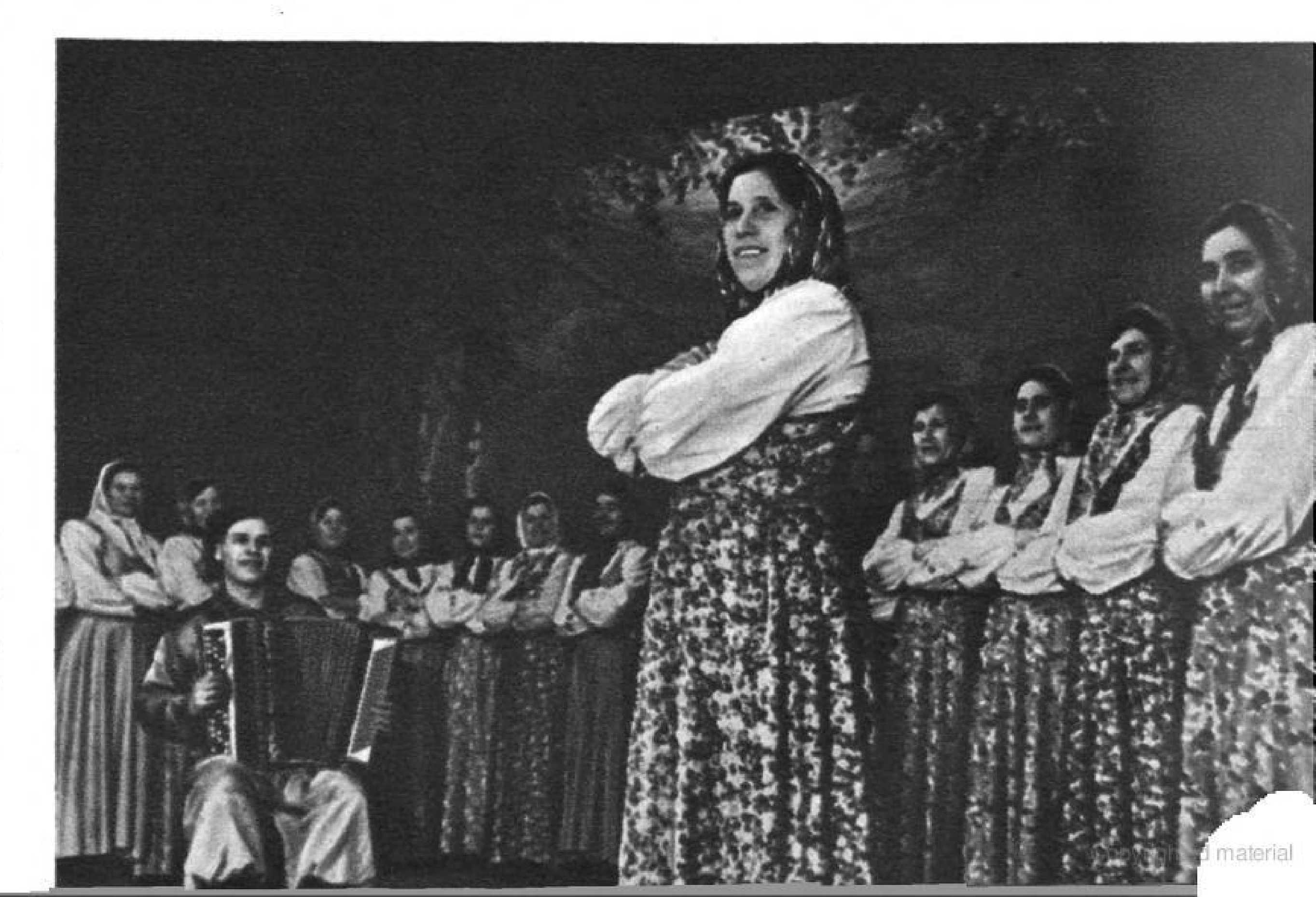
Хор законно гордится своими лучшими участницами, знающими столько песен, что им мог бы позавидовать собиратель фольклора. Среди них старший браковщик В. Шашкова, знатная ткачиха А. Юлина, звеньевая подсобного хозяйства В. Клапова, инструктор ткацкого дела А. Шишкина...

Коллектив хора бережно хранит песни прошлого, любит песни настоящего, с гордостью исполняет свой собственный «Марш шуйских ткачей». Его слова и музыку написал И. Юлов, руководитель хорового коллектива клуба Шуйской объединенной мануфактуры.

А. ИЛУПИНА

Шуя.

Выступление хора шуйских ткачих. Запевает диспетчер фабричного гаража К. Коровкина.

У них будет клуб

Мысль создать в колхозе имени Орджоникидзе спортивный клуб назрела давно. Одного стадиона теперь физкультурникам мало. Гимнастам и волейболистам нужен был зал для зимних занятий. Лыжники и конькобежцы требовали хорошую раздевалку. Хотелось иметь свои комнаты шахматистам и гиревикам. Но еще полгода назад о спортивном клубе приходилось лишь мечтать. Где возьмешь помещение?

А нынче этот наболевший вопрос разрешился сам собой. В колхоз имени Орджоникидзе влились три небольших расположенных поблизости артели. Одна из них занимала под зернохранилище большое, просторное здание. В укрупненном колхозе нашлась возможность складывать хлеб в другом месте. Здание освободилось. Лучшего нельзя и желать для спортклуба.

— Подремонтируем его, приведем в порядок, приспособим, и такой клуб у нас будет, что во всем районе не сыщешь! — говорил председатель правления колхоза Андрей Ильич Ткачев секретарю партийной организации Илье Егоровичу Свистельникову.

— Правильно! — подтвердил тот.— И стоять-то клуб будет на хорошем месте. Рядом река, на другом берегу лес и поле... Ну, где найти раздолья больше!

— На реке каток зимой можно расчистить,— заметил председатель.— А будущим летом и водную станцию открыть!

Только вчера правление колхоза окончательно решило вопрос о передаче здания под спортивный клуб. Ткачев и Свистельников обсуждали теперь, как его оборудовать.

— А Туренко-то где наш? — спросил Андрей Ильич.— С ним прикинуть все следует.

— Нашел кого искать сейчас! — улыбнулся Свистельников.— Футбол сегодня... И о решении Туренко еще не знает!

В самом деле, председатель колхозного совета физкультуры Митрофан Туренко был поглощен заботами о предстоящем матче. Он уже начал не на шутку волноваться. На стадион собираются зрители, игра должна скоро начаться, а левого нападающего Крамарева и центрального защитника Троянова все нет и нет. Оба они повезли хлеб на станцию Бирюч грузчиками при автомашине... Должны вернуться, но, видно, задержались. А как же без них! Последний матч с футболистами колхоза имени Сталина закончился со счетом 3 : 3. Сегодня надо добиться победы.

Туренко решил попросить председателя колхоза позвонить на станцию и навести справки о запропастившихся грузчиках-футболистах. Для этого и направился он в правление.

— Хорошо, что пришел! — воскликнул Андрей Ильич, увидев Туренко. — Скажи, как ты думаешь: можно в зернохранилище волейбольный зал оборудовать?

— В зернохранилище? — удивленно переспросил Туренко.

— Ну да! С окнами как быть?

— Сетки на окна надо...

— Понятно! — кивнул Свистельников.—И тут же турник поставим для гимнастов, кольца, брусья...

— Как? Решили? — просиял Туренко. — Под клуб нам передаете?

— Решено и подписано! — подтвердил Ткачев.— Поздравляй своих физкультурников со спортивным клубом! Завтра же плотникам скажу, чтобы работать начинали...

— Да мы сами поможем! — вырвалось у Туренко.

— И вы понадобитесь,— сказал секретарь партийной организации.— Сколько физкультурников может в свободное время на работу выйти?

— Человек полтораста, не меньше!

Председатель колхоза недоверчиво покачал головой.

— Сомневаетесь, Андрей Ильич? — чуть обиделся Туренко.— Да ведь у нас только в секциях занимается сто двадцать человек! Одних шахматистов до полусотни! А легкоатлетов сколько, футболистов, гимнастов, гиревиков!

— Верю, верю! — замахал руками председатель.— Ну, тогда собирай народ в среду — возьмемся за спортклуб!

За окном с грохотом промчалась грузовая машина.

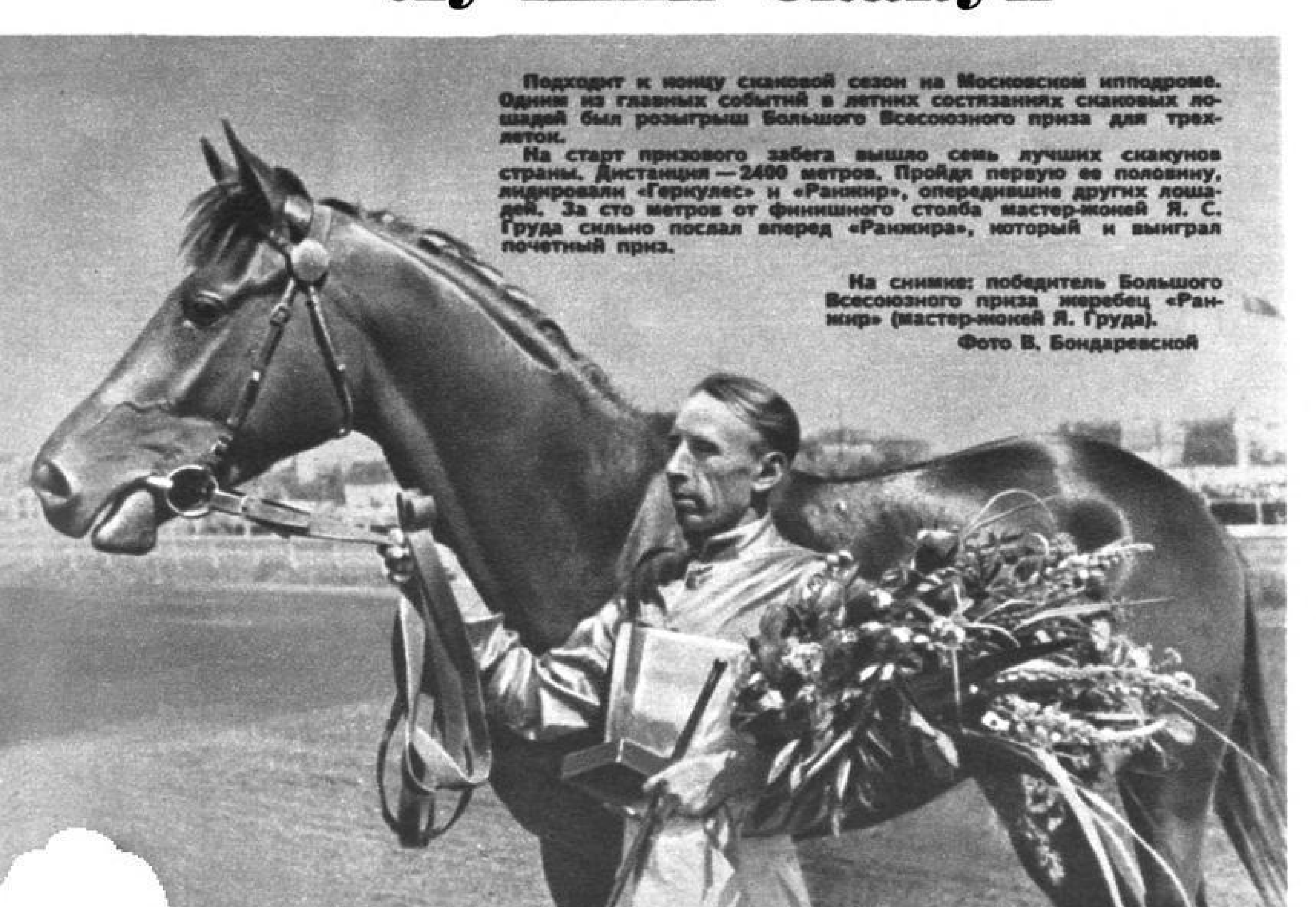
— Ох, совсем забыл на радостях-то! — воскликнул Туренко. — Ведь я к вам вот зачем... Крамарева и Троянова все еще нет, с хлебом в Бирюч поехали... А до игры меньше часу остается! Прямо и не знаю, как без них быть! Может, позвоните на станцию, узнаете, успеют ли вернуться к началу-то?

Председатель колхоза покрутил ручку телефона и снял трубку. Оказалось, что Крамарев и Троянов давно уже сдали на ссыпной пункт хлеб и выехали обратно. Сегодня грузчики снова перевыполнили дневную норму в два с лишним раза.

От колхоза до станции пятнадцать километров. Каждая машина должна делать за день три поездки. Но вот уже вторую неделю Крамарев и Троянов совершают по шесть — семь рейсов.

— Ты ступай на стадион,— сказал председатель, кладя телефонную трубку,— они, должно быть, уже вернулись!

Лучший скакун

Подходит к концу скаковой сезон на Московском ипподроме. Одним из главных событий в летних состязаниях скаковых лошадей был розыгрыш Большого Всесоюзного приза для трехлеток.

На старт призового забега вышло семь лучших скакунов страны. Дистанция — 2400 метров. Пройдя первую ее половину, лидировали «Геркулес» и «Ранжир», опередившие других лошадей. За сто метров от финишного столба мастер-жокей Я. С. Груда сильно послал вперед «Ранжира», который и выиграл почетный приз.

На снимке: победитель Большого Всесоюзного приза жеребец «Ранжир» (мастер-жокей Я. Груда).

Фото В. Бондаревской

Когда Туренко вышел, председатель колхоза весело посмотрел на секретаря партийной организации и сказал:

— Да разве для такого народа что-нибудь пожалеешь? Ведь на самых ответственных участках работают: тракторист — физкультурник, полеводы — физкультурники, шофера и грузчики — опять спортсмены!

— Да, у нас в области на тех, кто не занимается спортом, скоро пальцем будут показывать! — усмехнулся Свистельников.

К концу года в Воронежской области должно быть полмиллиона физкультурников. Не менее десяти тысяч человек обязался вовлечь в спортивные секции один только Буденновский район. 57 стадионов построено за лето в районах. 20 из них с беговыми дорожками вокруг футбольного поля, с волейбольными площадками, с гимнастическими городками. Многие колхозы приобрели брусья, турники, трапеции и другой спортивный инвентарь.

Колхозные спортсмены сдают нормы ГТО, готовятся к осенней областной спартакиаде. Спартакиада предстоит небывалая по своим масштабам. На стадионы Воронежа выйдут пять тысяч сельских физкультурников.

Упорно готовятся к спартакиаде и физкультурники колхоза имени Орджоникидзе. Все спортивные секции ведут регулярные тренировки. Начались решающие игры у футболистов. О футбольной команде орджоникидзевцев говорят с уважением далеко за пределами Буденновского района. Сегодня в матче против своих основных соперников — футболистов колхоза имени Сталина — им предстояло серьезное испытание.

Заглянув в комнату к футболистам, Туренко сразу же увидел торопливо переодевающихся Крамарева и Троянова. Надо бы пожурить их за опоздание! Но, чтобы не портить спортсменам настроения, Туренко решил отложить разговор до окончания игры.

Матч начался бурным натиском гостей. Но защита во главе с Трояновым играла очень хорошо. Все атаки противников разбивались, и мяч то и дело переходил к нападающим хозяев поля.

Председатель колхоза и секретарь партийной организации подошли к стадиону в тот момент, когда центр нападения и капитан команды орджоникидзевцев Костин прорвался к воротам гостей. Вратарь бросился Костину под ноги. Но тот хладнокровно толкнул мяч чуть в сторону. Тугой кожаный шар до обидного неторопливо вкатился в ворота.

Первая половина игры закончилась со счетом 1 : 0. Пока команды отдыхали, на беговой дорожке состязались легкоатлеты. Сегодня в гости к колхозникам пришли также учащиеся старших классов Буденновской средней школы, спортсмены второго и третьего разрядов.

Вторая половина футбольного матча началась в бурном темпе. На пятнадцатой минуте настойчивые попытки гостей сквитать счет увенчались успехом. Правый нападающий подал мяч на ворота, а кто-то из других игроков послал его головой в сетку. Казалось, что игра кончится вничью. Но когда истекали последние минуты матча, Крамарев заметил, что внимание противника сконцентрировано на предводителе всех атак орджоникидзевцев — Костине. Воспользовавшись этим, Крамарев сильным боковым ударом послал мяч в ворота.

Туренко с трудом пробился в раздевалку, которую со всех сторон осаждали колхозные болельщики. Секретарь партийной организации вместе с председателем колхоза были уже здесь и беседовали с футболистами. Отыскав Крамарева и Троянова, Туренко обрушился на них с упреками:

— Вы же могли подвести команду! Да что команду! Весь коллектив! Всему коллективу могли помешать участвовать в спартакиаде!

— Э-э, неправ ты, Туренко! — сказал секретарь партийной организации.— Наоборот, они закрепили наше право на участие в спартакиаде! Ведь, кроме спортивных показателей, помнится мне, учитывают и производственные!

Мастер спорта В. ПУШКИН

Колхоз имени Орджоникидзе,
Буденновского района,
Воронежской области.

МАТЬ И ДОЧЬ

Двенадцать лет разделяют две эти фотографии. Первая относится к 1938 году и сделана на ленинградском стадионе. Трехлетняя Ирочка очень довольна. Еще бы! Ей разрешили «дать старт» своей маме.

Второй снимок сделан на московском стадионе «Динамо» в 1950 году. Заслуженный мастер спорта Галина Филипповна Турова с секундомером в руке наблюдает за тренировкой своей дочери.

Да, эта стройная, красиво бегущая девушка и есть та самая маленькая Ирочка, которая когда-то «давала старт» своей маме!

В 1935 году у известной спортсменки, чемпиона и рекордсмена Советского Союза Галины Туровой родилась дочь.

За праздничным столом собрались родные, близкие, знакомые. Кто-то, шутя, предложил тост за будущую чемпионку Ирину Турову, кто-то высказал пожелание, чтобы девочка пошла в маму. Вряд ли сидящие за столом подозревали, что это шутливое пожелание окажется пророческим.

— Я, конечно, и не думала воспитывать свою дочь как будущую чемпионку, — рассказывает Г. Турова. — Но мне всегда хотелось, чтобы Ира была девочкой жизнерадостной, здоровой и сильной.

Ирина росла и воспитывалась в спортивной среде. По многу часов проводила она на стадионах и в спортивных залах, где тренировалась или выступала в соревнованиях ее мать. Ирочка радовалась, когда видела на беговой дорожке свою маму, которая обгоняла других. Нередко дочь первая поздравляла Галину Турову с очередной победой. А побеждала ее мама часто — ей принадлежало семь всесоюзных рекордов в различных видах легкой атлетики.

Ирина Турова хорошо училась, ее приняли в пионеры. В школе она уже начала выделяться на уроках физкультуры: у девочки росло желание научиться быстро бегать, высоко прыгать.

Галина Филипповна опытным глазом мастера подметила в своей дочери задатки бегуньи на короткие дистанции. Но пока ей нужно накапливать силы, хорошо учиться, всесторонне развиваться, привыкать к спортивному режиму, исподволь и понемногу тренироваться.

Рекордсменка не ошиблась в своих предположениях. У ее дочери оказались незаурядные способности к легкой атлетике. В тринадцать лет Ирина Турова пробегала 100 метров за 12,9 секунды. Скорость завидная. Последние два года с Ириной занимался старейший наш тренер Борис Николаевич Взоров, который девятнадцать лет назад обучал бегу и прыжкам Галину Турову.

Признание и успех к Ирине пришли в нынешнем сезоне. Весной во время заочного легкоатлетического матча И. Турова сумела показать лучший в Ленинграде результат в беге на 100 метров — 12,6 секунды. Затем в Куйбышеве на всероссийских соревнованиях школьников она опередила всех в беге на 100 и 200 метров.

Ирина Турова получила приглашение участвовать во всесоюзном слете сильнейших легкоатлетов СССР. Здесь ей пришлось выдержать очень трудный экзамен.

Вместе с Ириной Туровой на старт стометровой дистанции вышли самые быстрые советские бегуньи — Евгения Сеченова, Софья Малышина, Зоя Духович. От одного перечня этих имен Ирине стало страшновато. Но где-то рядом стояла мать, девушка чувствовала ее ободряющий взгляд.

Галина и Ирина Туровы. 1938 год.

Раздался выстрел стартера. Ирина понеслась вперед, забыв обо всем на свете. Конечно, о победе думать нечего, лишь бы не особенно много проиграть взрослым, опытным соперницам! Юная Турова бежит легко своим длинным, красивым шагом. У финиша она отстала, уступив в скорости Малышиной и Сеченовой, но опередив Духович. Первая большая удача!

Затем в Ленинграде на всесоюзных соревнованиях юных легкоатлетов Ирина победила в беге на 100 и 200 метров. Ей удалось опередить молодого мастера спорта и рекордсменку Надю Хныкину из Тбилиси, очень одаренную легкоатлетку. Интересно напомнить, что в конце прошлого сезона Хныкина побила рекорд в прыжках в длину, установленный Галиной Филипповной Туровой еще пятнадцать лет назад.

В День физкультурника Ирина Турова пробежала на московском стадионе «Динамо» 100 метров за 12,1 секунды и 200 метров за 25,1 секунды. За эти выдающиеся результаты ей присвоили звание мастера спорта. Теперь Ирина — самый юный мастер спорта в нашей стране.

На другой день после соревнований, когда вновь опустели трибуны стадиона, возле дорожки с секундомером в руке стояла Галина Филипповна Турова. Она внимательно следила за бегом своей спортивной наследницы.

— Шире шаг! Следи за руками! — кричала вслед дочери Галина Филипповна.

Занимается Галина Турова не только с дочерью. У нее много и других учеников. Весь свой опыт отдает она молодежи, подрастающему поколению легкоатлетов.

— Кем ты хочешь быть? — спросили у Ирины после тренировки.

— Еще не знаю, — ответила она. — Но хочется быть такой же, как мама!

Сейчас у самого юного мастера спорта начался новый учебный год в одной из московских школ. Это будет год напряженных занятий, новых исканий, новых побед.

Еф. РУБИН

Галина и Ирина Туровы. 1950 год.

(Истинное происшествие)

Иван ГОРЕЛОВ

Рисунки И. Семенова

Поздний августовский вечер.

Пригородный подмосковный поезд развозит запоздалых дачников. Сегодня суббота, и в вагоне тесновато.

На скамье, у окна, сидит небольшого роста человек в легоньком диагоналевом пиджаке и в помятой шляпе пепельного цвета. Над его головой висит парусиновый портфелик.

— Э-э... простите... Вагон, кажется, для курящих?— нерешительно спрашивает гражданин, обводя соседей красноватыми, вялыми глазками. Он заметно «навеселе».

— К сожалению, для курящих...— после короткой паузы печально вздыхает полная дама, сидящая напротив.

Гражданин, словно не слыша ее ответа, медленно роется в карманах, достает никелированный портсигар и начинает крутить огромную «козью ножку».

— Да, граждане, шельму-махорочку курю, не взыщите... Нет ли у кого спичек?.. Или зажигалки?

Все молчат. Затем сидящий рядом военный утешает гражданина:

— Ничего не поделаете, папаша. Придется потерпеть...

— И махорочка целее будет,— ехидно добавляет паренек в майке.

— Да... Придется, видно, потерпеть... — покачиваясь из стороны в сторону, сожалеет гражданин в пепельной шляпе.

Он держит на отлете свою драгоценную цыгарку и от нечего делать принимается рассказывать:

— Человек я, признаться, маленький, ведаю всего-навсего отделом нежилых помещений. С детства, как на грех, к тонким ароматам приучен: в южных садах вырос,—а тут приходится по сырым подвалам да керосиновым складам таскаться. Зато уж зайдешь в кабинет к Василию Петровичу — это начальник мой, я у него на докладе раз в месяц бываю,— так там райское благоуханье. Да что в кабинет: в приемную только ступишь — и уже благодать! У двери Маргарита Семеновна сидит — секретарша начальника. Лирическая такая особа, прическа султаном, как гребень голландского петуха. Она тоже тонкие ароматы обожает: дверь в кабинет приоткрыла, а оттуда дымок струится, голубой такой, чистый, небесного цвета. «Что сегодня наш курит: листовертки или «Золотое руно»?»— спрашиваю Маргариту Семеновну. «Золотое руно»! — торжественным, мелодичным голоском говорит она.

Пассажиров увлекает интригующий рассказ, и насмешливый шепоток мало-помалу стихает.

— В кабинет заходить прямо-таки боязно: от меня плесенью попахивает, да и махорочкою изрядно — я на курево не горазд разоряться. Ну, захожу. Доложил бумаги какие, счета, все чин-чином, уходить собираюсь... А у Василия Петровича, как на грех, настроеньице игривое такое, благодушное — смеется все, шутки произносить пытается... Ну, сидим уже около часу. Я истомился, прошу разрешения закурить и сворачиваю под столом цыгарочку. Только было прикурил ее, а он как спохватится. «Что ты,— говорит,— Кермеков, всякую дрянь сосешь, махоркой паршивой пропитываешься! Может, в «могилевской губернии» сохраниться подольше хочешь?» «Нет,— говорю ему,— соблюдаю экономию: жена ругается». «Гаси,— говорит он,— свою «козью ножку» да в корзину ее. На-ка вот!»— и протягивает мне нарядную коробочку коричневого цвета, золотом окантованную. А в коробочке сигары — пузатенькие, длинные...

Ну, взял я одну такую конфетку, а сам не знаю, с какого конца зажигать ее, голубушку. Сосу, сосу,— ан, не прикуривается! А Василия Петровича прямо-таки лихорадит от смеха. «Дай-ка, — говорит, — сюда!» Отламывает он почти полсигары — и в корзину. А у меня аж сердце защемило: закурки на две табаку выбросил! Ну, прикурил я, задымилась моя сосочка. Василий Петрович тоже закурил. Манерно так ноготочком пепел стряхивает, развалился в бархатном кресле и рассказывает мне: «Я, братец ты мой, только на этой должности и курить-то по-настоящему научился... До этого вкуса не знал... А курнуть по-настоящему — великое наслаждение! С утра мне коробочку «Золотое руно» приносят, табачок такой ароматный, за километр слышно. Я и сижу попыхиваю... И угощаю, конечно. Ну, решительно всем нравится табачок... А к вечеру буфетчица сигар коробочку принесет — эти покрепче, посерьезнее.

Сигара — это, братец, — говорит Василий Петрович,— великое дело. В ней натуральные ферменты сохранены... Да и производство ее, рассказывают, отменное: из лучшего табака! Самый серединный листок выбирается... А скручивает сигары, знаешь, кто?». «Не знаю,— говорю.— Откуда же мне знать?» А у Василия Петровича глазки сразу лукавые этакие стали. «Красавицы-южаночки, воздушные созданьица скручивают их, Кермеков, вот кто! Подходит этакое эфирное создание в беленьком фартучке, пальчики одеколоном протерты... Подходит к столу, берет самый что ни на есть лучший листок и скручивает эту финтифлюшечку. Вот как, братец ты мой! Каждую штучку индивидуально скручивает! А в папиросе?.. Черт его знает, чего только туда машина не натолчет! Ну, а махорка больше из стеблей делается. В этой уж совсем никакого аромата — одна горечь...»

— Широкая натура — начальник твой... Гурман...— подзадоривает военный.

— Да, натура приметная,— скороговоркой отвечает Кермеков и продолжает рассказ, боясь, видимо, потерять стройность слога и нить сюжета.— И минут этак десять агитировал меня за сигары. Парочку на дорогу дал. Я их — в карман и для праздничка поберечь хотел. Да жена досмотрела... В табачный магазин специально ходила, узнала почем они, и вернулась оттуда злой: «Ах, ты, такой-сякой! Эта же черная цыгарка твоя одна три пятьдесят стоит!..» Мне даже любопытно стало: какая цена! Видно, за аромат берут да за то, что изящная загорелая южаночка своими нежными пальчиками сворачивает ее...

Месяц не был я у Василия Петровича. И вот собрался к нему на очередной доклад. Ну, думаю, сигарочкой хорошенькой разживусь. Захожу в приемную, но аромата уже не слышно. И дверь в кабинет плотно прикрыта... Маргарита Семеновна что-то печатает, вид у нее деловой, строгий. Захожу в кабинет — воздух чистый. Коробочек, окантованных золотом, на этажерке не видно. Докладываю все чин-чином. Сухо принимает сегодня Василий Петрович. Спрашиваю разрешения закурить. Кивнул головой: можно, мол. А сам почему-то нервничать стал: губы покусывает.

Только это я зажег козью ножку, а он и говорит: «Давай, Кермеков, и я уж заодно махорочки попробую». Я — пожалуйста, табакерку ему протягиваю. Бумажки даю. «А эти,— спрашиваю,— толстенькие, как их? Из целых листиков делаются». Он рукой, будто от шмеля, отмахнулся. «Ну их к богу в рай,— говорит,— бросил я эту дорогостоящую ароматенцию».— И так смачно махорочку мою потягивает... «И что в них толку-то, в сигарах этих? Соблазн один, форс, аромат и никакого смаку. Да и сворачивают их кто, думаете? Эфирные созданьица?! Как бы не так! Это моя поэтическая фантазия такую чепуху подсказала... Мальчишки какие-нибудь грязными пальцами сворачивают... Вот кто! А ты их изволь в рот брать... Бр-рр! Противно...»

— Человеку свойственно ошибаться,— вставил паренек в майке.

— Не в ошибке дело. Погоди... Я уставился на него, а Василий Петрович продолжал: «А папироски да махорочку машинушка, братец ты мой, делает: чистота, гигиена, гарантия. Никакой пылинки не попадет». И чуть ли не полчаса такое про эти сигары рассказывал, что будто это самая что ни есть отрава горькая. Выхожу из кабинета, ничего не понимаю. Маргарита Семеновна одна. Я потихонечку спрашиваю: «А что это ваш насчет сортов курева переменился так?..» «Как что, вы разве не знаете?». «Не знаю...» «Вот странно! В соседней парикмахерской — и то все знают... У нас на днях проверочка небольшая была, ревизия... Ну, и выяснилось случайно, что Василий Петрович не по той статье курил...» «Как это не по той статье?!» «Очень просто: не то за счет соцбытфонда... не то за счет какой-то дотации. А теперь двадцать пять процентиков из своего оклада выплачивает... Да и неизвестно, чем еще это дело кончится!..»

Пассажиры громко смеются...

Плавно шипят тормоза, и проводник объявляет, что поезд подходит к станции Сходня.

Кермеков, встрепенувшись, поспешно снимает с крючка свой портфелик и резво семенит к выходу.

Иностранная сатира

Карикатура из стокгольмской газеты «Ню даг».

Моды

Модели Дома моделей Главшвейпрома МЛП СССР.

↑

Нарядное платье из тяжелой шелковой ткани, прилегающее в талии, расклешенное книзу. По талии застрочены вытачки, расходящиеся кверху. Рукава собраны по окату, внизу подрезаны, от подреза заложены мягкие складки, нижняя часть рукавов сужена по руке. Застежка на петли и пуговицы. Спинка со швом посередине.

Автор А. В. Добко

Платье из шерстяной ткани, отрезное по талии. Лиф прилегающей формы с глубоким вырезом и складочками от плечевых швов и от талии. На юбке заложены глубокие складки. Платье отделано выкройным, расклешенным воротником из легкого белого шелка с машинной вышивкой по краю.

Автор Л. К. Ефремова

Сарафан из креп-сатена. Пояс-корсаж выкроен вместе с бретелями. Пятишовная юбка на бедрах и спинке собрана под корсажем. Блузка из легкой шелковой ткани. Широкие рукава собраны по окату, внизу на манжетах. Воротник и манжеты отделаны вышивкой.

Автор Т. И. Кузнецова

Нарядное платье из шерстяной ткани, отрезное по талии. Лиф прилегающей формы, с вытачками от плечевых швов и по талии, заканчивается короткой разрезной баской. Застежка сзади на «молнии». Юбка расклешенная. Платье отделано вышивкой.

Автор М. Д. Плотникова

↓

Платье из светлой шерстяной ткани, отрезное по талии. Лиф в передней части спускается в виде небольшой гладкой басочки. Пояс вшит в вытачку на лифе, сзади завязывается бантом. Вышивка в тон фактуры выполнена шерстяными нитками.

Автор Т. И. Кузнецова

Увлекательный спорт

В северных реках с прозрачной, холодной водой и быстрым течением в изобилии водится «лосось севера» — семга.

Биологические особенности семги достойны удивления. Живет она в море и только на нерест входит в реки. Как правило, семга возвращается для икрометания именно в ту реку, в которой родилась, хотя при жизни может уплывать в море очень далеко. Так, в реке Выг, Архангельской области, была выловлена семга с меткой на плавнике, сделанной зоологическим музеем г. Осло. Эта семга, таким образом, проплыла от реки Выг до берегов Норвегии и обратно около 5 тысяч километров.

Семга, войдя в реку, подвергается большим физиологическим изменениям: она прекращает питаться (многие особи не принимают пищи в течение года), голова ее увеличивается, нижняя челюсть изгибается крючком, окраска из обычной серебристой становится темной с мутнооранжевыми пятнами. После нереста семга не погибает поголовно от истощения, как, например, кета, а в большинстве скатывается обратно в море, где приходит в нормальное состояние.

Для спортсмена-спиннингиста семга — интереснейшая рыба. На ее ловлю выезжают на реки северного побережья. Незабываемо красива природа этого края. Между высокими гранитными скалами стремительно, с ревом несутся пенистые воды реки, разбиваясь о камни и разбрасывая мириады алмазных, блестящих брызг. Местами мощный поток воды преграждают обломки гранита и огромные валуны, образуя бурные пороги. В других местах русло реки, зажатое высокими скалами, внезапно обрывается, создавая водопады, низвергающиеся с высоты до 10 метров. Несмолкаемый шум стоит над рекой...

Опытный рыболов выбирает для ловли места около входа в порог, где обычно скопляется семга, или за порогом, пройдя который рыба вынуждена остановиться в заводи на отдых. В таком месте и устраивается рыболов в лодке с помощником на веслах.

Спиннинг собран, на его катушке намотано более 100 метров тонкой, но крепкой лесы, а на конце стального проволочного поводка пристегнута блесна. Сделан первый заброс. Плавно полетела блесна над рекой, затем упала и погрузилась в воду. Начинается обратная намотка лесы на катушку. Затая дыхание, рыболов ожидает хватки рыбы, но вся леса собрана — первая попытка оказалась безрезультатной.

После нескольких таких же «пустых» забросов разочарованный спиннингист готов уже переменить место ловли. Но вдруг... удар-рывок такой силы, что ручка барабана катушки вырывается из руки спиннингиста. Нерастерявшийся рыболов придерживает диск барабана, слегка зажимает его, делает резкую подсечку и включает тормоз катушки.

Рыба, зацепленная крючком, несколько секунд мечется на месте, затем делает короткий бросок против течения. Быстро вертится барабан катушки, обжигая пальцы. Взяв с катушки метров десять лесы, рыба останавливается, затем сильно вновь идет вперед. Удилище неудержимо пригибается, натянутая леса, с силой разрезая воду, издает звенящий звук. Характерный треск разрывающейся воды — и красавица-семга вылетает на воздух.

Изгибаясь, она плашмя падает на воду, бурно вывертывается на месте, разбрасывая во все стороны блестящие брызги. Напряжение удилища на короткий момент ослабевает. Неужели сорвалась?.. Но нет, вот семга опять понеслась дальше. Пройдя 30—40 метров, она вновь выбрасывается и, упав на воду, еще раз пролетает горизонтально по воздуху около 2 метров.

Под водой семга быстро идет вперед. На катушке осталось не более 20 метров лесы, когда семга останавливается. Если рыба пойдет дальше, она смотает с катушки последний запас лесы, с ходу неминуемо порвет ее и... прощай добыча!

Физическое напряжение рыболова достигает предела. Левое плечо и рука, держащая удилище, немеют, пальцы правой руки теряют чувствительность.

Получается, будто не рыболов поймал семгу, а она его. Но вот измученная рыба дает возможность вновь наматывать лесу.

«Упираясь», семга идет к рыболову. Усталости у него как не бывало. Добыча приближается, направление лесы указывает на то, что семга уже близко. Наконец в прозрачной воде блеснула серебряная рыба. На секунду она ложится на бок, затем, бурно развернувшись, поднимает бурун воды и снова уходит в глубину. Последнее усилие!.. Уже недвижимой подтаскивает ее рыболов к борту. Быстрый удар багориком — и семга выброшена в лодку.

Десятикилограммовая рыба лежит без движения, а у рыболова от нервного подъема, физической усталости и захватывающей радости — настоящей рыболовной победы над достойным противником — дрожат руки и ноги, усиленно бьется сердце... Несколько минут отдыха, и можно продолжать ловлю...

Рыболов, побывавший на севере и испытавший прелесть ловли семги спиннингом, не забудет своих переживаний. Часто будут ему вспоминаться буйная красота реки, картины борьбы с семгой и победы над нею, и вновь неудержимо потянет его на величавый север.

Д. И. КОЛГАНОВ,
судья всесоюзной категории по рыболовному спорту

Обо всем

Обезжиренный человеческий волос обладает свойством укорачиваться в сухом воздухе и удлиняться в сыром.

Такое свойство волоса использовано в приборе для измерения влажности воздуха — гигрометре. Основное в этом приборе — женский волос, один конец которого закреплен, а другой соединен с блоком. Грузик, привешенный к блоку, натягивает волос. Сокращение или удлинение волоска передается стрелке, которая, передвигаясь по шкале, показывает относительную влажность воздуха в процентах.

* * *

Как известно, средняя величина атмосферного давления на уровне моря равна 760 миллиметрам ртутного столба. Человек при некоторой тренировке может приспособиться и к пониженному давлению — жить высоко в горах.

Высочайшее место в мире, где постоянно живут люди, находится в Тибете. Это деревушка Ток-Джалунг, расположенная на высоте 4979 метров. Атмосферное давление там (при температуре 0 градусов) всего лишь 413 миллиметров.

* * *

Наивысшие приливы наблюдаются в заливе Фенди (Северная Америка). В этом месте океана разница между уровнем воды в полную и малую воду более 16 метров.

* * *

Наиболее высокие облака, известные в настоящее время, — «серебристые облака». Это очень яркие, тонкие, светящиеся, прозрачные образования. Они бывают видимы летними ночами обычно в северной части неба, вблизи горизонта. Их освещает солнце, находящееся под горизонтом. Высоту этих облаков определяют в 80—85 километров.

* * *

Вода в абсолютно чистом состоянии может охлаждаться до температуры минус 10—15 градусов и не замерзать.

Однако стоит в такую переохлажденную воду попасть снежинке или кристаллику льда, как она мгновенно замерзнет.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ В № 35

Водяной пар

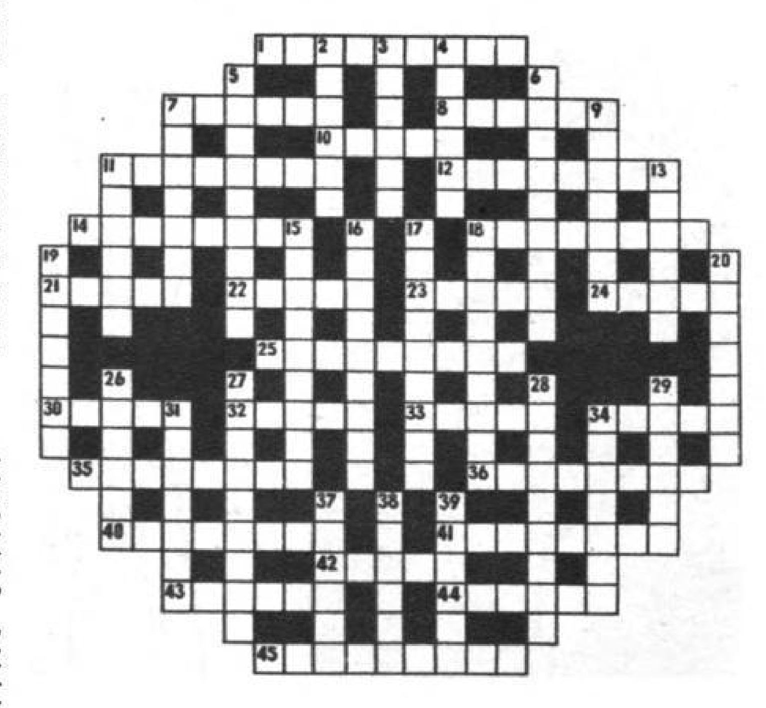
Называя паром белое облако, видимое над кипящей водой, например, при закипании воды в чайнике, мы допускаем ошибку. Водяной пар невидим в воздухе, а видимыми становятся капельки воды, образующиеся из водяного пара при его охлаждении.

Решение позиции из партии

Вилкомир — Хейф (№ 37)

16. . . . a5—b4!; 17. f4—g5 (иначе 17. . . . d6—e5 и выигрывают) b8—a7!!; 18. g5 : e7 b4—c3!; 19. d4 : b2 c5—b4!; 20. a3 : c5 b6 : f2; 21. g1 : e3 c7—b6; 22. e7 : c5 b6 : f2 и выигрывают.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Великий русский ученый. 7. Горная цепь. 8. Одаренность. 10. Пределы, границы. 11. Умеренный холод. 12. Простор. 14. Деталь паровой машины. 18. Дорогая по воспоминаниям или традициям вещь. 21. Род канавы. 22. Преддверие знаменательного события. 23. Вождь крестьянской революции XVII века в России. 24. Музыкально-вокальное произведение в драматической форме. 25. Член детской команды в повести Гайдара. 30. Водоплавающая птица. 32. Опера грузинского композитора. 33. Ручная тележка. 34. Составная часть цепи. 35. Приспособление на переезде. 36. Выемка, вырытая для закладки фундамента. 40. Расположение нескольких одинаковых предметов в одну цепь. 41. Противоположность. 42. Род горной антилопы. 43. Надпись о принятии счета к оплате. 44. Подстилка под седло. 45. Персонаж из «Фауста».

По вертикали:

2. Длина кинофильма. 3. Чешский революционный поэт. 4. Обличительное литературное произведение. 5. Персонаж из «Ревизора» Н. В. Гоголя. 6. Струнный музыкальный инструмент. 7. Кондитерское изделие. 9. Род муки. 11. Рыба. 13. Река в Сибири. 15. Совещание врачей. 16. Народный музыкант и певец на Украине. 17. Пушной хищный зверек. 18. Военная специальность. 19. Местность, примыкающая к границе поселения. 20. Вид граммофона. 26. Узкое водное пространство, соединяющее два моря. 27. Санаторий. 28. Ноты всех партий музыкального произведения. 29. Род военной операции. 31. Отряд древнеримского войска. 34. Парк специального назначения. 37. Спортивное звание. 38. Первый снег. 39. Состязания верховых лошадей.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД В № 37

По горизонтали:

7. Лабиринт. 9. Сведение. 10. Камертон. 11. Еремушка. 12. Трут. 13. Переводчик. 16. Тува. 17. Город. 19. Китаец. 20. Збруч. 24. Кинооператор. 25. Изобретатель. 26. Ангар. 29. Утрата. 30. Сфера. 33. Кадр. 34. Дополнение. 37. Ржев. 38. Горизонт. 39. Подойник. 40. Синоптик. 41. Волнорез.

По вертикали:

1. Таганрог. 2. Директор. 3. Листопад. 4. Пересказ. 5. Редуктор. 6. Мицкевич. 8. Тенор. 9. Смерч. 14. Единоборство. 15. Деепричастие. 18. Оскомина. 21. Барельеф. 22. «Снежок». 23. Стокер. 26. Анатомия. 27. Гарнизон. 28. Редкость. 30. Стендаль. 31. Ефрейтор. 32. Ацетилен. 35. Поток. 36. Напев.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ ЭТИ СТРОКИ?

1

«Науку и технику надо изображать не как склад готовых открытий и изобретений, а как арену борьбы».

2

«Человек родился быть господином, повелителем, царем природы. Но мудрость, с которою он должен править, не дана ему от рождения: она приобретается учением».

3

«Творчество поэта, диалектика философа, искусство исследователя — вот материалы, из которых слагается великий ученый».

4

«Противник, вскрывающий ваши ошибки, полезнее для вас, чем друг, желающий их скрыть».

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

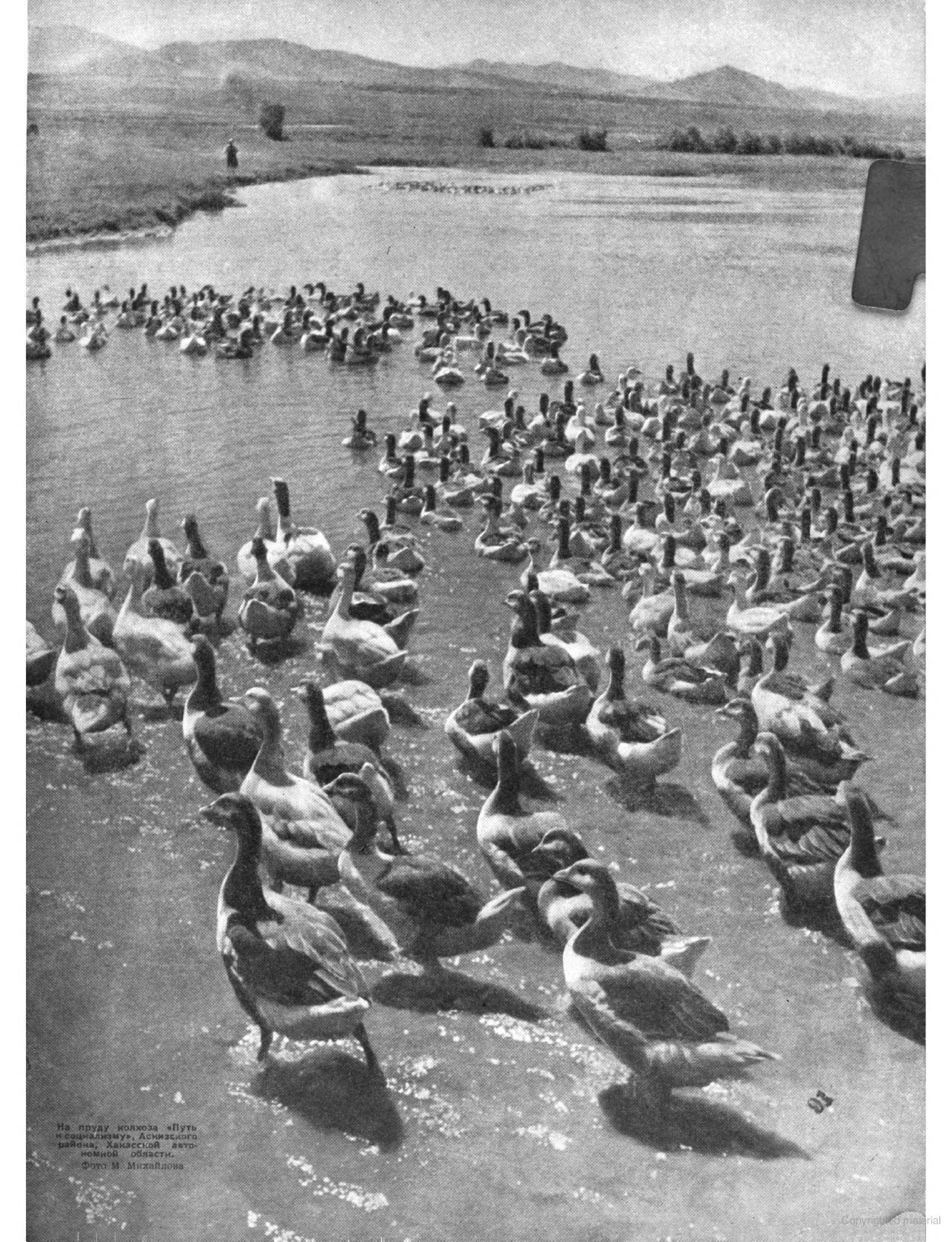
Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А — 04395. Подписано к печати 12/IX 1950 г. Изд. № 643. $5^{1/2}$ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 2373. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

На пруду колхоза «Путь к социализму», Аскизского района, Хакасской автономной области.

Фото М. Михайлова

ЦЕНА 3 РУБ.